

Возрастная и педагогическая психология

- С.В. Мерзлякова, М.Г. Голубева, Н.В. Бибарсова
Представления о материнстве в зависимости от нравственной ориентации личности
юношей и девушек 3
- В.И. Моросанова, И.Н. Бондаренко, А.М. Потанина, Ю.А. Ишмуратова
Осознанная саморегуляция в системе предикторов успешности по русскому языку в школе
(общая модель и ее модификации) 15

Социальная психология

- З.Д. Шаехов
Психологическое благополучие в контексте пола и сексуальной идентичности 31

Спортивная психология

- А.В. Кушнирук
Спортивная идентичность как предиктор самоэффективности у людей с разным
уровнем вовлеченности в физическую активность 43

Клиническая психология

- Е.Г. Иванова, Ю.В. Микадзе, М.Н. Гордеев,
Г.Е. Иванова, В.В. Барабанщикова, Ю.П. Зинченко
Опыт организации психологической помощи в ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России
в условиях перепрофилирования 50

Психология экстремальных ситуаций

- А.А. Тарасова, Ю.С. Шойгу, В.И. Цыбуля
Критерии оценки результатов мониторингового психодиагностического обследования
в системе МЧС России 63

Психология труда и инженерная психология

- Н.А. Михайлова, А.Ю. Николаев, О.Г. Носкова
Эргономическое обеспечение проектирования и внедрения прибора контроля бодрствования
железнодорожного машиниста 87
- М.С. Шевелева, А.А. Золотарева, Н.А. Руднова
Феномен самозванца в профессиональной среде: роль мотивации и перфекционизма 96

Developmental Psychology and Pedagogical Psychology

- V.A. Merzlyakova, M.G. Golubeva, N.V. Bibarsova
Concept of motherhood as dependent on the moral structure of personality
in young men and women 3
- V.I. Morosanova, I.N. Bondarenko, A.M. Potanina, Yu.A. Ishmuratova
Conscious self-regulation in the system of predictors of success in Russian language at school
(general model and its modifications). 15

Social Psychology

- Z.D. Shaekhov
Psychological well-being in the context of gender and sexual identity. 31

Psychology of Sport

- A.V. Kushniruk
Athletic identity as a predictor of self-efficacy among people with different level
of involvement into physical activity 43

Clinical Psychology

- E.G. Ivanova, Y.V. Mikadze, M.N. Gordeev, G.E. Ivanova,
V.V. Barabanshchikova, Yu.P. Zinchenko
Organization of psychological services at the FSBI “FCB&N” FMBA of Russia
in the context of re-profiling 50

Psychology of Extreme Situations

- A.A. Tarasova, Yu.S. Shoigu, V.I. Tsybulia
Criteria for evaluating the results of psychodiagnostic monitoring in the EMERCOM of Russia 63

Psychology of Labor and Engineering Psychology

- N.A. Mikhailova, A.Yu. Nikolaev, O.G. Noskova
Ergonomic design and implementation of a wakefulness control device for a railway train driver. 87
- M.S. Sheveleva, A.A. Zolotareva, N.A. Rudnova
The imposter phenomenon in the work context: the role of motivation and perfectionism. 96

Оригинальная статья

УДК 159.9.075, 159.922.8
doi: 10.11621/npj.2021.0301

Представления о материнстве в зависимости от нравственной ориентации личности юношей и девушек

С.В. Мерзлякова*, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

ORCID: 0000-0003-4707-4886

М.Г. Голубева, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

ORCID: 0000-0002-5776-9369

Н.В. Бибарсова, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

ORCID: 0000-0001-9164-6824

*Для контактов: svetym@yandex.ru

Актуальность. Решение практических задач по преодолению семейно-демографического кризиса, по повышению авторитета родительства в современном обществе определяют актуальность исследований социально-психологических факторов, детерминирующих развитие брачно-семейных представлений молодежи в условиях информационной социализации.

Цель. Анализ особенностей представлений о материнстве у юношей и девушек, различающихся по характеру нравственной ориентации личности.

Описание хода исследования. Эмпирическое исследование, в котором приняли участие 490 студентов (126 юношей, 364 девушки), проводилось с помощью психодиагностических методик: «Нравственное самоопределение личности» А.Е. Воробьевой, А.Б. Купрейченко, модифицированного варианта методики семантического дифференциала И.Л. Соломина, проективной методики «Незаконченные предложения», опросника «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой. На основе корреляционного анализа с последующим ранжированием была определена иерархия содержательных характеристик в представлениях о материнстве у юношей и девушек, различающихся по характеру нравственной ориентации личности.

Результаты исследования. Показано, что нравственные ориентации личности являются существенным дифференцирующим фактором формирования представлений о материнстве у юношей и девушек. Образ идеальной мамы отличается наличием когнитивных искажений у девушек с эгоцентрической (негативное отношение к совместному семейному отдыху: $r = -0,46$, $p = 0,009$) и группоцентрической (установка на низкую активность при собственной реализации хозяйственно-бытовой функции в семье: $r = -0,425$, $p = 0,012$) ориентациями.

Заключение. Материалы проведенного исследования указывают на необходимость коррекции брачно-семейных представлений и целенаправленного формирования позитивной нравственной позиции у студентов. Становление гуманистической и миротворческой ориентации личности будет способствовать развитию полных, адекватных и гармоничных представлений о содержании родительской сферы у современных юношей и девушек.

Ключевые слова: представления о материнстве, образ идеальной мамы, нравственность, нравственные ориентации

Информация о грантах и благодарностях. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проекта «Личностные факторы развития семейного самоопределения в юношеском возрасте и ранней зрелости» № 20-013-00072.

Для цитирования: Мерзлякова С.В., Голубева М.Г., Бибарсова Н.В. Представления о материнстве в зависимости от нравственной ориентации личности юношей и девушек // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 3–14. doi: 10.11621/npj.2021.0301

Поступила 2 июня 2021 / Принята к публикации 15 июля 2021

Concept of motherhood as dependent on the moral structure of personality in young men and women

Svetlana V. Merzlyakova*, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

ORCID: 0000-0003-4707-4886

Marina G. Golubeva, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

ORCID: 0000-0002-5776-9369

Nadia V. Bibarsova, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

ORCID: 0000-0001-9164-6824

*Corresponding author: svetym@yandex.ru

Background. The urge to solve practical problems of overcoming family and demographic crisis, of increasing the authority of parenthood in modern society evokes the relevance of research on socio-psychological factors determining the development of marriage and family concepts in the framework of information socialization of young people.

Objective. Current research aims to analyze the characteristics of the concept about motherhood among young men and women who differ in the structure of moral orientation of personality.

Design. An empirical study involved 490 students (126 young men, 364 young women). It was conducted with the use of a set of psychological assessment methods: "The Moral Self-Determination" by A.E. Vorobieva, A.B. Kupreychenko, a modified version of the semantic differential method by I.L. Solomin, projective techniques "Incomplete Sentences", the questionnaire "Role Expectations and Claims in Marriage" by A.N. Volkova. On the basis of the correlational analysis with the subsequent ranking the hierarchy of content characteristics in the concept of motherhood among young men and women differing in the moral structure of the personality was determined.

Results. It has been shown that moral structure of personality is a significant differentiating factor in the development of concepts about motherhood among young men and women. The image of the ideal mother is distinguished by cognitive distortions among young women with egocentric (negative attitude towards joint family recreation: $r = -0.46$ at $p = 0.009$) and group-centered (setting for low activity in taking up household responsibilities in the family: $r = -0.425$ at $p = 0.012$) orientations.

Conclusion. The materials of the conducted research indicate the need for changes in the concepts of marriage and family and for promotion of a positive moral position among students. The development of a humanistic and world-creating orientation of the personality will contribute to the development of complete, adequate and harmonious ideas about the concepts of parenthood in modern young men and women.

Keywords: concept of motherhood, the image of the ideal mother, morality, moral orientations

Information about grants and acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Researches (RFBR) in the framework of scientific project № 20-013-00072 "Personal Factors of Family Self-determination Development in Adolescence and Early Adulthood".

For citation: Merzlyakova, S.V., Golubeva, M.G., Bibarsova, N.V. (2021) Concept of motherhood as dependent on the moral structure of personality in young men and women, [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 3 (43), 3–14. doi: 10.11621/npj.2021.0301

Received June 2, 2021 / Accepted for publication July 15, 2021

Введение

В современной ситуации социально-экономического развития в условиях открытого и противоречивого информационного пространства вопрос о традиционных семейных ценностях приобретает особую актуальность. Масштабная пропаганда и легализация однополых браков, которые регистрируются уже в 20 странах мира, активное навязывание ценностей ЛГБТ-сообщества поставили перед государством необходимость усиления мер по сохранению и развитию института семьи и брака. В связи с этим в нашей стране сформировался социальный запрос на повышение авторитета брачно-семейных отношений в молодежной среде.

В психологической науке следует отметить интерес к изучению брачно-семейных представлений и семейных ценностей современной молодежи в условиях информационной социализации. Такие ученые как Н.Л. Москвичева, А.А. Реан, С.Н. Костромина,

Н.В. Гришина, Е.В. Зиновьева (Москвичева, Реан, Костромина и др., 2019) исследовали жизненные модели студенческой молодежи в сфере близких отношений, выявили их дифференциацию и обнаружили ориентацию респондентов на модель родительской семьи. В результате многолетнего мониторинга (1995–2016 гг.) изучена эволюция отношения к семье и семейным ценностям в студенческой среде (Вишневский, Ячменева, 2018). Эмпирическое исследование И.В. Аношкина и О.А. Сычева (Аношкин, Сычев, 2019) опровергает распространенное мнение о противоречивости между гедонистическим мировоззрением и семейными ценностями молодежи. Е.Л. Горлова (Горлова, 2018) установила связь психологического возраста (уровня рефлексивного развития) и представлений о семье, отношения к матери, отцу, лицам противоположного пола у подростков. О.В. Усова и соавторы (Усова, Чевтаева, Никитина, 2020) провели анализ состояния современной российской семьи через призму понятия «социальная репрезентация» и определения ее благополучия / неблагополучия педагогами на основании

Светлана Васильевна Мерзлякова — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и когнитивной психологии Астраханского государственного университета

ORCID: 0000-0003-4707-4886

<https://asu.edu.ru/staff/73-1-merzliakova-svetlana-vasilevna.html>

Svetlana V. Merzlyakova — PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Cognitive Psychology, Astrakhan State University

ORCID: 0000-0003-4707-4886

Марина Герасимовна Голубева — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Астраханского государственного университета

ORCID: 0000-0002-5776-9369

<https://asu.edu.ru/staff/447-1-golubeva-marina-gerasimovna.html>

Marina G. Golubeva — PhD in Psychology, Associate Professor, Department of English for Humanities, Astrakhan State University

ORCID: 0000-0002-5776-9369

Надия Витальевна Бибарсова — ассистент кафедры общей и когнитивной психологии Астраханского государственного университета

ORCID: 0000-0001-9164-6824

<https://asu.edu.ru/staff/1187-1-bibarsova-nadiia-vitalevna.html>

Nadia V. Bibarsova — Assistant at the Department of General and Cognitive Psychology, Astrakhan State University

ORCID: 0000-0001-9164-6824

демонстрируемого обучающимися поведения (про-социального или девиантного). Анализ результатов эмпирического исследования функциональной организации психосемантической системы семейной целенаправленности позволил установить динамику доминирующих ценностей, определяющих ценностно-смысловую регуляцию системы в зависимости от пола и возраста (Нозикова, 2018). Так, в юношеском возрасте для девушек доминирующим по показателю ценности является представление о своей будущей семье, для юношей — отношения с будущей супругой. В зрелости доминирующей системообразующей ценностью обладает событие рождения ребенка независимо от пола.

Исследователи фокусируют внимание на особенностях отношения к материнству девушек-студенток как особой социальной группы (Карабанова, Бурменская, Захарова и др., 2017). Важным условием, определяющим позицию девушек относительно материнства, выступает характер взаимоотношений с родителями (Бурменская, Алмазова, Карабанова и др., 2018). Позитивные эмоционально-смысловые установки в отношении материнства формируются при родительском принятии, сотрудничестве, близости. В результате исследования (Садовникова, Карабанова, Бурменская и др., 2018) установлено, что характер детско-родительских отношений (уровень и конфликтный / гармоничный стиль сепарации) обуславливает тип отношения к материнской роли на этапе вхождения во взрослость. Проблема формирования отношения к материнству затрагивается в контексте изучения влияния базисных представлений о мире и образа «Я» (Karabanova, Almazova, Burmenskaya, et al., 2018), приоритетов в ценностной сфере девушек (Карабанова, Захарова, Бурменская, Алмазова, Долгих, Молчанов, Садовникова, 2018).

«Именно представление о будущей родительской роли становится отправной точкой для формирования внутренней позиции в отношении будущего материнства, отцовства... Мы рассматриваем родительские представления как ориентиры, с опорой на которые человек будет строить свое родительское поведение в будущем» (Захарова, Карабанова, Старостина и др., 2019, С. 107). В означенном контексте, представления о родительстве выступают в качестве ориентировочной основы осваиваемой деятельности (родительского поведения).

В контексте нашего исследования структура представлений о родительстве включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент — это конкретно созданный образ идеального и реального родителя (отец / мама) с набором личностных качеств, необходимых для выполнения родительских функций и освоения родительского поведения. Эмоциональный компонент включает в себя положительное отношение к семье как социальному институту и собственной семье, будущим детям, супружеским правам и обязанностям, необходимые для воспитания ребенка. Поведенческий компонент — осведомленность о способах реализации родительских функций, ролевые ожида-

ния (установка на активное выполнение семейных обязанностей брачным партнером) и ролевые притязания (готовность и умения выполнять семейные обязанности). Проблема развития представлений о материнстве у современной молодежи ставит вопрос о том, какие детерминанты способствуют формированию поведенческих установок для реализации материнской роли. В проведенных ранее исследованиях нами установлено, что пол, возраст, структура ценностных ориентаций определяют особенности представлений о материнстве у студенческой молодежи (Merzlyakova, Golubeva, & Eremit'skaya, 2019; Merzlyakova & Bibarsova, 2020). Вместе с тем, нравственность как личностный фактор развития представлений о материнстве у современной молодежи мало исследован.

А.Б. Купрейченко, А.Е. Воробьева (Купрейченко, Воробьева, 2013) отмечают, что в настоящее время происходит оформление такой отрасли науки, как психология нравственности. Проводя анализ нравственно-психологической проблематики актуальных исследований, можно выделить следующие направления.

Исследования стадии нравственного развития, уровня развития моральных суждений и нравственного сознания являются наиболее разработанным направлением. Л.Т. Потанина и А.Н. Гусев (Потанина, Гусев, 2018) предлагают показателем нравственного развития рассматривать прагматическое / непрагматическое видение мира, то есть умение соотносить свойства объектов и явлений с позиции нравственных ценностей. С.В. Молчанов, О.В. Алмазова, Н.Н. Поскребышева (Молчанов, Алмазова, Поскребышева, 2019) установили различия в уровне моральных суждений подростков в зависимости от типа психологического благополучия. С.В. Молчанов с коллегами (Молчанов, Алмазова, Поскребышева и др., 2018) выявили взаимосвязь когнитивных способов переработки социальной информации интернет-сети и особенностей морального сознания и представлений о моральной регуляции, ответственности и моральной чувствительности.

В работах Т.И. Медведевой с соавторами (Медведева, Ениколопов, Воронцова, Казьмина, 2019) анализируются гендерные различия в принятии моральных решений. Crocetti E., Moscatelli S., Kaniušonytė G. (Crocetti, Moscatelli, Kaniušonytė, et al., 2019) обнаружили, что у девушек уровень нравственности и компетентности повышается, в то время как у юношей показатели снижаются по всем аспектам.

Ряд работ посвящен исследованиям основополагающих для нравственности свойств личности. Так, В.Д. Шадриков (Шадриков, 2018) разработал интраиндивидуальную структуру совести, которая определяет нравственное поведение человека. К высшим нравственным качествам относятся добродетельность (доброжелательность), свобода воли, любовь к другим, эмпатия и рефлексивность. Доброта как социально-психологическая категория выступала предметом анализа в исследовании зарубежных авторов (Cotney, Banerjee, 2017).

Существует ряд исследований нравственной детерминации профессиональной деятельности (Veselova & Korzhova, 2020), экономической (Журавлев, Купрейченко, 2013) и социальной активности субъекта (Акимова, Галстян, 2019).

Отметим ряд работ, посвященных анализу методов воздействия на нравственное сознание и поведение современной молодежи. Т.А. Лопатухина, А.В. Рынкевич (Лопатухина, Рынкевич, 2016) предлагают внести изменения в систему высшего образования за счет усиления и акцентирования в учебном процессе системы воспитания студентов, осуществляемого на основе национальных ценностей и традиций. Согласно результатам исследования П.А. Кислякова, Е.А. Шмелевой, М.О. Александрович (Кисляков, Шмелева, Александрович, 2020) доминирующими моральными основаниями и нормами просоциального поведения молодежи выступают нормы заботы, справедливости, социальной ответственности. Исследователи фокусируют внимание на целесообразности в рамках реализации дисциплин гуманитарного цикла использовать ситуативное моделирование, направленное на решение моральных дилемм (Шабалин, Первушина, 2018) и формирование установок на просоциальное поведение. Благотворительная деятельность способствует формированию у молодых людей нравственных норм и таких качеств, как бескорыстность, отзывчивость, гражданское самосознание (Попова, Попова, 2018).

Обзор публикаций по рассматриваемой тематике показывает, что связь нравственных ориентаций и представлений о материнстве у современной молодежи не выступала предметом анализа в психологических исследованиях. Представленное исследование направлено на восполнение этого пробела.

Цель и гипотеза исследования

Цель — провести анализ особенностей представлений о материнстве у юношей и девушек, различающихся по характеру нравственной ориентации личности. Нами была выдвинута гипотеза о том, что особенности представлений о материнстве определяются полом и нравственной ориентацией личности.

Задачи исследования:

- 1) определить характер нравственной ориентации личности у респондентов;
- 2) выявить содержательные характеристики представлений о материнстве в зависимости от нравственной ориентации юношей и девушек.

Методы и методики

С целью определения нравственной ориентации личности у юношей и девушек мы использовали методику «Нравственное самоопределение личности» А.Е. Воробьевой, А.Б. Купрейченко. Испытуемым предлагалось оценить 87 утверждений по 5-балльной шкале. Методика содержит три смысловых блока: «Представления о нравственности, морали», «Нрав-

ственные стратегии» и «Нравственные ориентации личности». Блок «Нравственные ориентации личности» содержит такие шкалы, как «эгоцентрическая ориентация», «группоцентрическая ориентация», «гуманистическая ориентация», «миросозидательная ориентация». Для каждого испытуемого подсчитываются баллы по каждой шкале в соответствии с ключом методики.

Для выявления особенностей представлений о материнстве мы применили следующие психодиагностические методики: метод семантического дифференциала, разработанный Ч. Огстудом, проективную методику «Незаконченные предложения», опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой.

Исследование представлений об идеальной маме выполнено с помощью модифицированного варианта методики семантического дифференциала в пакете методик психосемантической диагностики скрытой мотивации, разработанного И.Л. Соломиным. Испытуемым предлагалось оценить с помощью набора из 18 шкал, полюса которых представлены прилагательными-антонимами, ряд понятий, характеризующих образ «идеальной мамы» и когнитивный компонент представлений о материнстве: «выполнение обязанностей», «заботливость», «личная независимость», «ответственность», «терпеливость», «трудолюбие», «уважение к другому человеку», «уравновешенность (самоконтроль)», «успешность», «эмпатия». Для определения предпочитаемой стратегии материнства мы использовали понятия «самоактуализация», «счастье». Для каждого из предложенных испытуемому понятию было рассчитано среднее арифметическое значение по факторам ценности, силы и активности.

Проективная методика «Незаконченные предложения» позволила нам изучить элементы эмоционального компонента представлений о материнстве: отношение к семье как социальному институту, собственной семье, будущим детям, семейным конфликтам, разводу, главенству и ответственности в семье, правам и обязанностям супругов, семейному отдыху и досугу. Данная методика состоит из 64 предложений, которые разделены на 16 тематических групп. В начальной части предложения указывается сфера или объект отношения. Завершая предложение, испытуемый выражает свое отношение к данной сфере.

В результате использования опросника «Рольевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой нами выявлены установки студентов на активное выполнение будущим брачным партнером семейных ролей (ролевые ожидания) и собственную личную готовность выполнять семейные обязанности (ролевые притязания) в хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной, эмоционально-психотерапевтической сферах, социальной активности, внешней привлекательности, которые составили поведенческий компонент представлений о материнстве.

С помощью критерия Колмогорова–Смирнова для одной выборки, критерия Шапиро–Уилкса нами было установлено, что распределение переменной «идеальная мама» значительно отличается от нормального закона,

поэтому для выявления содержательных характеристик представлений о материнстве мы использовали ранговую корреляцию Спирмена (r).

В результате процедуры ранжирования по величине коэффициента корреляции была установлена иерархия содержательных характеристик в представлениях о материнстве от наиболее важных к менее значимым. На следующем этапе, в результате сравнительного анализа были выявлены общие и специфические содержательные характеристики представлений о материнстве в зависимости от нравственной ориентации и пола респондентов.

Выборка

В исследовании приняли участие 490 студентов Астраханского государственного университета, Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Из них 126 (25,7%) юношей и 364 (74,3%) девушки.

Результаты

С помощью методики «Нравственное самоопределение личности» А.Е. Воробьёвой, А.Б. Купрейченко установлено, что 50 (10,2%) респондентов имеют эгоцентрическую ориентацию, 50 чел. (10,2%) — группоцентрическую ориентацию, 91 чел. (18,6%) — гуманистическую ориентацию, 213 чел. (43,5%) — мирозидательную ориентацию, 86 чел. (17,5%) — смешанную ориентацию. Из рис. 1 видно, что в группе юношей у 19 чел. (15,1%) наблюдается эгоцентрическая ориентация, у 16 чел. (12,7%) — группоцентрическая ориентация, у 17 чел. (13,5%) — гуманистическая ориентация, у 53 чел. (42,1%) — мирозидательная ориентация, у 21 чел. (16,6%) — смешанная ориентация. В группе девушек выявлено 31 чел. (8,5%) с эгоцентрической ориентацией, 34 чел. (9,3%) с группоцентрической ориентацией, 74 чел. (20,3%) с гуманистической ориентацией, 160 чел. (44%) с мирозидательной ориентацией, 65 чел. (17,9%) со смешанной ориентацией.

Таблица. Значимые корреляции содержательных характеристик образа идеальной мамы в зависимости от нравственной ориентации личности юношей и девушек

Содержательные характеристики образа идеальной мамы	Юноши				Девушки			
	Эгоцентрическая ориентация (n = 19)	Группоцентрическая ориентация (n = 16)	Гуманистическая ориентация (n = 17)	Мирозидательная ориентация (n = 53)	Эгоцентрическая ориентация (n = 31)	Группоцентрическая ориентация (n = 34)	Гуманистическая ориентация (n = 74)	Мирозидательная ориентация (n = 160)
Когнитивный компонент								
Выполнение обязанностей			0,701**	0,484**			0,299**	0,38**
Заботливость	0,604**	0,695**	0,538*	0,742**	0,726**	0,446**	0,599**	0,666**
Личная независимость	0,674**	0,782**		0,580**	0,625**	0,593**	0,318**	0,506**
Ответственность				0,384**			0,294*	0,421**
Терпеливость		0,651**	0,507*	0,476**	0,535**		0,299**	0,431**
Трудолюбие		0,754**	0,616**	0,499**	0,377*		0,377**	0,493**
Уважение к другим людям	0,78**			0,648**	0,598**		0,312**	0,616**
Уравновешенность		0,553*		0,549**	0,599**		0,321**	0,422**
Успешность		-	0,522*	0,47**			0,395**	0,505**
Эмпатия		0,504*		0,399**	0,516**			0,382**
Эмоциональный компонент								
Отношение к семье как социальному институту	0,47*							
Отношение к собственной семье							0,385**	
Отношение к будущим детям	0,632**							0,166*
Отношение к разводу								-0,175*
Главенство и ответственность в семье								0,188*
Права и обязанности супругов		0,601*						0,204**
Отношение к семейному отдыху и досугу					-0,46**			
Поведенческий компонент								
Хозяйственно-бытовая сфера						-0,425*	0,295*	
Родительско-воспитательная сфера							0,318**	0,191*
Эмоционально-психотерапевтическая сфера				0,303*			0,411**	
Внешняя привлекательность								0,3**

Примечания: * — корреляция значима на уровне 0,05, ** — корреляция значима на уровне 0,01

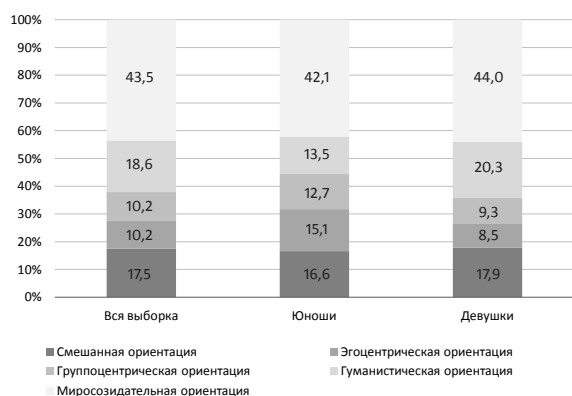

Рис. Результаты диагностики нравственной ориентации личности юношей и девушек, %

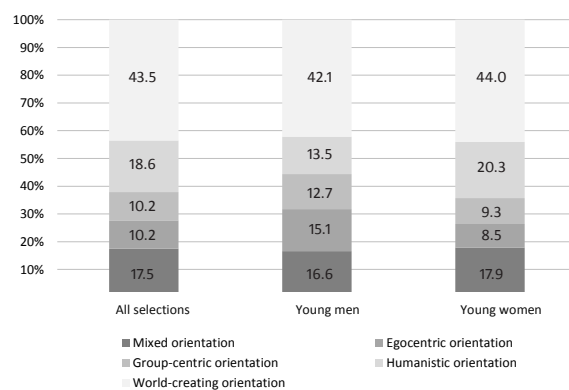

Fig. The results of the diagnosis of the moral orientation of the personality of young men and young women, %

В табл. представлены статистически значимые взаимосвязи образа идеальной мамы и содержательных характеристик в зависимости от нравственной ориентации юношей и девушек.

У юношей с эгоцентрической ориентацией личности в образе идеальной мамы представлены 5 эле-

ментов когнитивного и эмоционального компонента. Содержательные характеристики имеют следующую иерархию: 1) уважение к другим людям ($r=0,78$ при $p<0,0001$); 2) личная независимость ($r=0,674$ при $p=0,002$); 3) положительное отношение к будущим детям ($r=0,632$ при $p=0,004$); 4) заботливость

Table. Significant correlations of the content characteristics of the image of the ideal mother depending on the moral orientation of the personality of young men and young women

Meaningful characteristics of the image of the ideal mother	Young men				Young women			
	Egocentric orientation (n = 19)	Group-centric orientation (n = 16)	Humanistic orientation (n = 17)	World-creating orientation (n = 53)	Egocentric orientation (n = 31)	Group-centric orientation (n = 34)	Humanistic orientation (n = 74)	World-creating orientation (n = 160)
Cognitive component								
Performance of duties			0.701**	0.484**			0.299**	0.38**
Caring	0.604**	0.695**	0.538*	0.742**	0.726**	0.446**	0.599**	0.666**
Personal independence	0.674**	0.782**		0.580**	0.625**	0.593**	0.318**	0.506**
Responsibility				0.384**			0.294*	0.421**
Patience		0.651**	0.507*	0.476**	0.535**		0.299**	0.431**
Industriousness		0.754**	0.616**	0.499**	0.377*		0.377**	0.493**
Respect for other people	0.78**			0.648**	0.598**		0.312**	0.616**
Balance		0.553*		0.549**	0.599**		0.321**	0.422**
Success		-	0.522*	0.47**			0.395**	0.505**
Empathy		0.504*		0.399**	0.516**			0.382**
Emotional component								
Attitude towards family as a social institution	0.47*							
Attitude towards one's own family							0.385**	
Attitude towards future children	0.632**							0.166*
Attitude towards divorce								-0.175*
Primacy and responsibility in the family								0.188*
Rights and obligations of spouses		0.601*						0.204**
Attitude towards family recreation and leisure						-0.46**		
Behavioral component								
Economic and household sphere						-0.425*	0.295*	
Parent-educational sphere							0.318**	0.191*
Emotional and psychotherapeutic sphere				0.303*			0.411**	
External attractiveness								0.3**

Notes: * — correlation is significant at 0.05, ** — correlation is significant at 0.01

($r=0,604$ при $p=0,006$); 5) положительное отношение к семье как социальному институту ($r=0,47$ при $p=0,042$).

В группе юношей с группоцентрической ориентацией личности образ идеальной мамы включает в себя 7 элементов когнитивного и эмоционального компонент, которые образуют следующую последовательность: 1) личная независимость ($r=0,782$ при $p<0,0001$); 2) трудолюбие ($r=0,754$ при $p=0,001$); 3) заботливость ($r=0,695$ при $p=0,003$); 4) терпеливость ($r=0,651$ при $p=0,006$); 5) положительное отношение к супружеским правам и обязанностям ($r=0,601$ при $p=0,014$); 6) уравновешенность ($r=0,553$ при $p=0,026$); 7) эмпатия ($r=0,504$ при $p=0,046$).

У юношей с гуманистической ориентацией личности в представлениях об идеальной маме сформирован только когнитивный компонент. В данной типологической группе респондентов 5 личностных качеств образуют следующую иерархическую структуру: 1) выполнение обязанностей ($r=0,701$ при $p=0,002$); 2) трудолюбие ($r=0,616$ при $p=0,008$); 3) заботливость ($r=0,538$ при $p=0,026$); 4) успешность ($r=0,522$ при $p=0,032$); 5) терпеливость ($r=0,507$ при $p=0,038$).

У юношей с мирозидательной ориентацией личности представления об идеальной маме отличаются наибольшим количеством содержательных характеристик. В образе идеальной мамы 11 элементов когнитивного и поведенческого компонентов имеют следующую иерархию: 1) заботливость ($r=0,742$ при $p<0,0001$); 2) уважение к другим людям ($r=0,648$ при $p<0,0001$); 3) личная независимость ($r=0,58$ при $p<0,0001$); 4) уравновешенность ($r=0,549$ при $p<0,0001$); 5) трудолюбие ($r=0,499$ при $p<0,0001$); 6) выполнение обязанностей ($r=0,484$ при $p<0,0001$); 7) терпеливость ($r=0,476$ при $p<0,0001$); 8) успешность ($r=0,47$ при $p<0,0001$); 9) эмпатия ($r=0,399$ при $p=0,003$); 10) ответственность ($r=0,384$ при $p=0,005$); 11) ролевые ожидания в эмоционально-психотерапевтической сфере ($r=0,303$ при $p=0,029$).

У девушек с эгоцентрической ориентацией личности представления об идеальной маме включают в себя 8 элементов когнитивного и эмоционального компонент. Содержательные характеристики образа идеальной мамы образуют следующую иерархическую структуру: 1) заботливость ($r=0,726$ при $p<0,0001$); 2) личная независимость ($r=0,625$ при $p<0,0001$); 3) уравновешенность ($r=0,599$ при $p<0,0001$); 4) уважение к другим людям ($r=0,598$ при $p<0,0001$); 5) терпеливость ($r=0,535$ при $p=0,002$); 6) эмпатия ($r=0,516$ при $p=0,003$); 7) трудолюбие ($r=0,377$ при $p=0,036$); 8) негативное отношение к семейному отдыху и досугу ($r=-0,46$ при $p=0,009$).

У девушек с группоцентрической ориентацией личности в представлениях об идеальной маме зафиксировано наименьшее количество содержательных характеристик. В образе идеальной мамы 3 элемента когнитивного и поведенческого компонентов имеют следующую иерархию: 1) личная независимость ($r=0,593$ при $p<0,0001$); 2) заботливость ($r=0,446$ при $p=0,008$); 3) установка на низкую активность

при собственной реализации хозяйственно-бытовой функции семьи ($r=-0,425$ при $p=0,012$).

В группе девушек с гуманистической ориентацией личности представления об идеальной маме включают в себя 13 элементов когнитивного, эмоционального и поведенческого компонент. Наблюдается следующая иерархия содержательных характеристик: 1) заботливость ($r=0,599$ при $p<0,0001$); 2) ролевые притязания в эмоционально-психотерапевтической сфере ($r=0,411$ при $p<0,0001$); 3) успешность ($r=0,395$ при $p<0,0001$); 4) положительное отношение к собственной семье ($r=0,385$ при $p=0,001$); 5) трудолюбие ($r=0,377$ при $p=0,001$); 6) уравновешенность ($r=0,321$ при $p=0,005$); 7) личная независимость ($r=0,318$ при $p=0,006$); 8) ролевые притязания в родительско-воспитательной сфере ($r=0,318$ при $p=0,008$); 9) уважение к другим людям ($r=0,312$ при $p=0,007$); 10) выполнение обязанностей ($r=0,299$ при $p=0,01$); 11) терпеливость ($r=0,299$ при $p=0,01$); 12) ролевые притязания в хозяйственно-бытовой сфере ($r=0,295$ при $p=0,014$); 13) ответственность ($r=0,294$ при $p=0,011$).

У девушек с мирозидательной ориентацией личности выявлено максимальное количество содержательных характеристик в образе идеальной мамы. 16 элементов когнитивного, эмоционального и поведенческого компонент образуют следующую последовательность: 1) заботливость ($r=0,666$ при $p<0,0001$); 2) уважение к другим людям ($r=0,616$ при $p<0,0001$); 3) личная независимость ($r=0,506$ при $p<0,0001$); 4) успешность ($r=0,505$ при $p<0,0001$); 5) трудолюбие ($r=0,493$ при $p<0,0001$); 6) терпеливость ($r=0,431$ при $p<0,0001$); 7) уравновешенность ($r=0,422$ при $p<0,0001$); 8) ответственность ($r=0,421$ при $p<0,0001$); 9) эмпатия ($r=0,382$ при $p<0,0001$); 10) выполнение обязанностей ($r=0,38$ при $p<0,0001$); 11) внешняя привлекательность ($r=0,3$ при $p<0,0001$); 12) положительное отношение к супружеским правам и обязанностям ($r=0,204$ при $p=0,01$); 13) ролевые притязания в родительско-воспитательной сфере ($r=0,191$ при $p=0,017$); 14) положительное отношение к главенству и ответственности в семье ($r=0,188$ при $p=0,018$); 15) положительное отношение к будущим детям ($r=0,166$ при $p=0,036$); 16) негативное отношение к разводу ($r=-0,175$ при $p=0,027$).

Итак, нравственные ориентации личности и пол респондентов обуславливают особенности представлений о материнстве у студенческой молодежи.

Обсуждение

Зафиксирована дифференциация представлений о материнстве в зависимости от нравственной ориентации личности юношей и девушек. Если отдельные элементы когнитивного компонента являются общей, инвариантной характеристикой представлений о материнстве для представителей двух — трех типологических групп, то содержание эмоционального и поведенческого компонент в основном определяется нравственной ориентацией личности. Представления о материнстве у юношей и девушек с одной и той же

нравственной ориентацией личности не совпадают. Гипотетическое предположение получило эмпирическую поддержку.

В группе юношей общим личностным качеством в образе идеальной мамы является заботливость. У юношей с эгоцентрической ориентацией образ идеальной мамы отличается наличием элементов когнитивного (уважение к другим людям, личная независимость) и эмоционального (положительное отношение к будущим детям и семье как социальному институту) компонентов. У юношей с группоцентрической ориентацией представления об идеальной маме дополняются такими элементами когнитивного компонента, как личная независимость, трудолюбие, терпеливость, уравновешенность, эмпатия. Наблюдается актуализация эмоционального компонента — положительное отношение к супружеским правам и обязанностям. Образ идеальной мамы у юношей с гуманистической ориентацией отличается присутствием дополнительных элементов когнитивного компонента (выполнение обязанностей, трудолюбие, успешность, терпеливость). Наибольшим своеобразием и наполненностью отличаются представления о материнстве у юношей с мирозидательной ориентацией личности. Когнитивный компонент включает в себя все рассматриваемые нами элементы. Кроме того, зафиксированы ролевые ожидания в эмоционально-психотерапевтической сфере, относящиеся к поведенческому компоненту представлений о материнстве.

Инвариантной характеристикой образа идеальной мамы у девушек является сформированность когнитивного компонента и наличие таких личностных качеств, как заботливость и личная независимость. У девушек с эгоцентрической, гуманистической и мирозидательной ориентациями в образе идеальной мамы присутствуют общие элементы когнитивного компонента: терпеливость, трудолюбие, уважение к другим людям, уравновешенность. У девушек с эгоцентрической ориентацией представления об идеальной маме дополняются элементами когнитивного (эмпатия) и эмоционального (негативное отношение к семейному отдыху) компонентов. У девушек с группоцентрической ориентацией личности представления об идеальном материнстве дополняются элементом поведенческого компонента: установка на низкую активность при собственной реализации хозяйственно-бытовой функции семьи. Следовательно, образ идеальной мамы у девушек с эгоцентрической и группоцентрической ориентациями отличается наличием когнитивных искажений. У девушек с гуманистической и мирозидательной ориентациями в представлениях об идеальном материнстве присутствуют общие элементы когнитивного (выполнение обязанностей, ответственность, успешность) и поведенческого (ролевые притязания в родительско-воспитательной сфере) компонентов. Образ идеальной мамы у девушек с гуманистической ориентацией отличается присутствием таких содержательных характеристик, как положительное отношение к собственной семье (эмоциональный компонент), ролевые притязания в хозяйственно-бытовой и эмоциональ-

но-психотерапевтической сферах (поведенческий компонент). У девушек с мирозидательной ориентацией представления об идеальной маме дополняются элементами когнитивного (эмпатия), эмоционального (положительное отношение к будущим детям, главенству и ответственности в семье, супружеским правам и обязанностям, негативное отношение к разводу) и поведенческого (внешняя привлекательность) компонентов.

Итак, в проведенном эмпирическом исследовании нам удалось зафиксировать и проанализировать различия в содержательно-структурных характеристиках образа идеальной мамы в зависимости от нравственной ориентации юношей и девушек. Это согласуется с данными исследований о том, что в представлениях о родительстве существует гендерная специфика (Захарова, Карабанова, Старостина, Долгих, 2019). Несовпадение содержательно-структурных характеристик в представлениях о материнстве у юношей и девушек с соответствующей нравственной ориентацией личности впоследствии могут стать причиной возникновения супружеских конфликтов в родительско-воспитательной сфере и неудовлетворенности браком.

Важным представляется тот факт, что в образе идеальной мамы у всех девушек и юношей с эгоцентрической, группоцентрической и мирозидательной ориентацией присутствует личная независимость. Мы полагаем, это свидетельствует о том, что в сознании молодежи современная женщина должна стремиться совмещать профессиональную и семейную карьеры. Это подтверждается результатами не только нашего, но и других эмпирических исследований (Захарова, Карабанова, Старостина, 2020).

Заключение

Нравственные ориентации личности являются существенным дифференцирующим фактором развития представлений о материнстве у современной молодежи. У юношей с эгоцентрической, группоцентрической и гуманистической ориентацией образ идеальной мамы характеризуется фрагментарностью сформированности когнитивного компонента, актуализацией единичных элементов эмоционального и поведенческого компонентов. Неполнота и дисгармоничность представлений о материнстве наблюдается у девушек с эгоцентрической и группоцентрической ориентацией личности. Образ «идеальной мамы» у девушек с мирозидательной ориентацией личности отличается полнотой, наполненностью когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. Восприятие материнства как возможной сферы самореализации и самоактуализации характерно для девушек с гуманистической ($r = 0,552, p < 0,0001$) и мирозидательной ($r = 0,485, p < 0,0001$) ориентациями.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении нам видятся в выявлении причинно-следственной связи представлений о материнстве в детерминации показателей нравственности, изучении представлений о родительстве (материнство, от-

цовство) в зависимости от нравственной ориентации личности на разных этапах возрастного развития: юношеский возраст (от 17 до 19 лет), ранняя зрелость (от 20 до 22 лет). Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в практико-ориентированной разработке для осуществления аргументированного формирующего психолого-педагогического

содействия становлению семейного самоопределения молодежи. Формирование позитивной нравственной позиции, а именно, гуманистической и мирозидательной ориентации личности, будет способствовать развитию полных, адекватных и гармоничных представлений о содержании родительской сферы у современных юношей и девушек.

Литература:

- Акимова М.К., Галстян О.А. Типология социальной активности молодежи в зависимости от принятия нравственных нормативов // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 51–61.
- Аношкин И.В., Сычев О.А. Связь семейных ценностей молодежи с гедонизмом и эвдемонией // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 8. С. 90–111. doi: 10.17853/1994-5639-2019-8-90-111
- Бурменская Г.В., Алмазова О.В., Карабанова О.А., Захарова Е.И., Долгих А.Г., Молчанов С.В., Садовникова Т.Ю. Эмоционально-смысловое отношение девушек к материнству // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 4. С. 46–64.
- Вишневский Ю.Р., Ячменева М.В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 125–141. doi: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141
- Горлова Е.Л. Представления о семье у подростков разного психологического возраста // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 24–32. doi: 10.17759/chrp.2018140203
- Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2007.
- Захарова Е.И., Карабанова О.А., Старостина Ю.А. Представленность семейной и профессиональной карьер в жизненных планах девушек в период вхождения во взрослость // Педагогическое образование в России. 2020. № 6. С. 203–209. doi: 10.26170/ro20-06-23
- Захарова Е.И., Карабанова О.А., Старостина Ю.А., Долгих А.Г. Представления о будущем родителстве в подростковом и юношеском возрасте // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. [Электронный ресурс] // URL: <https://rjpu.com/index.php/rpj/article/view/829> (дата обращения: 27.05.2021).
- Карабанова О.А., Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Алмазова О.В., Долгих А.Г., Молчанов С.В., Садовникова Т.Ю. Типы отношения к материнству и родительской позиции у девушек в период вхождения во взрослость // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 9.
- Карабанова О.А., Захарова Е.И., Бурменская Г.В., Алмазова О.В., Долгих А.Г., Молчанов С.В., Садовникова Т.Ю. Особенности ценностной сферы девушек с различным отношением к родительской позиции матери на этапе вхождения во взрослость // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 24–37.
- Кисляков П.А., Шмелева Е.А., Александрович М.О. Моральные основания и социальные нормы безопасного просоциального поведения молодежи // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 10. С. 116–138. doi: 10.17853/1994-5639-2020-10-116-138
- Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е. Нравственное самоопределение молодежи. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013.
- Лопатухина Т.А., Рынкевич А.В. Педагогическая контентная трехфакторная модель подготовки студентов высших учебных заведений к профессиональной деятельности // Образование и наука. 2016. Т. 136, № 7. С. 56–72. doi: 10.17853/1994-5639-2016-7-56-72
- Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Гендерные различия в принятии моральных решений // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 124–133.
- Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н. Моральные суждения подростков с разным уровнем психологического благополучия // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 4. С. 22–35. doi: 10.17759/pse.2019240402
- Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н., Кирсанов К.А. Когнитивные способы переработки социальной информации в сети интернет и особенности морального сознания подростков // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 5. С. 77–86. doi: 10.17759/pse.2018230508
- Москвичева Н.Л., Реан А.А., Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В. Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 3. С. 5–18. doi: 10.17759/pse.2019240301
- Нозикова Н.В. Анализ функциональной организации психосемантической системы семейной целенаправленности // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 1. С. 65–77. doi: 10.17759/chrp.2018140108
- Попова Н.В., Попова Е.В. Благотворительность как фактор формирования нравственных норм молодежи // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 10. С. 139–155. doi: 10.17853/1994-5639-2018-10-139-155
- Потанина Л.Т., Гусев А.Н. Прагматическое / непрагматическое видение мира как показатель нравственного развития школьника // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 23–32.
- Садовникова Т.Ю., Карабанова О.А., Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Алмазова О.В., Долгих А.Г., Молчанов С.В. Детско-родительские отношения как условие формирования отношения к родительской позиции матери у девушек в период вхождения во взрослость // Педагогическое образование в России. 2018. № 9. С. 52–61.

- Усова О.В., Чевтаева Н.Г., Никитина А.С., Скаво К. Социальная репрезентация благополучия/неблагополучия современной российской семьи и поведение обучающегося: восприятие явления педагогами // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, № 6. С. 102–136. doi: 10.17853/1994-5639-2020-6-102-136
- Шабалин А.П., Первушина О.Н. Использование метода дилемм в эмпирических исследованиях морали // *Вопросы психологии*. 2018. № 5. С. 78–87.
- Шадриков В.Д. Совесть: психолого-философский анализ // *Психологический журнал*. 2018. Т. 39, № 1. С. 5–14.
- Cotney, J., Banerjee, R. (2017). Adolescents' Conceptualizations of Kindness and its Links with Well-being: A Focus Group Study. *Journal of Social and Personal Relationships*, 36 (2), 599–617. [Electronic resource] // URL: <https://doi.org/10.1177/0265407517738584> (review date: 27.05.2021).
- Crocetti, E., Moscatelli, S., Kaniūšonytė, G. et al. (2019). Developing Morality, Competence, and Sociability in Adolescence: A Longitudinal Study of Gender Differences. *Journal of Youth and Adolescence*, 48, 1009–1021. (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s10964-019-00996-2> (review date: 27.05.2021).
- Karabanova, O.A., Almazova, O.V., Burmenskaya, G.V., Molchanov, S.V., Sadovnikova, T.Yu., Zakharova, E.I., & Dolgikh A.G. (2018). Assumptions as a basis for attitude forming to mother's position in girls. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 43, 634–642. doi: 10.15405/epsbs.2018.07.84
- Merzlyakova, S.V., & Bibarsova N.V. (2020). Ideas of Motherhood Depending on Structure of Students' Valuable Orientations. *European Proceedings of Educational Sciences*, 1, 112–124. [Electronic resource] // URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epes.2021.14> (review date: 27.05.2021) doi: 10.15405/epes.2021.14
- Merzlyakova, S.V., Golubeva, M.G., & Eremitskaya, I.A. (2019). Features of a Cognitive Image of Motherhood among Student's Youth. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 74, 199–206. [Electronic resource] // URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.02.24> (review date: 27.05.2021)
- Veselova, E.K., & Korzhova, E.Yu. (2020). Ethical and Moral Levels in the Functioning of the Personality of the Educational Psychologist. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13 (1), 22–32.

References:

- Akimova, M.K., & Galstyan, O.A. (2019). Typology of Youth Social Activity Depending on the Adoption of Moral Standards. *Voprosy psikhologii (Psychological Questions)*, 3, 51–61. (in Russ.).
- Anoshkin, I.V., & Sychev, O.A. (2019). The Relationship of Youth Family Values with Hedonism and Eudemonia. *Obrazovanie i nauka (Education and Science)*, 21 (8), 90–111. doi: 10.17853/1994-5639-2019-8-90-111 (in Russ.).
- Burmenskaya, G.V., Almazova, O.V., Karabanova, O.A., Zakharova, E.I., Dolgikh, A.G., Molchanov, S.V., & Sadovnikova T.Yu. (2018). Girls' Emotional and Meaningful Attitude to Motherhood. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 26 (4), 46–64. (in Russ.).
- Cotney, J., Banerjee, R. (2017). Adolescents' Conceptualizations of Kindness and its Links with Well-being: A Focus Group Study. *Journal of Social and Personal Relationships*, 36 (2), 599–617. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1177/0265407517738584> (review date: 27.05.2021).
- Crocetti, E., Moscatelli, S., Kaniūšonytė, G. et al. (2019). Developing Morality, Competence, and Sociability in Adolescence: A Longitudinal Study of Gender Differences. *Journal of Youth and Adolescence*, 48, 1009–1021. (Retrieved from <https://doi.org/10.1007/s10964-019-00996-2> (review date: 27.05.2021).
- Gorlova, E.L. (2018). Family Representations in Adolescents of Different Psychological Age. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya (Cultural and Historical Psychology)*, 14 (2), 24–32. doi: 10.17759/chp.2018140203 (in Russ.).
- Karabanova, O.A., Almazova, O.V., Burmenskaya, G.V., Molchanov, S.V., Sadovnikova, T.Yu., Zakharova, E.I., & Dolgikh A.G. (2018). Assumptions as a Basis for Attitude Forming to Mother's Position in Girls. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 43, 634–642. doi: 10.15405/epsbs.2018.07.84
- Karabanova, O.A. *Psihologicheskie issledovaniya (Psychological Researches)*, 10 (56), 9. (in Russ.). (Retrieved from Karabanova, O.A., Burmenskaya, G.V., Zakharova, E.I., Almazova, O.V., Dolgikh, A.G., Molchanov, S.V., & Sadovnikova, T.Yu. (2017). Types of Attitude to Motherhood and the Parental Attitude Among Young Woman in the Period of Entering into Adulthood (review date: 27.05.2021).
- Karabanova, O.A., Zakharova, E.I., Burmenskaya, G.V., Almazova, O.V., Dolgikh, A.G., Molchanov, S.V., & Sadovnikova, T.Yu. (2018). Features of Valuable Sphere of Girls with Different Attitudes the Parental Attitude of the Mother at the Stage of Entering into Adulthood. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki (Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences)*, 4, 24–37. (in Russ.).
- Kislyakov, P.A., Shmeleva, E.A., & Aleksandrovich, M.A. (2020). Moral Grounds and Social Norms of Safe Prosocial Behavior of Young People. *Obrazovanie i nauka (Education and Science)*, 22 (10), 116–138. doi: 10.17853/1994-5639-2020-10-116-138 (in Russ.).
- Kupreichenko, A.B., & Vorobiova, A.E. (2013). Moral Self-determination of Youth. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences". (in Russ.).
- Lopatukhina, T.A., & Rynkevich, A.V. (2016). Pedagogical Content Three-factor Model of Educating High-school Students for Professional Activities. *Obrazovanie i nauka (Education and Science)*, 136 (7), 56–72. doi: 10.17853/1994-5639-2016-7-56-72 (in Russ.).
- Medvedeva, T.I., Enikolopov, S.N., Vorontsova, O.Yu., & Kazmina, O.Yu. (2019). Gender Differences in Making Moral Decisions. *Voprosy psikhologii (Psychological Questions)*, 1, 124–133. (in Russ.).
- Merzlyakova, S.V., & Bibarsova, N.V. (2020). Ideas of Motherhood Depending on Structure of Students' Valuable Orientations. *European Proceedings of Educational Sciences*, 1, 112–124. (Retrieved from <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epes.2021.14> (review date: 27.05.2021). doi: 10.15405/epes.2021.14

- Merzlyakova, S.V., Golubeva, M.G., & Eremit'skaya, I.A. (2019). Features of a Cognitive Image of Motherhood among Student's Youth. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 74, 199–206. (Retrieved from <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.02.24> (review date: 27.05.2021)
- Molchanov, S.V., Almazova, O.V., & Poskrebysheva, N.N. (2019). Moral Judgments in Adolescents with Different Levels of Psychological Well-being. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education), 24 (4), 22–35. doi: 10.17759/pse.2019240402 (in Russ.).
- Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebisheva, N.N., & Kirsanov, K.A., (2018). Cognitive Processing of Social Information in Internet and Features of Moral Consciousness in Adolescents. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education), 23 (5), 77–86. doi: 10.17759/pse.2018230508 (in Russ.).
- Moskvicheva, N.L., Rean, A.A., Kostromina, S.N., Grishina, N.V., & Zinovieva, E.V. (2019). Life Models in Young People: Ideas of Future Family and of Parental Model. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education), 24 (3), 5–18. doi: 10.17759/pse.2019240301 (in Russ.).
- Nozikova, N.V. Analyzing the Functional Organization of Psychosemantic System of Purposefulness in Families. (2018). *Kul'turnoistoricheskaya psikhologiya* (Cultural-historical Psychology), 14 (1), 65–77. doi: 10.17759/chp.2018140108 (in Russ.).
- Popova, N.V., & Popova, E.V. (2018). Volunteering as a Factor in the Formation of Moral Standards among Young People. *Obrazovanie i nauka* (Education and Science), 20 (10), 139–155. doi: 10.17853/1994-5639-2018-10-139-155 (in Russ.).
- Potanina, L.T., & Gusev, A.N. (2018). Pragmatic/Non-pragmatic View of the World as an Indicator of Moral Development in School Students. *Voprosy psikhologii* (Psychological Questions), 5, 23–32. (in Russ.).
- Sadovnikova, T.Yu., Karabanova, O.A., Burmenskaya, G.V., Zakharova, E.I., Almazova, O.V., Dolgikh, A.G., & Molchanov, S.V. (2018). Parent-child Relationships as a Condition of the Formation of the Girls' Attitude to Motherhood in the Period of their Moving into Adulthood. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* (Teaching Education in Russia), 9, 52–61. (in Russ.).
- Shabalin, A.P., & Pervushina, O.N. (2018). Use of Dilemmas in Empirical Studies of Morality: Problems and Prospects. *Voprosy psikhologii* (Psychological Questions), 5, 78–87. (in Russ.).
- Shadrikov, V.D. (2018). Conscience: Psychological and Philosophical Analysis. *Psichologicheskij zhurnal* (Psychological Journal), 39 (1), 5–14. (in Russ.).
- Usova, O.V., Chevtaeva, N.G., Nikitina, A.S., & Scavo C. (2020). A Social Representation of Well-being / Ill-being of the Modern Russian Family and Student Behavior: the Phenomenon of Teachers' Reflection. *Obrazovanie i nauka* (Education and Science), 22 (6), 102–136. doi: 10.17853/1994-5639-2020-6-102-136 (in Russ.).
- Veselova, E.K., & Korzhova, E.Yu. (2020). Ethical and Moral Levels in the Functioning of the Personality of the Educational Psychologist. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13 (1), 22–32.
- Vishnevsky, Yu.R., & Yachmeneva, M.V. (2018). The Attitude of Student Youth to Family Values (Case Study of the Sverdlovsk Region). *Obrazovanie i nauka* (Education and Science), 20 (5), 125–141. doi: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141 (in Russ.).
- Zakharova, E.I., Karabanova, O.A., & Starostina, Yu.A. (2020). Representation of Family and Professional Careers in the Life Plans of Young Women during Adult. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* (Teaching Education in Russia), 6, 203–209. doi: 10.26170/po20-06-23 (in Russ.).
- Zakharova, E.I., Karabanova, O.A., Starostina, Yu.A., & Dolgikh, A.G. (2019). Ideas on Future Parenthood in Adolescents and Young Adults. *Rossijskij psichologicheskij zhurnal* (Russian Psychological Journal), 16 (2). (Retrieved from: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/829> (review date: 27.05.2021). (in Russ.).
- Zhuravlev, A.L., & Kupreichenko, A.B. (2007). Economic Self-determination: Theory and Empirical Research. Moscow: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN" (Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"). (in Russ.).

Оригинальная статья

УДК 159.9.07, 159.95
doi: 10.11621/npj.2021.0302

Осознанная саморегуляция в системе предикторов успешности по русскому языку в школе (общая модель и ее модификации)

В.И. Моросанова, Психологический институт РАО, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7694-1945

И.Н. Бондаренко*, Психологический институт РАО, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5539-1027

А.М. Потанина, Психологический институт РАО, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-4358-6948

Ю.А. Ишмуратова, Психологический институт РАО, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7519-3148

*Для контактов: pondi@inbox.ru

Актуальность темы. Уверенное владение русским языком является залогом успешного обучения в школе. Однако преподаватели отмечают общее снижение успеваемости по русскому языку у обучающихся. Одним из важнейших факторов, противостоящих этой тенденции, может выступать развитие регуляторных компетенций, в частности, осознанной саморегуляции достижения целей и исполнительных функций.

Цель. Раскрыть роль осознанной саморегуляции в системе предикторов успешности овладения русским языком в средней школе для учеников, различающихся по полу и возрасту.

Описание хода исследования. Выборка: учащиеся школ Москвы и Московской области в возрасте 13–15 лет (N=286): семиклассники (N=147) и девятиклассники (N=139). Методы: опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности (ССУД-М 52)»; задача Эриксона для оценки подавления иррелевантных стимулов, задача «Буква-цифра» для оценки переключения внимания, задача N-Back для оценки обновления рабочей памяти. Для диагностики языковых компетенций использовались два задания, разработанных Е.Д. Божович. Опросники заполнялись в групповом формате в классе под контролем экспериментатора; компьютерное тестирование выполнялось в компьютерном классе в другой день.

Результаты исследования. Показано, что саморегуляция и интеллект являются универсальными ресурсами достижения учебных целей. Высокая успеваемость мальчиков зависит от развития осознанной саморегуляции и способности управлять своим вниманием. Для успеваемости девочек особое значение имеет планирование учебных целей, общий уровень саморегуляции и точность обновления рабочей памяти.

К началу старшей школы система предикторов успеваемости по русскому языку претерпевает качественные изменения, она «сворачивается» и актуальными остаются только те из них, которые обеспечивают успешность сдачи государственных экзаменов.

Заключение. Исследование раскрыло инвариантную структуру взаимосвязей между предикторами успешности по русскому языку. Эта структура реализована в виде модели, центральное место в которой принадлежит взаимосвязи осознанной саморегуляции и ее базовому нейрокогнитивному основанию — исполнительным функциям. Этот сложный регуляторный компонент в подростковом возрасте является ключевым предиктором успешности по русскому языку. Годовая оценка определяется, прежде всего, уровнем саморегуляции, в то время как исполнительные функции преимущественно вносят вклад в развитие языковых компетенций.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, овладение родным языком, языковые компетенции, исполнительные функции, средняя школа

Для цитирования: Моросанова В.И., Бондаренко И.Н., Потанина А.М., Ишмуратова Ю.А. Осознанная саморегуляция в системе предикторов успешности по русскому языку в школе (общая модель и ее модификации) // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 15–30. doi: 10.11621/npj.2021.0302

Поступила 3 июня 2021 / Принята к публикации 21 июля 2021

Conscious self-regulation in the system of predictors of success in Russian language at school (general model and its modifications)

Varvara I. Morosanova, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7694-1945

Irina N. Bondarenko*, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5539-1027

Anna M. Potanina, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4358-6948

Yulia A. Ishmuratova, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7519-3148

*Corresponding author: pondi@inbox.ru

Background. Confident language proficiency in Russian language is the key to successful schooling. However, teachers note a general decline in Russian language performance among students. One of the most critical factors opposing this trend may be the development of regulatory competencies, particularly conscious self-regulation in achieving goals and in executive functions.

Objective. The aim is to reveal the role conscious self-regulation plays in the system of predictors of successful mastering Russian language by secondary school students, differing in gender and age.

Design. Sample included students of schools in Moscow and Moscow region aged 13–15 years (N = 286): seventh graders (N = 147) and ninth graders (N = 139). Methods applied in the study included V.I. Morosanova's questionnaire "The style of self-regulation of learning activity (SRPLAQ-M 52)"; Eriksen's task to assess the suppression of irrelevant stimuli, the letter-digit task to assess attention switching, the N-Back task to assess the renewal of working memory. We used two tasks developed by E.D. Bozhovich to diagnose language competencies. Questionnaires were filled out in group format in the classroom under the experimenter's supervision; computer testing was held in a computer classroom on another day.

Results. The results of the study showed that self-regulation and intelligence are universal resources for achieving educational goals. High academic performance among boys mostly depends on the development of conscious self-regulation and the ability to manage their attention. Planning educational goals, the general level of self-regulation, and the accuracy of updating working memory are significant for girls' academic performance. By the time students start high school, the system of predictors for academic performance in Russian is undergoing qualitative changes. The system is "curtailed", with only those elements that ensure success in passing state exams remaining relevant.

Conclusion. The study revealed the invariant structure of the relationships between the predictors of success in Russian language. This structure is implemented as a model, constructed around the relationship of conscious self-regulation and its primary neurocognitive basis represented by executive functions. This complex regulatory component is a crucial predictor of success in Russian in adolescence. The annual assessment is determined primarily by self-regulation, while executive functions mainly contribute to the development of language competencies.

Keywords: conscious self-regulation, mastering native language, language competence, executive functions, secondary school

For citation: Morosanova, V.I., Bondarenko, I.N., Potanina, A.M., Ishmuratova, Yu.A. (2021) Conscious self-regulation in the system of predictors of success in Russian language at school (general model and its modifications), [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 3 (43), 15–30. doi: 10.11621/npj.2021.0302

Received June 3, 2021 / Accepted for publication July 21, 2021

Введение

Уверенное владение русским языком, способность точно выражать свою мысль, доносить ее до собеседников, является залогом успешного обучения в школе и может рассматриваться и как лингвистический капитал, и как важный ресурс ученика. Однако преподаватели отмечают общее снижение уровня вла-

дения родным языком. Исследования показали, что одними из важнейших факторов, противостоящих этой тенденции, могут выступать регуляторные компетенции, в частности, осознанная саморегуляция достижения целей и исполнительные функции (Ахутина и др., 2017; Моросанова и др., 2019; Rutherford et al., 2018).

Ниже рассмотрим наиболее значимые предикторы успешности по русскому языку.

Варвара Ильинична Моросанова —
член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии саморегуляции Психологического института РАО

ORCID: 0000-0002-7694-1945

Varvara I. Morosanova —
Corresponding Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory for Psychology of Self-Regulation at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education

ORCID: 0000-0002-7694-1945

Ирина Николаевна Бондаренко —
кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО

ORCID: 0000-0001-5539-1027

Irina N. Bondarenko —
PhD in Psychology, Leading Researcher at Psychological Institute of the Russian Academy of Education

ORCID: 0000-0001-5539-1027

Анна Михайловна Потанина —
младший научный сотрудник Психологического института РАО

ORCID: 0000-0003-4358-6948

Anna M. Potanina —
Junior Researcher at Psychological Institute of the Russian Academy of Education

ORCID: 0000-0003-4358-6948

Юлия Алексеевна Ишмуратова —
научный сотрудник Психологического института РАО

ORCID: 0000-0002-7519-3148

Yulia A. Ishmuratova —
Researcher at Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7519-3148

Языковые компетенции (ЯК). Настоящее исследование отличается более широким пониманием успешности по русскому языку, поскольку в качестве показателей этой успешности используется не только годовая академическая оценка, но и ЯК по различным разделам русского языка (орфография, пунктуация, лексика, синтаксис и т.д.). ЯК представляют собой динамическое единство трех компонентов: речевого опыта, знаний о языке, языковой интуиции (чувство языка). Наличие компетенций по этим разделам свидетельствует об овладении языковой нормой (Божович, 2016) и является основанием для использования показателей ЯК для оценки успешности обучения по русскому языку в школе. Действительно, выполненные исследования продемонстрировали вклад ЯК в годовую оценку по русскому языку на уровне 60–70% (Моросанова и др., 2019; Бондаренко и др., 2020).

Осознанная саморегуляция (СР). Психическая саморегуляция представлена в исследовании разноуровневой системой когнитивных и личностных особенностей индивидуальности. Ее высший управляющий уровень составляет осознанная СР достижения учебных целей, которая является психологическим средством мобилизации всех остальных видов ресурсов индивидуальности для достижения результата. Это, по существу, психологический метаресурс, от наличия и развития которого значимо зависят результаты достижения любой цели (Моросанова, 2020). Согласно развиваемому нами ресурсному подходу в настоящее время мы рассматриваем осознанную СР как систему регуляторных компетенций, являющуюся инструментом инициации, поддержания и достижения целей активности человека (Моросанова, 2020, 2021). Осознанная СР является рефлексивным психологическим инструментом человека в осознанном выдвигании целей и управлении их достижением на основе самоорганизации различных подсистем первичных психических процессов, свойств и состояний, выступающих средствами реализации этой активности. Согласно созданной и валидизированной модели осознанной СР, основными структурными компонентами ее операционального уровня являются: осознанное планирование целей, моделирование значимых условий их достижения, программирование последовательности и способов действий, оценивание и коррекция их результатов. Этот операциональный уровень СР является, по существу, когнитивным и во многом аналогичен представлениям о СР в структурных теориях когнитивной психологии. Личностный уровень осознанной СР представлен инструментальными регуляторно-личностными свойствами: гибкость, надежность, ответственность, инициативность, за которыми стоят индивидуально-типические стратегии поведения (Моросанова, 2020). Чем выше осознанная СР, тем выше результаты любой деятельности — учебной, спортивной, профессиональной (Моросанова, 2020). Обозначенная закономерность воспроизводится как для успеваемости по русскому языку (Бондаренко и др., 2020), так и для успеваемости по родному языку в зарубежных исследованиях (Rutherford et al., 2018).

Общий уровень осознанной СР выступает в качестве универсального ресурса успешности освоения целого ряда учебных дисциплин. Существуют также специальные ресурсы успешности изучения русского языка, которые вносят значимый вклад в школьную успеваемость именно по этой дисциплине. Это, прежде всего, регуляторные компетенции в анализе и моделировании условий выполнения учебных заданий по предмету и в оценивании результатов учебных действий (Моросанова и др., 2019).

Исполнительные Функции (ИФ). Нейрокогнитивный регуляторный уровень представлен исполнительными функциями. Это система когнитивных процессов, обеспечивающих регуляторную основу достижения значимых целей деятельности в сложных динамических условиях. Результаты исследований нейрофизиологов, нейропсихологов и психолингвистов указывают на вклад ИФ в речевое развитие (Ахутина и др., 2017; Yang, et al., 2017), успешность в обучении чтению и письму (Moura et al., 2017; Berninger et al., 2017). Данные о специфике вклада разноуровневых регуляторных предикторов в успешность по русскому языку показали, что ИФ вносят значительный вклад во все ЯК, причем наиболее тесными являются связи показателей ИФ с фактором *Владение языком*. Именно в этот фактор входят высокоуровневые смысловые показатели владения письменной речью, связанные со стилистически и лексически корректной организацией предложений (Velichkovsky et al., 2019).

Итак, анализ показал, что СР, ИФ и ЯК вносят вклад в годовую оценку по отдельности.

Встает вопрос, существует ли специфика влияния СР, ИФ и ЯК на успеваемость по предмету. Анализ вкладов осознанной СР и ИФ в успешность по русскому языку показал ее наличие. Так, в подростковом возрасте годовые оценки по математике и русскому языку во многом определяются уровнем развития осознанной СР (до 20% объясненной дисперсии), в то время как ИФ, преимущественно, вносят вклад в содержательные аспекты по каждому предмету. Для предмета русский язык — это развитие отдельных ЯК (до 60% объясненной дисперсии) (Моросанова и др., 2019; Tikhomirova et al., 2020). В последней работе Т. Rutherford с коллегами пришли к похожему обобщенным выводам (Rutherford et al., 2018). В этих исследованиях точный процент вкладов регуляторных переменных в успеваемость для подросткового возраста не был определен. Возможной причиной тому является опосредствующий и многофакторный характер этих влияний, что не было учтено в исследованиях.

Так, прежде всего, следует учитывать интеллект учащихся. Он определяет до 48% дисперсии оценок по родному языку: для русского (Бондаренко, и др., 2020), и для английского (Deary et al., 2007). Речь идет о годовых оценках. Более глубокие и подробные исследования проводятся преимущественно на специфических выборках (билингвы, одаренные дети, пациенты с афазией и т.д.). Показано, что чем выше уровень развития осознанной СР и интеллекта, тем выше годовые оценки по русскому языку и ведущая ЯК *Владение языком* (Бондаренко и др., 2020).

Также значимыми факторами, влияющими на успеваемость, являются пол и возраст. Результаты исследования показали, что эти демографические показатели вносят существенный вклад в успеваемость по родному языку (Borgonovi et al., 2016; Marcenaro-Gutierrez et al., 2018; De Shmit et al., 2018).

Влияние половых различий на академическую успешность по родному языку (чтение и письмо) также проявляется на протяжении всего обучения (Marcenaro-Gutierrez et al., 2018; Reilly et al., 2019). Метаанализ D. Voyer и S. Voyer (Voyer, Voyer, 2014) продемонстрировал небольшое, но значимое преимущество девочек для всей выборки. В языковых дисциплинах преимущество девочек оказалось существенным (среднее $d = 0,374$). В работе L. Piasecka на выборке 15-летних подростков показано преимущество девушек в чтении (как на родном языке, так и на иностранном (английском)), в тесте языковых способностей, а также в оценках по родному и иностранному языку (Piasecka, 2018). В масштабном исследовании на выборке американских школьников (4, 8 и 12 класс) было показано, что, несмотря на подтвержденное преимущество девушек в языковых дисциплинах, размер эффекта увеличивался к старшим классам. Его величина колебалась от небольшой до средней для чтения, и была средней для всех анализируемых выборок для письма (Reilly et al., 2019). Однако, в части исследований, половые различия между подростками в освоении родного языка не обнаруживаются. Так, в недавнем исследовании роли самоэффективности и гендерных различий во влиянии ожиданий на результаты по чтению и математике на выборке 6 и 7 классов, гендерный аспект не оказывал значимого эффекта на обнаруженные взаимосвязи (Vegum et al., 2021).

Возрастные различия в детерминации успеваемости по русскому языку активно исследуются на выборках начальной школы, в то время как исследования, посвященные анализу разноуровневых регуляторных предикторов успешности овладения родным языком для средней и старшей школы крайне немногочисленны. Для начальной школы L. Skibbe и T. Foster показали, что рано сформировавшие способность к СР дети демонстрировали более высокие уровни грамотности и языковых навыков, в частности они лучше понимали прочитанное, были успешнее в фонетике и имели больший словарный запас (Skibbe, Foster, 2019). Нам известны немногочисленные исследования вклада SRL (self-regulated learning) в успеваемость по

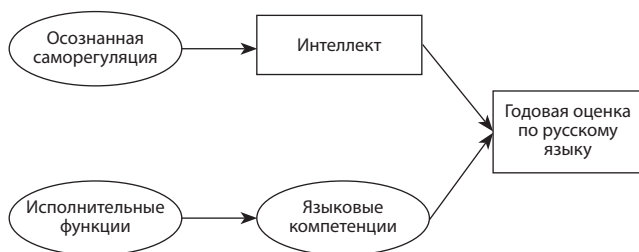

Рис. 1. Обобщённая теоретическая модель предикторов успешности овладения родным языком в средней школе

родному языку у учащихся средней и старшей школы (Musso et al., 2019; Graham, 2018; Velitchkovsky et al., 2019). Так, А. Kaplan с коллегами посвятили свою работу специфике влияния мотивации и регуляторных стратегий на успешность выполнения письменных заданий (Kaplan et al., 2017). Модель, предложенная J. Hayes и L. Flower в 1986 году (Limpo et al., 2014; Galbraith, Al-Saadi, 2020) легла в основу анализа высокоуровневых навыков письма. Модель включает три процесса, регулирующих письмо: планирование, перевод и корректура, что близко к нашей теоретической модели осознанной СР. И здесь интерес представляют результаты, полученные Т. Limpo с коллегами, которые указывают на изменение размера вклада процессов планирования и оценки результата в период с 4 по 9 класс (Limpo et al., 2014). Такие работы представляют большую ценность, так как они убедительно демонстрируют значимость фактора возраста (Voekaerts, Cascallar, 2006; Graham, 2018).

Проведенный анализ показал, что в исследованиях зарубежных коллег рассматриваются лишь отдельные факторы, влияющие на успешность овладения родным языком. Актуальным для настоящего времени является изучение предикторов академической успеваемости с помощью интегративных моделей, включающих максимально возможный набор факторов, влияющих на исследуемый конструкт. Помимо интеллекта, регуляторных и личностных механизмов успешности овладения русским языком, существует ряд других некогнитивных факторов, таких как эмоциональное отношение к учению, демографические показатели (пол, возраст). Интегративные модели позволяют выявлять неочевидные, но существенные связи.

Основная цель настоящего исследования — раскрыть роль осознанной саморегуляции в системе предикторов успешности по русскому языку в средней школе для учеников, различающихся по полу и возрасту.

Литературный анализ позволил нам выделить основные переменные и их взаимосвязи, которые предположительно могут влиять на академическую успеваемость. Их круг достаточно широк. Для комплексного эмпирического исследования мы предложили гипотетическую теоретическую модель предикторов овладения родным языком в средней школе (рис. 1). Нетрудно заметить, что в предложенную модель мы включили лишь часть из возможных предикторов, сосредоточившись на исследовании

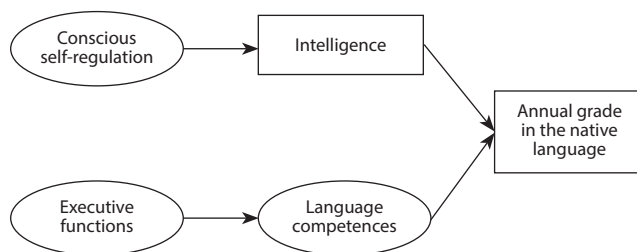

Fig. 1. General theoretical model of predictors of success in mastering the native language in secondary school

взаимосвязей между осознанной саморегуляцией, регуляторными исполнительными функциями, интеллектом и языковыми компетенциями.

Для проведения эмпирической проверки данной модели мы поставили следующие исследовательские вопросы:

1. Каковы механизмы совместной детерминации успеваемости по русскому языку регуляторными, интеллектуальными особенностями и языковыми компетенциями обучающихся в средней школе?
2. Какова специфика системы предикторов обеспечения успешности по родному языку у обучающихся, различающихся по полу и возрасту?

Для достижения цели исследования построены 4 модели и проверено их соответствие теоретическому предположению (рис. 1).

Процедура исследования

Выборка. Исследование проводилось на выборке учащихся государственных средних школ Москвы и Московской области в возрасте 13–15 лет ($N = 286$): 7 кл. ($N = 147$, средний возраст $13 \pm 0,5$ года) и 9 кл. ($N = 139$, средний возраст $15 \pm 0,5$ года). Пол был распределен почти равномерно в пределах выборки (50,3% девушек).

Осознанная СР. Для оценки осознанной саморегуляции использовался опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности (ССУД-М 52)» (Моросанова, Бондаренко, 2015). Опросник включает утверждения, описывающие типичные ситуации достижения образовательных целей. Утверждения сгенерированы в следующие шкалы: планирование; моделирование; программирование; оценка результатов; гибкость, инициативность; надежность, ответственность. Общий уровень саморегуляции рассчитывается как сумма показателей всех шкал.

Исполнительные функции. Мы использовали три стандартных компьютеризированных задания для оценки базовых ИФ (Miyake et al., 2000). Для оценки торможения мы использовали задачу Эриксона. Стимулы представляют собой пять горизонтально расположенных черных стрелок, представленных на белом фоне в двух условиях: конгруэнтное (>>>>>, <<<<<) и неуместное (>><<>, <<><<). Задача испытуемых состоит в том, чтобы следить за стрелкой посередине и указывать ее направление нажатием соответствующей клавиши (“z” для левой и “/” для правой).

Для оценки переключения мы использовали задачу «Буква-цифра» с предсказуемыми изменениями задачи. Белый экран разделен на четыре квадранта. В каждом квадранте представлена пара символов по часовой стрелке, начиная с верхнего левого квадранта: цифра и буква. Задача испытуемых состояла в том, чтобы определить, является ли цифра четной или нечетной, если символы расположены в одном из верхних квадрантов, и является ли буква согласной или

гласной, если символы появляются в одном из нижних квадрантов. Ответ дается нажатием клавиши (“z” для нечетных цифр и гласных букв и “/” для четных цифр и согласных букв).

Для оценки обновления рабочей памяти мы использовали задачу N-Back. Цифры от 1 до 8 предъявляются на экране в случайном порядке. Задача испытуемого состоит в том, чтобы быстро и правильно ответить, совпадает ли представленная в данный момент цифра с цифрой, представленной двумя позициями ранее (два шага назад). Чтобы оценить коррекцию ошибок, мы рассчитали эффект замедления после ошибки (PES). PES (Dutilh et al., 2012) — это эффект испытаний после неправильного испытания, демонстрирующего большее время реакции. Эффект PES связан с активностью системы сознательного контроля и коррекции ошибок в передней поясной коре (Dutilh et al., 2012). Мы вычислили PES, вычитая среднее время реакции из среднего времени реакции в испытаниях после ошибок в каждой задаче на ИФ.

В результате факторизации сырых баллов получены следующие 10 показателей EFs. В факторе 1 «Подавление интерференции и РП» преобладают показатели точности подавления иррелевантных стимулов с некоторым влиянием показателей обновления рабочей памяти. Это неудивительно, поскольку функция рабочей памяти и тормозной контроль тесно связаны. Поэтому этот фактор имеет название, в котором отражено влияние двух EFs, связанных со способностью подавлять нежелательные представления и стимулы, то есть с контролем внимания. Фактор 2 состоит из показателей точности переключения и поэтому называется «Точностью переключения внимания». Он связан с когнитивной гибкостью — способностью быстро переключаться между задачами и представлениями. Аналогично фактор 3 называется «Точностью обновления РП» в соответствии с входящими в него показателями. Он связан со способностью удерживать и обрабатывать когнитивные представления в рабочей памяти. Фактор 4 также четко состоит из индикаторов обновления рабочей памяти, но на этот раз они связаны со скоростью обработки в ней представлений («Скорость обновления РП»). Фактор 5 состоит из показателей переключения рабочей памяти и поэтому называется «Скорость переключения внимания». Факторы 6, 9 и 10 включают различные показатели мониторинга и разрешения конфликтов и ошибок (меры по адаптации к конфликтам и замедлению после ошибок). Исходя из его состава, фактор 6 называется «Адаптацией к конфликтам», а факторы 9 и 10 называются «Коррекция ошибок 1, общий» и «Коррекция ошибок в рабочей памяти», соответственно. Все они связаны со способностью отслеживать конфликты и ошибки и восстанавливаться после них. Все эти факторы, по-видимому, оценивают функции, приписываемые передней поясной коре. Фактор 7 «Подавление интерференции» является фактором контроля помех, состоящим из показателей точности того, насколько хорошо контролируются помехи в фланкер тесте (Эриксона). Этот фактор в основном

связан с эффективностью контроля внимания. Фактор 8 трудно интерпретировать, поскольку он состоит из индикатора эффективности переключения и индикатора мониторинга конфликтов. Поскольку переключение сопряжено с большим количеством конфликтов, мы называем это фактором «Когнитивная гибкость». Более подробно процедура факторизации описана в работе (Morosanova et al., 2021).

Языковые компетенции. Для диагностики ЯК мы использовали два задания, разработанных Е.Д. Божович. Подробное описание заданий нами было описано в предыдущей публикации (Бондаренко и др., 2020). Факторный анализ позволил выделить следующие основные показатели развития ЯК у учащихся: владение языком, грамотность, структура слова, структура предложения. Итоговые баллы рассчитывались исходя из количества ошибок по всем заданиям и формировались по принципу «чем меньше ошибок, тем меньше общий балл». Диапазон баллов — от 0 до 60.

Интеллект. Тест «Стандартные прогрессивные матрицы Равена» использован для оценки уровня флюидного интеллекта (Raven, Court, Raven, 1996).

Процедура

Учащиеся выполняли задания по оценке ЯК, СР и интеллекта в учебных классах при контроле экспериментатора. Компьютеризированные задания для оценки ИФ были выполнены в компьютерном классе в другой день. Исследование проводилось в соответствии с Хельсинкской декларацией. Исследование одобрено этическим комитетом ФГБНУ «Психологический институт РАО» (протокол № 2018/2-18).

Статистическая обработка данных

Весь анализ данных проводился с использованием статистического пакета SPSS, версия 26. Программное обеспечение AMOS 19 (Analysis of Moment Structures) было использовано для построения структурной модели взаимосвязи между ИФ, СР и ЯК.

Результаты

В результате структурного моделирования было показано, что апробированная теоретическая модель (рис. 1), которая демонстрирует вклад исследуемых

Таблица 1. Индексы соответствия моделей предикторов успешности по русскому языку

	χ^2/df	P	GFI	CFI	RMSEA	PCLOSE
Модель 1 (7 класс)	1,01	0,446	0,93	0,99	0,008	0,996
Модель 2 (9 класс)	1,01	0,479	0,835	0,99	0,002	0,742
Модель 3 (девочки)	1,10	0,485	0,87	0,99	0,001	0,986
Модель 4 (мальчики)	1,04	0,329	0,89	0,98	0,022	0,927

характеристик в успешность по русскому языку, хорошо соответствует эмпирическим данным для всех построенных моделей (табл. 1). Для оценки соответствия модели эмпирическим данным использовались следующие критерии: $\chi^2/df < 2$, $p > 0,05$, $GFI > 0,95$, $CFI > 0,95$, $RMSEA < 0,05$, $PCLOSE > 0,5$. Модели включают в себя показатели интеллекта, годовой оценки по русскому языку и три латентных фактора: осознанную СР, ИФ и ЯК.

Согласно построенным моделям (рис. 2, 3, 4, 5), вклад осознанной саморегуляции в успеваемость усиливается за счет интеллекта и составляет от 18 до 23% дисперсии. ИФ, с одной стороны, вносят вклад в СР от 13 до 27% дисперсии. С другой, их непосредственный вклад в годовую оценку варьирует от 13 до 19%, а опосредствующий от 24 до 57%.

СР представлена в моделях процессами планирования, моделирования, оценки результатов и регуляторными свойствами гибкости и инициативности. Особо отметим регуляторный процесс моделирования, обеспечивающий способность восприятия новой информации и активный поиск решения в ситуациях повышенной стрессовой нагрузки. Так при среднем и высоком уровне моделирования более высокий уровень интеллекта связан с меньшим числом ошибок при написании слов. Не менее значим процесс оценки результатов, отвечающий за корректировку действий в случае недостижения цели.

Значимыми предикторами ЯК выступают такие ИФ, как *продуктивность рабочей памяти, скорость и точность переключения внимания, стоимость коррекции ошибок*.

Значимость индексов соответствия моделей повышается при включении в них флюидного интеллекта. Это действительно для моделей, которые построены на выборке семиклассников или на смешанных выборках, включающих седьмые и девятые классы. Следует отметить, что на выборке девятиклассников не удалось построить удовлетворительную модель с включением показателя интеллекта. Объяснение этому результату дается ниже.

Возрастная специфика моделей. Структурные модели, построенные для семиклассников и девятиклассников (мальчиков и девочек) (модели на рис. 2 и 3), образованы тремя латентными факторами: ИФ, СР, ЯК; а интеллект и показатель успеваемости по русскому языку представлены в виде явных переменных.

Table 1. Models of predictors of Russian language success (indexes of consistency)

	χ^2/df	P	GFI	CFI	RMSEA	PCLOSE
Model 1 (7 th grade)	1.01	0.446	0.93	0.99	0.008	0.996
Model 2 (9 th grade)	1.01	0.479	0.835	0.99	0.002	0.742
Model 3 (girls)	1.10	0.485	0.87	0.99	0.001	0.986
Model 4 (boys)	1.04	0.329	0.89	0.98	0.022	0.927

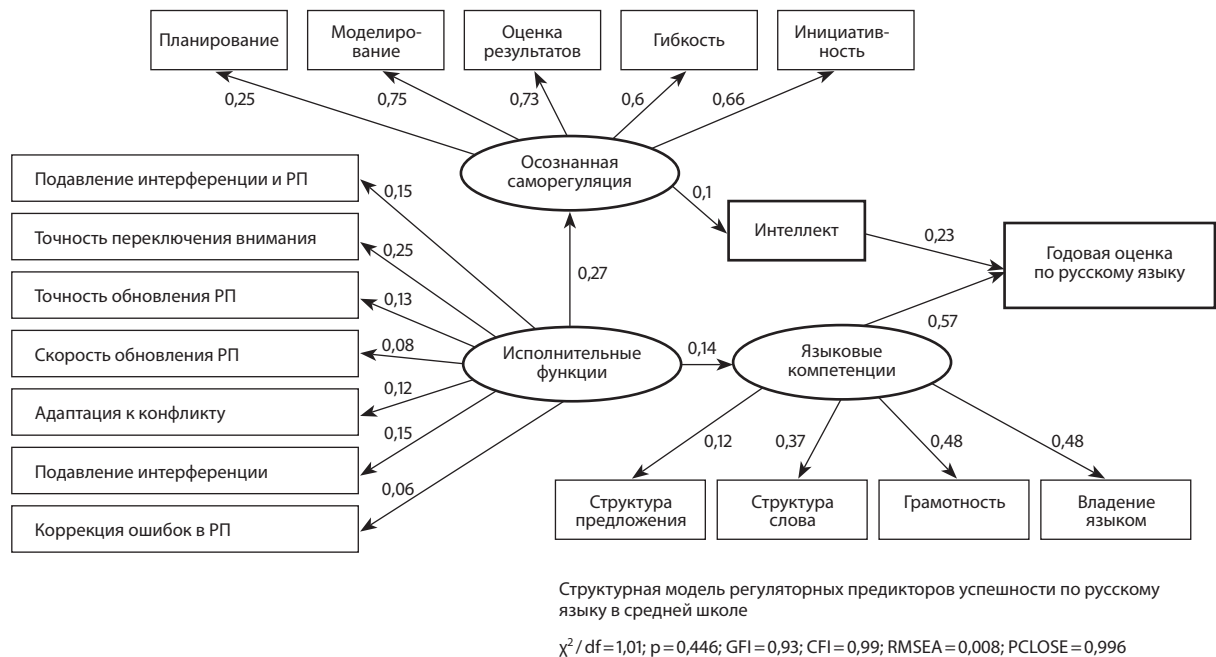

Рис. 2. Предикторы успеваемости по русскому языку в седьмом классе

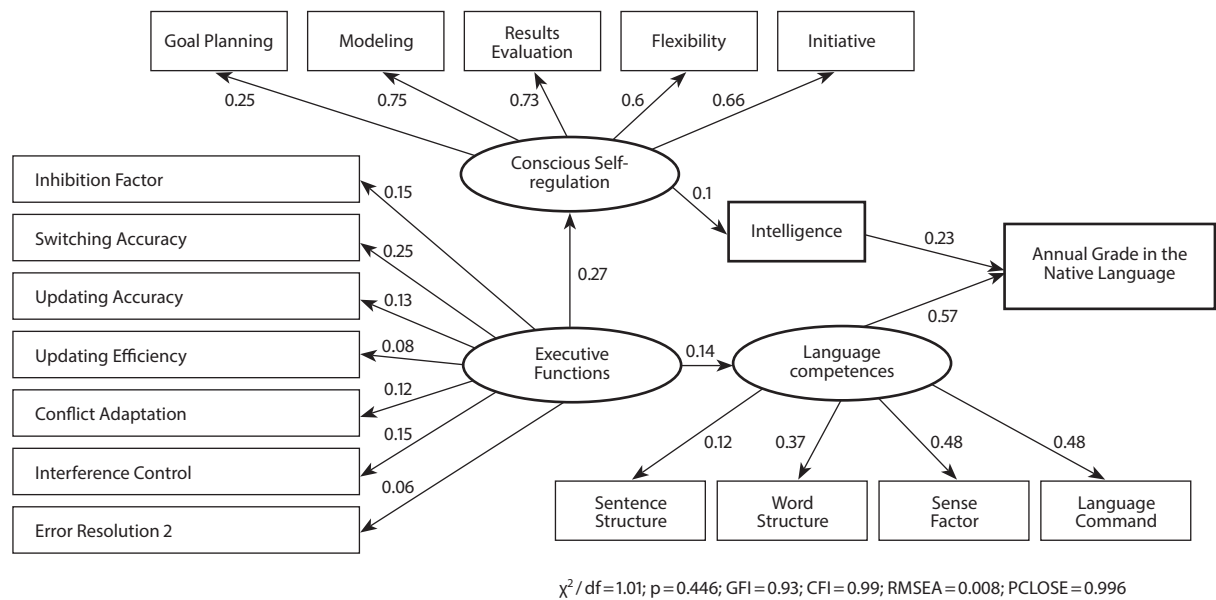

Fig. 2. Predictors of Russian language success in the 7th grade

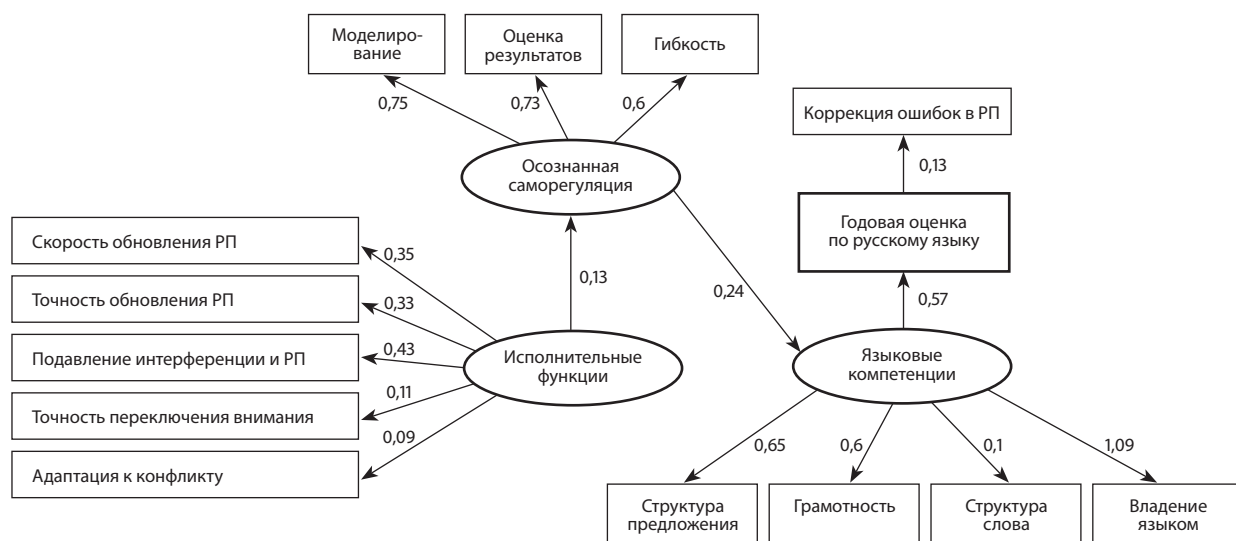
Модель успеваемости семиклассников соответствует теоретической модели и приведенному выше описанию. Со стороны СР значимый вклад в успеваемость вносят процессы моделирования и оценки результатов, а также свойства гибкости и инициативности. Со стороны ИФ значимыми являются: точность переключения внимания, рабочая память.

В девятом классе эта модель претерпевает существенные изменения. Исполнительные функции вносят вклад в саморегуляцию ($\beta = 0,13$). СР влияет на языковые компетенции ($\beta = 0,24$), которые, в свою очередь, вносят значительный вклад в годовую оценку ($\beta = 0,57$). По-прежнему ведущую роль в СР игра-

ют процессы моделирования, оценки результатов и свойство гибкости. ИФ выступает базовым уровнем саморегуляции. Обратим внимание, что такая ИФ, как коррекция ошибок, начинает вносить отдельный значительный вклад в итоговую оценку ($\beta = 0,13$).

Модели, построенные на выборках мальчиков и девочек. Аналогичные по составу показателей структурные модели успеваемости по русскому языку, построенные отдельно для мальчиков и девочек, представлены на (рис. 4 и 5).

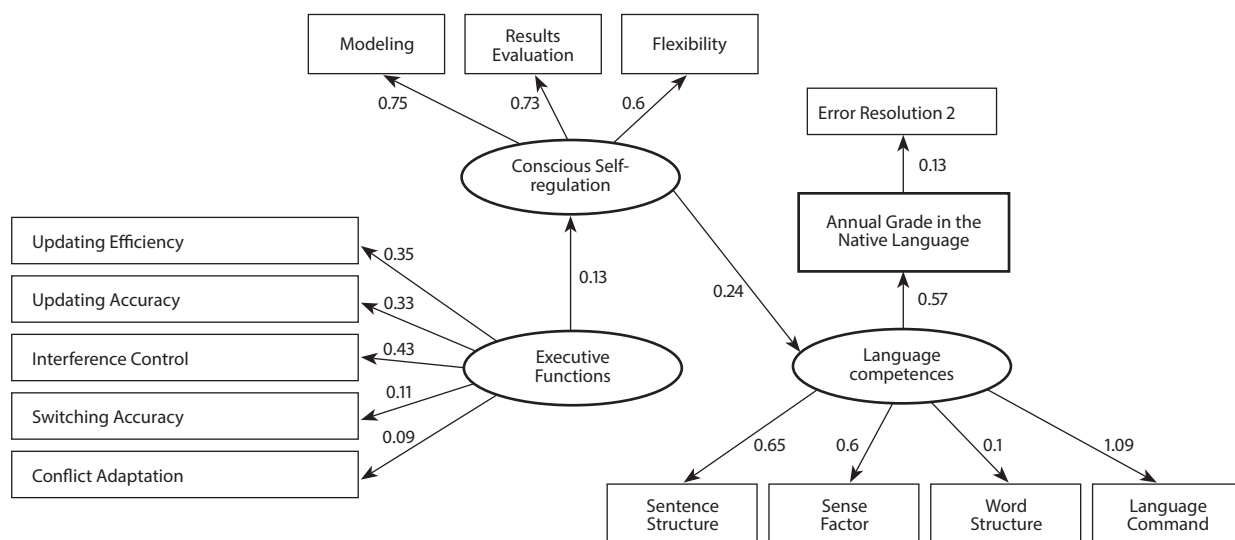
Модель, построенная на выборке девочек, обучающихся в седьмых и девярых классах, в целом соответствует базовой теоретической модели. Так, осознан-

Структурная модель регуляторных предикторов успешности по русскому языку в средней школе

$\chi^2 / df = 1,01$; $p = 0,479$; $GFI = 0,835$; $CFI = 0,99$; $RMSEA = 0,002$; $PCLOSE = 0,742$

Рис. 3. Предикторы успеваемости по русскому языку в девятом классе

$\chi^2 / df = 1,01$; $p = 0,479$; $GFI = 0,835$; $CFI = 0,99$; $RMSEA = 0,002$; $PCLOSE = 0,742$

Fig. 3. Predictors of Russian language success in the 9th grade

ная СР у девочек включает процесс планирования, что говорит о том, что их успеваемость зависит от осознанно поставленной цели. В обеспечении успеваемости у девочек задействованы практически все ИФ, кроме скорости обновления рабочей памяти. Ведущей ИФ в их случае является точность ее обновления. Действительно, аккуратность, некоторая педантичность, внимание к деталям, добросовестность, свойственная девочкам, получающим высокие баллы по русскому языку, требует дополнительных временных затрат. Высокие ЯК у девочек в соизмеримой степени детерминированы и такими факторами как Владение языком, Структура предложения,

Грамотность и в меньшей степени Структура слова. Так, осознанная СР определяет традиционные 20% дисперсии по предмету. Исполнительные функции детерминируют и СР, и ЯК, вклад которых в оценку по русскому языку составляет $\beta = 0,30$.

Модель, построенная на объединенной выборке мальчиков 7-х и 9-х классов, отличается от теоретической модели характером взаимосвязей ИФ с ЯК и спецификой влияния СР на ИФ. Мальчики ориентированы на адаптацию к сложившейся ситуации и скорее следуют указаниям учителей и родителей, поскольку процесс планирования не играет существенной роли в их СР. Их успеваемость зна-

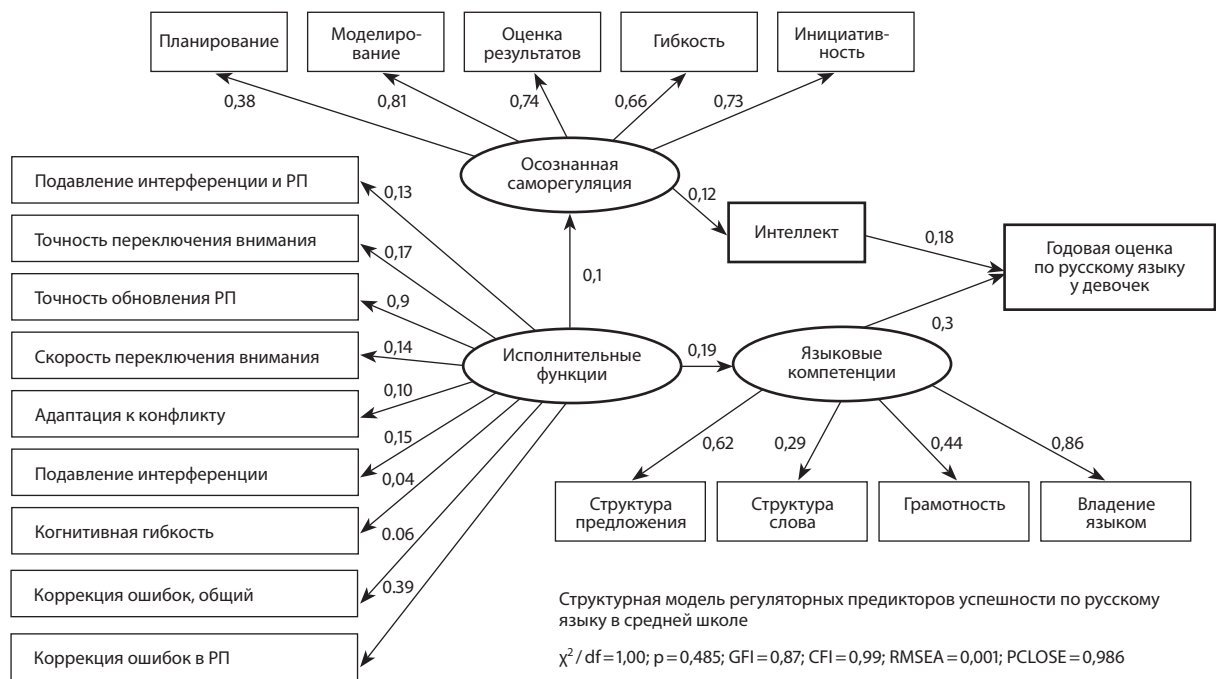

Рис. 4. Предикторы успеваемости девочек по русскому языку (7 и 9 классы)

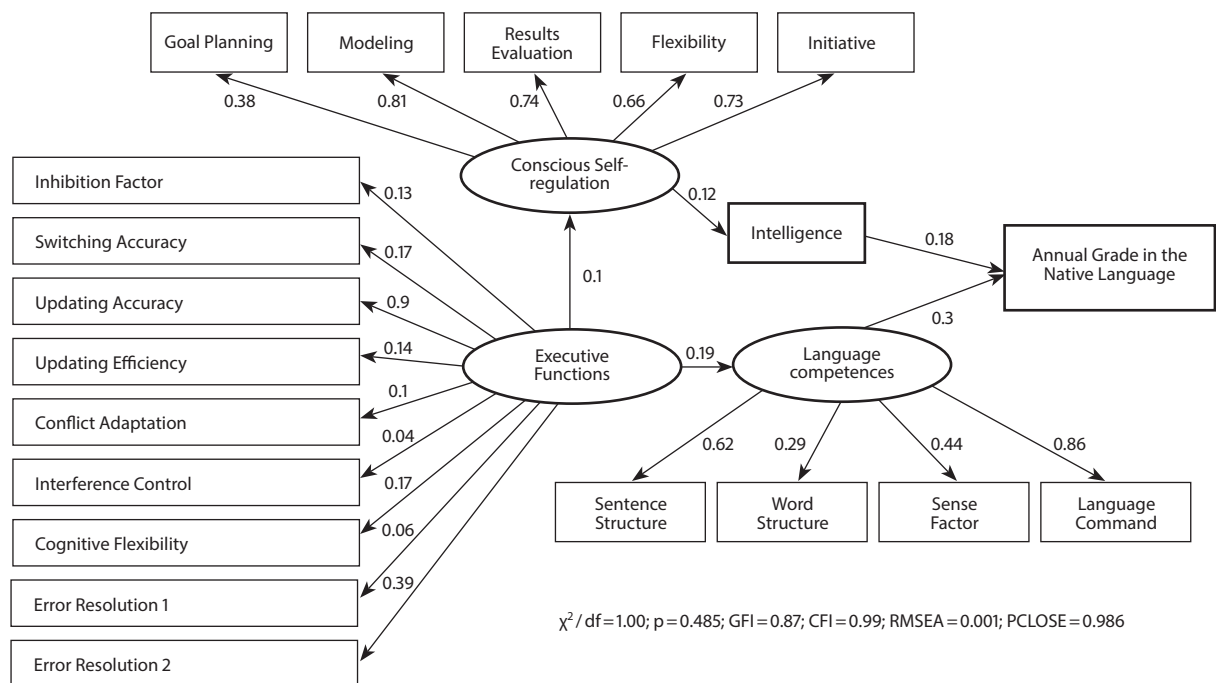

Fig. 4. Predictors of girls' academic performance in Russian (grades 7 and 9)

чимо зависит от точности переключения внимания ($\beta = 0,53$). Обратим внимание, что для мальчиков ведущими факторами выступают Владение языком и Грамотность.

Существенные различия наблюдаются также во взаимосвязях латентных факторов. Годовая оценка по русскому языку целиком и полностью зависит от того, насколько продуктивно работает их осознанная саморегуляция. СР оказывается ответственной за

внимание, подавление irrelevantных сигналов, коррекцию ошибок, желание и способность удерживать в памяти нормы и правила родного языка ($\beta = 0,56$).

Особо отметим тот факт, что языковые компетенции по отдельным разделам русского языка развиваются независимо от итоговой годовой оценки, как будто знания о правилах и нормах родного языка есть нечто не связанное с оценкой по предмету. Этот факт требует дальнейшего изучения.

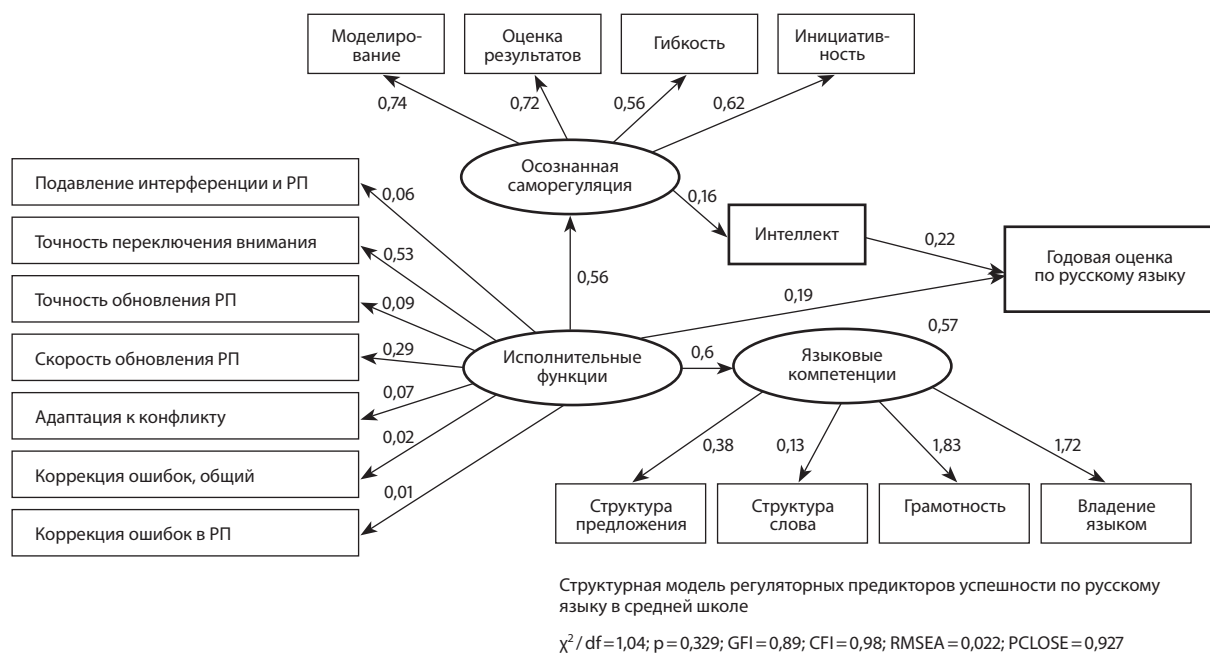

Рис. 5. Предикторы успеваемости мальчиков по русскому языку (7 и 9 классы)

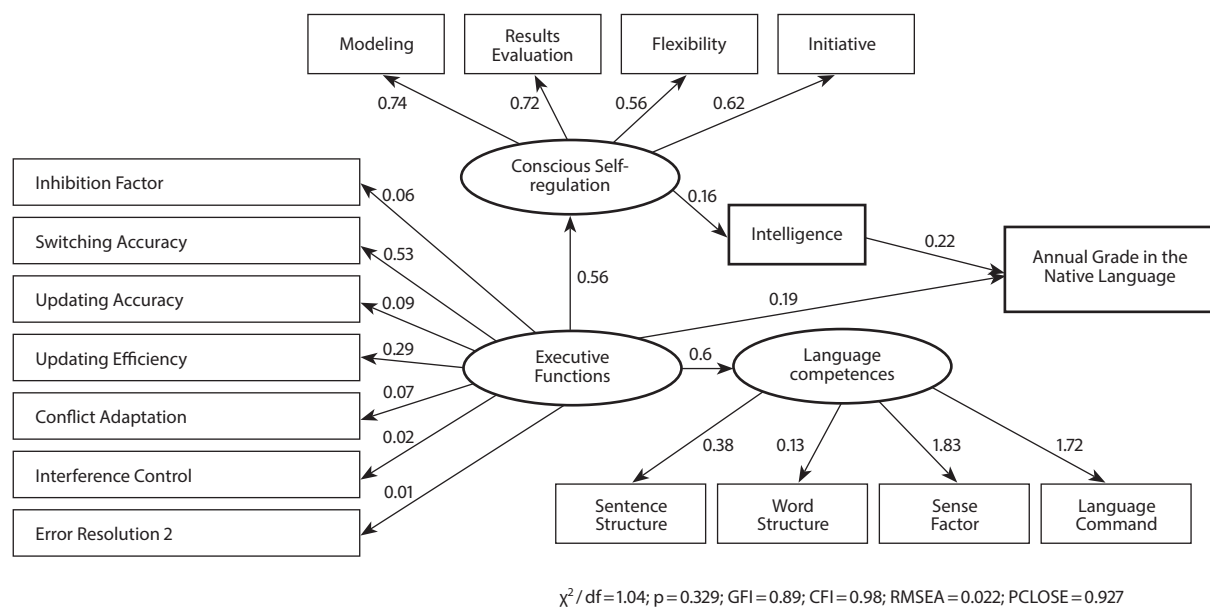

Fig. 5. Predictors of boys' academic performance in Russian (grades 7 and 9)

Обсуждение результатов

Новизна и значимость полученных в исследовании результатов во многом определяется комплексным подходом, который впервые применяется при изучении факторов успешности овладения родным языком в подростковом возрасте. В качестве таких факторов рассмотрены регуляторные предикторы базового и когнитивного уровня, интеллект и языковые компетенции по различным разделам русского языка. Неспорим вклад интеллекта в успеваемость по ведущим школьным предметам. Исследования с применением

сочетания структурной и функциональной нейровизуализации показали, что вербальный IQ в большей степени связан с областями, которые активируются речью, в то время как невербальный IQ — с движениями пальцев. В итоге был сделан вывод о том, что общие интеллектуальные способности в большей степени связаны с сенсомоторными навыками, вовлеченными в процесс обучения (Conti-Ramsden et al., 2018). Полученные в исследовании модели продемонстрировали, что интеллект и СР являются универсальными ресурсами достижения учебных целей, поэтому размер их вклада в успеваемость у мальчиков и девочек

варьирует незначительно. Более того, существующий модераторный эффект регуляторного процесса Моделирования приводит к тому, что при среднем и высоком его уровне, повышение интеллекта приводит к снижению числа ошибок при написании слов. Однако высокий интеллект при низком моделировании не спасает от этого вида ошибок (Бондаренко и др., 2020).

С помощью моделирования структурными уравнениями оценен размер опосредствующих вкладов осознанной СР и ИФ в успеваемость по русскому языку. Во многом она определяется уровнем развития осознанной СР, в то время как ИФ преимущественно вносит вклад в развитие языковых компетенций. Так, например, взаимосвязь переключения внимания (ИФ) с ЯК может быть связана, прежде всего, с эффективной сменой стратегий поиска информации в семантической памяти при построении семантического плана высказывания и подборе адекватных лексических единиц (*verbal fluency*). ИФ обновления рабочей памяти, являясь ментальным хранилищем, в котором конструируются и перерабатываются различные когнитивные репрезентации, за счет своей продуктивности отвечает за смысловой и семантический план порождаемых учеником предложений. Эти данные свидетельствуют о существовании разноуровневых регуляторных механизмов обеспечения успеваемости в средней школе. Базовый когнитивный и нейрофизиологический уровень представлен исполнительными функциями, более высокий управляющий метауровень — процессами и свойствами осознанной саморегуляции.

Ранее мы указывали на существование методической проблемы, связанной с тем, что годовая оценка по русскому языку, призванная оценить языковую и лингвистическую компетентность учащихся, не является валидным показателем успешности овладения этим предметом. На основе пятибалльной оценки невозможно сделать вывод о достигнутом уровне коммуникативной, языковой, лингвистической (языковедческой), культуроведческой, регуляторной компетентности или о метапредметных результатах. Ситуация усложняется субъективным характером оценивания. Поэтому использование в исследовании такого показателя, как языковые компетенции по различным разделам русского языка, раскрывает ранее наблюдаемые, но не получившие объяснения закономерности, связанные с более высокой успеваемостью по родному языку у девочек. Например, на выборке учеников с 4 по 10 класс при исследовании влияния пола, класса и способностей на успешность, активность и мотивацию при выполнении письменных заданий, было показано, что класс обучения и пол респондентов оказывали значимое влияние на письменную активность и качество письма, в частности, более качественные работы писали девушки и учащиеся более старших классов (De Smedt et al., 2018).

Структурные модели показали, что успеваемость у девочек детерминирована всем спектром процессов и свойств СР и ИФ. Акцент смещен в сторону осознанного планирования достижения учебных целей и различных показателей точности (памяти, внимания,

переключения). У мальчиков успеваемость зависит от конкретных волевых усилий по выполнению требований учителей и родителей, то есть всецело от развития осознанной СР. Возможно, цифровые технологии смогут улучшить ситуацию. Так в исследовании, посвященном гендерным различиям успешности в чтении при цифровом и бумажном предъявлении, а также влиянии видеоигр на успеваемость, было обнаружено, что хотя мальчики-подростки хуже выполняли задание в обоих случаях, при предъявлении задания на компьютере, разрыв уменьшался (Borgonovi, 2016). Согласно полученным нами моделям, мы видим сложную детерминацию годовой оценки по русскому языку. Более того, обнаружено, что накопление содержательных знаний по предмету (ЯК) у мальчиков происходит достаточно автономно и не связано непосредственно с годовой оценкой по предмету. Этот результат является новым, мы не нашли аналогичных исследований у зарубежных и отечественных авторов. Его осмысление требует продолжения исследований в старшей школе.

Анализ возрастной специфики процессов, происходящих в период окончания средней и перехода в старшую школу, продемонстрировал качественные изменения в характере детерминации успеваемости по русскому языку. Полученные нами данные согласуются с выполненными ранее исследованиями. Так для начальных классов демонстрируется положительная корреляция между СР и успеваемостью по родному языку (Skibbe et al., 2019; Lonigan et al., 2017). В то время как для средней и старшей школы эта связь практически не исследуется. Преимущество в зарубежной литературе отдано изучению успешности по математике. Например, в последнем метаанализе (Peng et al., 2020), где на основании выраженной связи между овладением родным языком и математикой делается вывод о необходимости изучения предикторов успеваемости по родному языку.

Структурные модели позволили проанализировать качественные изменения, происходящие в системе когнитивных и некогнитивных предикторов успеваемости по русскому языку при переходе в старшую школу. Число предикторов сокращается. Актуализируются только те из них, которые помогают ученику решать конкретные текущие задачи, в частности обеспечивают успешную сдачу выпускного экзамена. Не случайно в модель для девятиклассников не вошел показатель интеллекта. Действительно, успеваемость по предмету Русский язык к окончанию средней школы начинает зависеть, в большей степени, от способности замечать и корректировать свои ошибки, а не от способности *понимать* правила.

В этом случае у нас есть все основания рассматривать регуляторные компетенции как специальный регуляторный ресурс успеваемости. В частности, особая нагрузка ложится на регуляторные процессы моделирования и оценки результатов, и на ИФ Коррекция ошибок. Действительно, как показали исследования, выполненные на профессиональных выборках, в ситуации повышенной ответственности и выраженной стрессовой нагрузки именно эти

регуляторные ресурсы обеспечивают наибольшую успешность (Моросанова и др., 2020).

Подводя итоги, отметим, что междисциплинарный подход настоящего исследования позволил разработать объяснительные модели взаимосвязи нейропсихологических, когнитивных, регуляторных и личностных факторов успеваемости по русскому языку. Такой подход не только отвечает современным тенденциям мировых исследований, в которых наблюдается интерес к интегративному анализу предикторов академической успеваемости, но и позволил выявить регуляторные механизмы ранее известных явлений.

Заключение

Исследование раскрыло структуру взаимосвязей между предикторами успешности по русскому языку. Эта структура реализована в виде модели, валидизированной на выборке учеников средней школы. Центральное место в модели принадлежит взаимосвязи осознанной саморегуляции и ее базовому нейрокогнитивному основанию — исполнительным функциям. Этот сложный регуляторный компонент в подростковом возрасте является ключевым предиктором успешности по русскому языку, наряду с невербальным интеллектом.

Показана специфика детерминации академической успеваемости по русскому языку для групп учащихся, различающихся по полу. Высокая успеваемость мальчиков зависит от развития осознанной саморегуляции и способности управлять своим вниманием. Для успеваемости девочек особое значение имеет планирование учебных целей, общий уровень саморегуляции и точность обновления рабочей памяти.

К моменту окончания средней школы (9 класс) система предикторов успеваемости по русскому языку претерпевает качественные изменения, актуальными остаются только те из них, которые обеспечивают успешность сдачи государственных экзаменов: моделирование значимых для достижения цели условий, оценка и коррекция результатов.

Полученные результаты, с одной стороны, позволили изучить общие закономерности детерминации успеваемости по русскому языку. С другой — прояснили регуляторные механизмы, лежащие в основе индивидуальных различий (половых и возрастных) в обучении. Эти данные могут послужить основой для разработки индивидуального подхода в оказании педагогической и психологической помощи обучающимся, с целью улучшения академических успехов каждого ученика. В частности, при разработке индивидуализированных программ для мальчиков, педагоги могут ориентироваться, прежде всего, на общее развитие саморегуляции достижения целей, особое внимание уделяя способности управлять своим вниманием, а для девочек — в первую очередь, осознанность в выдвигании целей обучения. Индивидуализированная программа для учеников седьмого класса должна включать как развитие исполнительных функций, так и регуляторных процессов и свойств, в особенности умения моделировать значимые условия для достижения цели, гибко перестраивать свое поведение при изменении условий и поддерживать инициативу. В девятом классе педагогам стоит обратить внимание на острую потребность учеников в разнобразной обратной связи о текущих результатах обучения и их корректировке, в случае если они неудовлетворительны, поскольку данный процесс позволит обеспечить успешную сдачу экзаменов.

Литература:

- Ахутина Т.В., Корнев А.А., Матвеева Е.Ю. Возрастная динамика понимания логико-грамматических конструкций у младших школьников и ее мозговые механизмы // *Специальное образование*. 2017. № 3. С. 15–31.
- Божович Е. Д. Развитие языковой компетенции как психологической системы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 2016.
- Бондаренко И.Н., Потанина А.М., Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как ресурс успешности по русскому языку у школьников с различным уровнем интеллекта // *Экспериментальная психология*. 2020. Т. 13, № 1. С. 63–78.
- Моросанова В.И. Саморегуляция как метаресурс образования и решения задач жизнедеятельности в кризисных условиях пандемии. В сборнике *Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации* / Под ред. Т.Н. Банщиковой, Е.А. Фоминой, В.И. Моросановой. М.: Знание-М, 2020.
- Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*. 2021. № 1. С. 4–37.
- Моросанова В.И., Бондаренко И.Н., Фомина Т.Г. Вклад исполнительных функций и осознанной саморегуляции в успешность по русскому языку в средней школе // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2019. Т. 12, № 4. С. 54–66.
- Моросанова В.И., Фомина Т.Г., Цыганов И.Ю. Осознанная саморегуляция и отношение к учению как ресурсы академической успешности // *Вопросы психологии*. 2017. № 4. С. 64–75.
- Begum, S., Flowers, N., Tan, K., Carpenter, D.M.H., & Moser, K. (2021). Promoting literacy and numeracy among middle school students: Exploring the mediating role of self-efficacy and gender differences. *International Journal of Educational Research*, 106, 101722. doi: 10.1016/j.ijer.2020.101722
- Berninger, V., Abbott, R., Cook, C.R., & Nagy, W. (2017). Relationships of attention and executive functions to oral language, reading, and writing skills and systems in middle childhood and early adolescence. *Journal of Learning Disabilities*, 50 (4), 434–449. doi: 10.1177/0022219415617167
- Boekaerts, M., & Cascallar, E. (2006). How far have we moved toward the integration of theory and practice in self-regulation? *Educational Psychology Review*, 18 (3), 199–210. doi: 10.1007/s10648-006-9013-4
- Borgonovi, F. (2016). Video gaming and gender differences in digital and printed reading performance among 15-year-olds students in 26 countries. *Journal of Adolescence*, 48, 45–61. doi: 10.1016/j.adolescence.2016.01.004

- Conti-Ramsden, G., Durkin, K., Toseeb, U., Botting, N., & Pickles, A. (2018). Education and employment outcomes of young adults with a history of developmental language disorder. *International journal of language & communication disorders*, 53 (2), 237–255. doi: 10.1111/1460-6984.12338
- De Smedt, F., Merchie, E., Barendse, M., Rosseel, Y., De Naeghel, J., & Van Keer, H. (2018). Cognitive and motivational challenges in writing: Studying the relationship with writing performance across students' gender and achievement level. *Reading Research Quarterly*, 53 (2), 249–272. doi: 10.1002/rrq.193
- Deary, I.J., Strand, S., Smith, P., & Fernandes, C. (2007). Intelligence and educational achievement. *Intelligence*, 35 (1), 13–21. doi: /10.1016/j.intell.2006.02.001
- Dutilh, G., van Ravenzwaaij, D., Nieuwenhuis, S., van der Maas, H.L., Forstmann, B.U., & Wagenmakers, E.J. (2012). How to measure post-error slowing: a confound and a simple solution. *Journal of Mathematical Psychology*, 56 (3), 208–216. doi: 10.1016/j.jmp.2012.04.001
- Galbraith, D., & Al-Saadi, Z. (2020). A dual-process model of L1 writing processes. *Writing and Language Learning: Advancing research agendas*, 56, 49.
- Graham, S. (2018). A writer(s) withing community model of writing. In C. Bazerman, V. Berninger, D. Brandt, S. Graham, J. Langer, S. Murphy, P. Matsuda, D. Rowe, & M. Schleppegrell (Eds.), *The lifespan development of writing* (pp. 271–325). Urbana, IL: National Council of English.
- Kaplan, A., Samuels J., Sawers K. (2017). Social psychology theories as applied to Behavioural Accounting Research. In book: *The Routledge Companion to Behavioural Accounting Research* (pp. 57–71) doi: 10.4324/9781315710129-5
- Limpo, T., Alves, R.A., & Fidalgo, R. (2014). Children's high-level writing skills: Development of planning and revising and their contribution to writing quality. *British Journal of Educational Psychology*, 84 (2), 177–193. doi: 10.1111/bjep.12020
- Lonigan, C.J., Allan, D.M., & Phillips, B.M. (2017). Examining the predictive relations between two aspects of self-regulation and growth in preschool children's early literacy skills. *Developmental psychology*, 53 (1), 63. doi: 10.1037/dev0000247
- Marcenaro-Gutierrez, O., Lopez-Agudo, L.A., & Ropero-García, M.A. (2018). Gender differences in adolescents' academic achievement. *Young*, 26 (3), 250–270. doi.org/10.1177/1103308817715163
- Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J., Witzki, A.H., Howerter, A., & Wager, T.D. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex "frontal lobe" tasks: A latent variable analysis. *Cognitive psychology*, 41 (1), 49–100. doi: 10.1006/cogp.1999.0734
- Morosanova, V., Bondarenko, I., Fomina, T., & Velichkovsky, B. Executive functions and conscious self-regulation as predictors of native language learning success in Russian middle school children. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021. (in print).
- Moura, O., Pereira, M., Alfaiate, C., Fernandes, E., Fernandes, B., Nogueira, S., Simões, M.R. (2017). Neurocognitive functioning in children with developmental dyslexia and attention deficit/hyperactivity disorder: Multiple deficits and diagnostic accuracy. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 39 (3), 296–312. doi: 10.1080/13803395.2016.1225007.
- Musso, M.F., Boekaerts, M., Segers, M., & Cascallar, E.C. (2019). Individual differences in basic cognitive processes and self-regulated learning: their interaction effects on math performance. *Learning and Individual Differences*, 71, 58–70. doi: 10.1016/j.lindif.2019.03.003
- Peng, P., Lin, X., Ünal, Z.E., Lee, K., Namkung, J., Chow, J., & Sales, A. (2020). Examining the mutual relations between language and mathematics: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 146 (7), 595–634. doi: 10.1037/bul0000231
- Piasecka L. (2018). Tinker, Tailor...: Creativity in Foreign Language Learning and Teaching. In: Pawlak M., Mystkowska-Wiertelak A. (Eds.), *Challenges of Second and Foreign Language Education in a Globalized World. Second Language Learning and Teaching*. (pp. 89–106). Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-66975-5_6
- Reilly, D., Neumann, D.L., & Andrews, G. (2019). Gender differences in reading and writing achievement: Evidence from the National Assessment of Educational Progress (NAEP). *American Psychologist*, 74 (4), 445. doi: 10.1037/amp0000356
- Rutherford, T., Buschkuehl, M., Jaeggi, S.M., & Farkas, G. (2018). Links between achievement, executive functions, and self-regulated learning. *Applied Cognitive Psychology*, 32 (6), 763–774. doi: 10.1002/acp.3462
- Skibbe, L.E., Montroy, J.J., Bowles, R.P., & Morrison, F.J. (2019). Self-regulation and the development of literacy and language achievement from preschool through second grade. *Early childhood research quarterly*, 46, 240–251. doi: 10.1016/j.ecresq.2018.02.005
- Skibbe, L.E., & Foster, T.D. (2019). Participation in the Imagination Library book distribution program and its relations to children's language and literacy outcomes in kindergarten. *Reading Psychology*, 40 (4), 350–370. doi: 10.1080/02702711.2019.1614124
- Tikhomirova T., Malykh A., Malykh S. (2020). Predicting Academic Achievement with Cognitive Abilities: Cross-Sectional Study across School Education // *Behavioral Sciences*, 10. doi: 10.3390/bs10100158
- Velichkovsky, B.B., Bondarenko, I.N., & Morosanova, V.I. (2019). The relationship between executive functions and language competences in middle school children. *Psychology in Russia: State of the art*, 12 (1). doi: 10.11621/pir.2019.0108
- Voyer, D., & Voyer, S.D. (2014). Gender differences in scholastic achievement: a meta-analysis. *Psychological bulletin*, 140 (4), 1174. doi: 10.1037/a0036620
- Yang, Y.H., Marslen-Wilson, W.D., & Bozic, M. (2017). Syntactic complexity and frequency in the neurocognitive language system. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 29 (9), 1605–1620. doi: 10.1162/jocn_a_01137

References:

- Akhutina T.V., Korneev A.A., Matveeva E.Yu. (2017). Age dynamics of understanding of logical and grammatical constructions in primary schoolchildren and its brain mechanisms. *Spetsial'noe obrazovanie (Special education)*, 3, 15–31. (in Russ.).
- Bozhovich E.D. (2016). *Razvitie yazykovoy kompetentsii kak psikhologicheskoy sistemy: Avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. (Development of language competence as a psychological system: abstract of dissertation).* (Psychology). Moscow. (in Russ.).

- Bondarenko I.N., Potanina A.M., Morosanova V.I. (2020). Conscious self-regulation as a resource for success in the Russian language among schoolchildren with different levels of intelligence. *Ekspieriment'naya psikhologiya (Experimental psychology)*, 13 (1), 63–78. (in Russ.).
- Morosanova V.I. (2020). Self-regulation as a metaresource of education and solving problems of life in the crisis conditions of a pandemic. In T.N. Banshchikova, E.A. Fomina, V.I. Morosanova (Eds.), *Personal and regulatory resources for achieving educational and professional goals in the era of digitalization* (pp. 887–896). Moscow: Znanie-M. (in Russ.).
- Morosanova V.I. (2021). Conscious self-regulation as a metaresource for achieving goals and solving the problems of human activity. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 1, 4–37. (in Russ.).
- Morosanova V.I., Bondarenko I.N., Fomina T.G. (2019). The contribution of executive functions and conscious self-regulation to the success of the Russian language in secondary school. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya (Theoretical and experimental psychology)*, (12) 4, 54–66. (in Russ.).
- Morosanova V.I., Fomina T.G., Tsyganov I.Yu. (2017). Conscious self-regulation and attitude to learning as resources for academic success. *Voprosy psikhologii (Psychology issues)*, 4, 64–75. (in Russ.).
- Morosanova V., Bondarenko I., Fomina T., & Velichkovsky B. (2021). Executive functions and conscious self-regulation as predictors of native language learning success in Russian middle school children. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021. (in print).
- Begum, S., Flowers, N., Tan, K., Carpenter, D.M.H., & Moser, K. (2021). Promoting literacy and numeracy among middle school students: Exploring the mediating role of self-efficacy and gender differences. *International Journal of Educational Research*, 106, 101722. doi: 10.1016/j.ijer.2020.101722
- Berninger, V., Abbott, R., Cook, C.R., & Nagy, W. (2017). Relationships of attention and executive functions to oral language, reading, and writing skills and systems in middle childhood and early adolescence. *Journal of learning disabilities*, 50 (4), 434–449. doi: 10.1177/0022219415617167
- Boekaerts, M., & Cascallar, E. (2006). How far have we moved toward the integration of theory and practice in self-regulation? *Educational Psychology Review*, 18 (3), 199–210. doi: 10.1007/s10648-006-9013-4
- Borgonovi, F. (2016). Video gaming and gender differences in digital and printed reading performance among 15-year-olds students in 26 countries. *Journal of Adolescence*, 48, 45–61. doi: 10.1016/j.adolescence.2016.01.004
- Conti-Ramsden, G., Durkin, K., Toseeb, U., Botting, N., & Pickles, A. (2018). Education and employment outcomes of young adults with a history of developmental language disorder. *International journal of language & communication disorders*, 53 (2), 237–255. doi: 10.1111/1460-6984.12338
- De Smedt, F., Merchie, E., Barendse, M., Rosseel, Y., De Naeghel, J., & Van Keer, H. (2018). Cognitive and motivational challenges in writing: Studying the relationship with writing performance across students' gender and achievement level. *Reading Research Quarterly*, 53 (2), 249–272. doi: 10.1002/rrq.193
- Deary, I.J., Strand, S., Smith, P., & Fernandes, C. (2007). Intelligence and educational achievement. *Intelligence*, 35 (1), 13–21. doi: /10.1016/j.intell.2006.02.001
- Dutilh, G., van Ravenzwaaij, D., Nieuwenhuis, S., van der Maas, H.L., Forstmann, B.U., & Wagenmakers, E.J. (2012). How to measure post-error slowing: a confound and a simple solution. *Journal of Mathematical Psychology*, 56 (3), 208–216. doi: 10.1016/j.jmp.2012.04.001
- Galbraith, D., & Al-Saadi, Z. (2020). A dual-process model of L1 writing processes. *Writing and Language Learning: Advancing research agendas*, 56, 49.
- Graham, S. (2018). A writer(s) withing community model of writing. In C. Bazerman, V. Berninger, D. Brandt, S. Graham, J. Langer, S. Murphy, P. Matsuda, D. Rowe, & M. Schleppegrell (Eds.), *The lifespan development of writing* (pp. 271–325). Urbana, IL: National Council of English.
- Kaplan, A., Samuels J., Sawers K. (2017). Social psychology theories as applied to Behavioural Accounting Research. In book: *The Routledge Companion to Behavioural Accounting Research*. doi: 10.4324/9781315710129-5
- Limpo, T., Alves, R.A., & Fidalgo, R. (2014). Children's high-level writing skills: Development of planning and revising and their contribution to writing quality. *British Journal of Educational Psychology*, 84 (2), 177–193. doi: 10.1111/bjep.12020
- Lonigan, C.J., Allan, D.M., & Phillips, B.M. (2017). Examining the predictive relations between two aspects of self-regulation and growth in preschool children's early literacy skills. *Developmental psychology*, 53 (1), 63. doi: 10.1037/dev0000247
- Marcenaro-Gutierrez, O., Lopez-Agudo, L.A., & Ropero-García, M.A. (2018). Gender differences in adolescents' academic achievement. *Young*, 26 (3), 250–270. doi.org/10.1177/1103308817715163
- Miyake, A., Friedman, N.P., Emerson, M.J., Witzki, A.H., Howerter, A., & Wager, T. D. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex "frontal lobe" tasks: A latent variable analysis. *Cognitive psychology*, 41 (1), 49–100. doi: 10.1006/cogp.1999.0734
- Moura, O., Pereira, M., Alfaiate, C., Fernandes, E., Fernandes, B., Nogueira, S., Simões, M.R. (2017). Neurocognitive functioning in children with developmental dyslexia and attentiondeficit/hyperactivity disorder: Multiple deficits and diagnostic accuracy. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 39 (3), 296–312. doi: 10.1080/13803395.2016.1225007.
- Musso, M.F., Boekaerts, M., Segers, M., & Cascallar, E.C. (2019). Individual differences in basic cognitive processes and self-regulated learning: their interaction effects on math performance. *Learning and individual Differences*, 71, 58–70. doi: 10.1016/j.lindif.2019.03.003
- Peng, P., Lin, X., Ünal, Z.E., Lee, K., Namkung, J., Chow, J., & Sales, A. (2020). Examining the mutual relations between language and mathematics: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 146 (7), 595–634. doi: 10.1037/bul0000231
- Piasecka L. (2018). Tinker, Tailor...: Creativity in Foreign Language Learning and Teaching. In Pawlak M., Mystkowska-Wiertelak A. (Eds.), *Challenges of Second and Foreign Language Education in a Globalized World. Second Language Learning and Teaching*. (pp. 89–106). Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-66975-5_6

- Reilly, D., Neumann, D.L., & Andrews, G. (2019). Gender differences in reading and writing achievement: Evidence from the National Assessment of Educational Progress (NAEP). *American Psychologist*, 74 (4), 445. doi: 10.1037/amp0000356
- Rutherford, T., Buschkuehl, M., Jaeggi, S.M., & Farkas, G. (2018). Links between achievement, executive functions, and self-regulated learning. *Applied Cognitive Psychology*, 32 (6), 763–774. doi: 10.1002/acp.3462
- Skibbe, L.E., Montroy, J.J., Bowles, R.P., & Morrison, F.J. (2019). Self-regulation and the development of literacy and language achievement from preschool through second grade. *Early childhood research quarterly*, 46, 240–251. doi: 10.1016/j.ecresq.2018.02.005
- Skibbe, L.E., & Foster, T.D. (2019). Participation in the Imagination Library book distribution program and its relations to children's language and literacy outcomes in kindergarten. *Reading Psychology*, 40 (4), 350–370. doi: 10.1080/02702711.2019.1614124
- Tikhomirova, T., Malykh, A., & Malykh, S. (2020). Predicting Academic Achievement with Cognitive Abilities: Cross-Sectional Study across School Education. *Behavioral Sciences*, 10. doi: 10.3390/bs10100158
- Velichkovsky, B.B., Bondarenko, I.N., & Morosanova, V.I. (2019). The relationship between executive functions and language competences in middle school children. *Psychology in Russia: State of the art*, 12 (1). doi: 10.11621/pir.2019.0108
- Voyer, D., & Voyer, S.D. (2014). Gender differences in scholastic achievement: a meta-analysis. *Psychological bulletin*, 140 (4), 1174. doi: 10.1037/a0036620
- Yang, Y.H., Marslen-Wilson, W.D., & Bozic, M. (2017). Syntactic complexity and frequency in the neurocognitive language system. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 29 (9), 1605–1620. doi: 10.1162/jocn_a_01137

Оригинальная статья

УДК 159.922.1, 159.923.2, 159.923.33
doi: 10.11621/npj.2021.0303

Психологическое благополучие в контексте пола и сексуальной идентичности

З.Д. Шаехов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9121-6082

Для контактов: shaehovzd@gmail.com

Актуальность исследования. В современной психологии активно исследуется и разрабатывается концепция социально-психологической помощи для уязвимых групп людей с целью повышения их психологического благополучия. Одной из актуальных тем исследования является изучение психологического благополучия мужчин и женщин, а также лиц с различной сексуальной ориентацией. В настоящей статье рассматривается психологическое благополучие людей с гомо-, би- и гетеросексуальной ориентацией.

Целью статьи является изучение различий в психологическом благополучии между мужчинами и женщинами, а также между лицами, идентифицирующими себя гомо-, би- и гетеросексуалами.

Описание хода исследования и респонденты. Для исследования психологического пола нами была использована методика «Психологическое благополучие» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко. В исследовании приняли участие мужчины и женщины с различной сексуальной ориентацией, которая выявлялась на основе самоотчета респондентов.

Результаты исследования. Статистические результаты указывают, что шкала «Позитивные отношения с окружающими» выше у женщин, чем у мужчин ($p = 0,027$), а также данная шкала выше у гетеросексуалов, чем у бисексуалов ($p = 0,031$). Шкала «Баланс аффекта» ниже у гомосексуалов, чем у бисексуалов ($p = 0,047$).

Заключение. Нами получены результаты, что женщины, принимавшие участие в нашем исследовании, более успешны в построении межличностных отношений с социальным миром, так как по отношению к обществу настроены позитивно и проявляют заботу. При этом люди с гетеро- и гомосексуальной идентичностью более благополучны, чем респонденты с бисексуальной идентичностью. Полученные результаты могут использоваться в практической деятельности психологов, проводящих психологическое консультирование и психотерапию с ЛГБТ-сообществом.

Ключевые слова: психологическое благополучие, сексуальная идентичность, категоризация по полу, категоризация по сексуальной идентичности

Для цитирования: Шаехов З.Д. Психологическое благополучие в контексте пола и сексуальной идентичности // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 31–42. doi: 10.11621/npj.2021.0303

Поступила 19 февраля 2021 / Принята к публикации 19 июля 2021

Psychological well-being in the context of gender and sexual identity

Zabir D. Shaekhov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9121-6082

Corresponding author: shaehovzd@gmail.com

Background. In modern psychology, the concept of social and psychological assistance to vulnerable groups of people is being actively studied and developed in order to increase their psychological well-being. One of the topical research issues is the study of psychological well-being in men and women, as well as people of different sexual orientations. This article examines the psychological well-being of people with homo-, bi- and heterosexual orientations.

The aim of the article is to study the differences in psychological well-being between men and women, as well as between people identifying themselves as homosexual, bisexual, and heterosexual.

Description of research progress and respondents. To study the psychological sex, we used the technique “Psychological well-being” by K. Riff in the adaptation of T.D. Shevelenkova and P.P. Fesenko. The study involved men and women of different sexual orientations, identified on the basis of the respondents’ self-report.

Research results. Statistical results indicate that the scale “Positive relationships with others” is higher in women than in men ($p=0.027$), and this scale is higher in heterosexuals than in bisexuals ($p=0.031$). The “Balance of affect” scale is lower among homosexuals than among bisexuals ($p=0.047$).

Conclusion. The obtained results confirm that the women who took part in our study are more successful in building up interpersonal relationships with the social world, since they are positively disposed towards society and show care. At the same time, people with heterosexual and homosexual identities are more prosperous than respondents with bisexual identities. The results obtained can be used in the practice of psychologists conducting psychological counseling and psychotherapy with the LGBT community.

Keywords: psychological well-being, sexual identity, gender categorization, sexual identity categorization

For citation: Shaekhov, Z.D. (2021). Psychological well-being the context of gender and sexual identity, [Natsional’nyy psikhologicheskii zhurnal], 3 (43), 31–42. doi: 10.11621/npj.2021.0303

Received February 19, 2021 / Accepted for publication July 19, 2021

Введение

Актуальность исследования

Исторически первые исследования психологического здоровья и благополучия проводились в области естественных наук, в частности, — в медицине. Однако в середине XX века произошёл поворот в исследовании данных проблем: акцент смещается в область культурологии, социологии и психологии, таким образом, начинается изучение проблем психологического здоровья в контексте гуманитарных наук. Это позволило расширить круг объяснений тех или иных причин появления неорганических заболеваний (Бовина, 2008; Тхостов, 2020). Благополучие наряду с психическим и физическим здоровьем с 50–60-х годов XX столетия начинает привлекать особое внимание научного мира: им интересуются не только в медицинской науке, но и в таких областях как антропология, социология, психология. Появление интереса к изучению социально-психологических аспектов благополучия связано с социально-экономическими и социокультурными изменениями (Белинская, Савинкина, 2018).

Разные формы и понятия благополучия являются одной из наиболее изучаемых тем в отечественной и зарубежной психологии, причем используются вариативные дизайны исследования в зависимости от авторских целей. В нашей работе мы остановимся на исследовании психологического благополучия (далее ПБ) в эвдемонистическом подходе. Данная идея развивалась в трудах М. Чиксентмихайи, а также К. Рифф (Леонтьев, 2020). Для нас ключевым является представление К. Рифф, которая понимает психологическое благополучие как «позитивное функционирование человека, включающее целенаправленное участие в социальном взаимодействии, реализацию своих собственных талантов и способностей, а также стремление к самопознанию» (Шаехов, Малышева, ГОД?, С. 267). Кроме того, позитивное функционирование человека проявляется в когнитивном оценивании смысла жизни и достижении жизненных целей (Seaborn, Pennefather, Fels, 2020).

Категоризация по полу является социальным феноменом, так как гендерные роли приобретаются в процессе социализации индивида, а отношения трансформируются в зависимости от культурных и

социальных контекстов (Здравомыслова, Темкина, 1998). Социальная категоризация по полу предстаёт фундаментом межличностных взаимоотношений между людьми, при этом биологический пол может не совпадать с самоидентификацией. Как известно, исходя из пола, социумом приписываются определенные правила и нормы социального поведения мужчинам и женщинам, транслирующие социальные ожидания на индивидуальный уровень. Однако эмпирические исследования часто опровергают половые различия (Алексеев, 2006).

В отечественной и зарубежной психологии достаточно широко исследуются различия по полу в аспекте психологического благополучия, однако результаты противоречивы. Так, в некоторых исследованиях отмечаются сложности в фиксировании достоверных различий между полами (например, Осипова, 2012; Nguyen, Dang, 2017), в других исследованиях утверждается, что существуют значимые различия между мужчинами и женщинами по шкалам «Позитивные отношения с окружающими» «Автономия», «Самопринятие», «Управление средой», «Человек как открытая система» (Ryff, 1996; Иташева, Лизунова, 2016; Espinosa, et al., 2016; Ulu M., 2018; Тихомандрицкая и др., 2018; Корниенко, Козлов, 2014; Li, et al., 2015; Литвинова и др., 2017). Однако к периодам поздней зрелости и старости данные различия нивелируются. Отсутствие явных различий по полу в данные периоды онтогенетического развития объясняется с точки зрения исчезновения социобиологических предпосылок гендерной идентификации (Дубовик, 2011). В более современных исследованиях можно найти результаты, свидетельствующие, что психологическое благополучие выше у лиц занятых профессиональной деятельностью, чем неработающих пожилых людей. (Нерушай, 2021).

В корреляционных исследованиях показано, что пол негативно коррелирует с показателями ПБ (например, Cole, Korkmaz, 2013; Freire, et al., 2016). Необходимо отметить, что показатели ПБ в зависимости от половой принадлежности по-разному взаимосвязаны с индивидуально-психологическими характеристиками человека (Литвинова и др., 2017; Тихомандрицкая и др., 2018; см.: Ulu M., 2018).

В конце XIX века в европейскую культуру вводится понятие «сексуальная категоризация» в изучении сексуальности. Данное понятие использовали для

Забир Дамирович Шаехов —

психолог факультета психологии кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0001-9121-6082

Zabir D. Shaekhov —

Psychologist at Department of Social Psychology, the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0001-9121-6082

описания направленности человека на тот или иной пол (Мондитор, 2002). Анализируя данный феномен в своих работах М. Фуко, Т. Сас и др., указывали, что сексуальная категоризация по принципу гомо- и гетеросексуальность использовалась как социально-политический инструмент для применения политических репрессий, эксплуатации и т.п. (Мелков, 2017).

Данные работы, фокусирующиеся на социально-политических явлениях, стали основой изучения таких понятий, как сексуальная идентичность, сексуальная ориентация, сексуальные предпочтения и т.п. В предлагаемом исследовании мы кратко рассмотрим становление сексуальной идентичности. Актуальность исследования сексуальной идентичности обостряется в истории науки лишь с конца XIX в. В зарубежной литературе часто сексуальная идентичность понимается как сексуальная ориентация. В отечественной науке сексуальная идентичность рассматривается в рамках полового самосознания с акцентом на биологические составляющие, которые проявляются в сексуальных паттернах (т.е. сексуальное поведение). Ряд исследователей рассматривали сексуальную идентичность как тождественность половой идентичности. В современных работах некоторые исследователи рассматривают сексуальную идентичность как одну из разновидностей гендерной идентичности (Мелков, 2017; Воронцов, 2016).

Мы согласимся с С.В. Мелковым, что сексуальная идентичность, сексуальная ориентация, гендерная идентичность и сексуальное поведение имеют различные смысловые нагрузки. Так, автор делает вывод о том, что сексуальные переживания являются фундаментом сексуальной идентичности и соотносятся с социальной категоризацией в аспекте сексуальности (гомо-, би- и гетеросексуальность) (Мелков, 2017).

Процесс формирования сексуальной идентичности для би- и гомосексуальных людей является одним из сложных, так как они «обнаруживают» свою сексуальную идентичность (Кон, 2004). Люди с негетеронормативностью, социализирующиеся и воспитывающиеся в гетеронормативной среде имеют сложности в формировании своей сексуальной идентичности. Это, прежде всего, связано с тем, что общество и культура требует соответствия принятому социальному поведению в аспекте сексуальности, а несоответствие рискует быть «наказано» различными социальными санкциями. Впоследствии негетеронормативным людям необходимо скрывать свои сексуальные предпочтения, при этом невозможность раскрыть себя ведёт к снижению ПБ. Однако с развитием информационных технологий процесс формирования сексуальной идентичности будет менее трудным, так как в интернет-ресурсах можно найти необходимые ответы и группы идентификации. Но всё же процесс «раскрытия» референтным людям и группам остаётся сложным и трудным.

Процессы категоризации тесно связаны с появлением и развитием социальной идентичности. Данный вопрос в социальной психологии и в гуманитарных науках в целом является актуальной темой исследо-

вания. Само понятие идентичности в науке является размытым, и мы можем наблюдать скорее обращение к феноменологическому подходу, учитывающему включенность человека в конкретные социальные группы, такие как профессиональные, этнические, гендерные (зачастую подразумевающие только биологический пол) и т.п. Категоризация с точки зрения сексуальной ориентации позволяет выделить и группы, связанные с сексуальностью и, соответственно, говорить о сексуальной идентичности.

В обзорной статье Е.П. Белинской, посвященной исследованиям идентичности, ею были обозначены три важные дихотомии анализа в современных работах — «дифференциация-интеграция», «константность-изменчивость» и «Я — социальный контекст» (Белинская, 2018). Нам представляется, что все три измерения актуальны и для изучения сексуальной идентичности.

Современные исследования, с одной стороны, обращают внимание на выявление и изучение специфики различных групп на основании множества возможных аспектов гендерной и сексуальной идентичностей и их сочетаниях, с другой стороны, демонстрируют тренд на поиск универсальных характеристик, охватывающих опыт людей, не вписывающихся в гетеронормативные рамки общества, обобщающий их в одну большую категорию и позволяющий при этом перейти к рассмотрению индивидуальных, уникальных жизненных стратегий внутри этой категории. Вопросы константности и изменчивости пронизывают дискуссии о «происхождении» сексуальной идентичности, возможности ее изменений в течение жизни. Наконец, вопрос о соотношении Я и социального контекста может быть рассмотрен как один из ключевых и для интересующей нас проблематики психологического благополучия. Ведь, если сексуальная идентичность в современном мире всё еще является не только способом интеграции своих внутренних переживаний и личного опыта, но и опирается на усвоенные общественные представления об (обязательной) гетеросексуальности, то это может сказываться особенно сильно на психологическом благополучии негетеросексуальных людей. Понимание психологического благополучия как результата нахождения баланса между своими личными целями и социальными предписаниями и ожиданиями указывает на те трудности, которые приходится преодолевать в случае, если собственные сексуальные переживания и самораскрытие сложно совместить с требованиями окружающего мира.

В зарубежной психологии с начала 50-х годов прошлого столетия активизируются исследования ЛГБТ-сообществ. В России данные исследования проводятся значительно реже. Это, с одной стороны, связано с тем, что респонденты данной группы с осторожностью проявляют желание участвовать в опросах и интервью, а с другой стороны, психологи также с осторожностью предпринимает исследования, связанные с ЛГБТ-сообществом (Мальшева, Шаехов, 2019).

В западных работах получены многочисленные результаты, позволяющие указывать на низкий уровень

ПБ у мужчин с гомо- и бисексуальной ориентацией. Установлено, что основными факторами низкого благополучия согласно данным исследованиям являются такие социально-психологические переменные как стигматизация, дискриминация, низкий уровень социальной поддержки со стороны ближайшего окружения, а также стресс от групповой принадлежности к меньшинству (например, Rost, LeBlanc, 2014; Kertzner, et al., 2009; Meanley, et al., 2016; Molero, et al., 2017; Biss, Horne, 2005; Nelson, et al., 2016; Rieger, Savin-Williams, 2012; Riggle E.D.B., et al., 2009). Однако в отечественной психологии данная проблема не разработана достаточно: она была исследована И.А. Ерзиным и Т.С. Семеновой. Авторы установили, что ПБ у подростков с гомосексуальной идентичностью на низкой границе среднего уровня (Ерзин, Семенова, 2016). Это может быть связано, прежде всего, с возрастными особенностями, так как в подростковом периоде не полностью осознаются экзистенциальные смыслы жизни (Малышева, Шаехов, 2019; Молчанов, 2017; Кон, 1989).

Обобщив результаты исследования ПБ среди представителей ЛГБТ-сообщества, можно заключить, что имеются как социальные факторы формирования ПБ, так и индивидуально-психологические.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пол и сексуальная ориентация могут играть важную роль в построении межличностных доверительных взаимоотношений, а также в достижении поставленных целей. Прежде всего, это связано с тем, что по отношению к мужчинам и женщинам со стороны социума предъявляются определенные требования и нормы социального поведения, в то время как по отношению к людям с негетеронормативной сексуальной ориентацией и идентичностью в обществе существуют негативные социальные установки, что ведёт к стигматизации, вследствие которой снижается психологическое благополучие.

Цель исследования

Установление различий в ПБ по полу и сексуальной идентичности.

Таблица 1. Средние показатели по всей выборке

Шкалы ПБ	М	SD
Позитивные отношения с окружающими	57,01	10,53
Автономность	59,09	10,29
Управление средой	55,15	10,32
Личностный рост	63,73	9,22
Цели в жизни	59,96	11,59
Самопринятие	53,06	11,13
Интегральный ПБ благополучия (К. Рифф)	348,00	48,93
Баланс аффекта	99,61	21,17
Осмысленность жизни	91,53	15,48
Человек как открытая система	64,53	8,71
Автономность	36,47	8,88
Интегральный показатель ПБ (Шевеленкова, Фесенко)	292,14	21,75

Гипотезы исследования

Гипотеза 1. Существуют достоверные различия между мужским полом и женским полом в ПБ;

Гипотеза 2. Существуют достоверные различия в зависимости от сексуальной идентичности в ПБ.

Методы исследования

Участники исследования. В исследовании участвовали 176 респондентов. Из них: мужчины — 63,63%, женщины — 36,37%. По критерию сексуальной идентичности соотношение респондентов было следующим: 54,55% респондентов с гомосексуальной идентичностью; 25% — с бисексуальной идентичностью и 20,45% — с гетеросексуальной идентичностью.

Методика исследования. Для установления различных аспектов ПБ была использована методика «Психологическое благополучие» К. Рифф в русскоязычной адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко. В своей работе мы использовали шкалы, предложенные автором методики и авторами адаптации (Шевеленкова, Фесенко, 2005).

Статистические методы анализа данных. Полученные данные были проанализированы с помощью MS Excel 2010, а также SPSS-22 для Windows. При статистической обработке был применен непараметрический U-критерий Манна–Уитни для выявления различий между группами.

Результаты исследования

На первом этапе анализа полученных данных нами были проанализированы проявления ПБ для всей выборки (табл. 1). Результаты свидетельствуют о среднем уровне ПБ у наших респондентов. Это можно интерпретировать как ощущение не полной удовлетворенности различными аспектами своей жизни и не полностью раскрытого потенциала. При более детальном анализе шкал ПБ можно обнаружить, что шкала «Личностный рост» имеет высокие показатели среди других шкал. Исходя из этого, можно утверждать, что респонденты постоянно стремятся к само-

Table 1. Average indicators for the entire sample

Scales of psychological well-being	M	SD
Positive relationships	57.01	10.53
Autonomy	59.09	10.29
Environmental mastery	55.15	10.32
Personal growth	63.73	9.22
Purpose in life	59.96	11.59
Self-acceptance	53.06	11.13
Psychological well-being (By Riff)	348.00	48.93
Balance of affect	99.61	21.17
The meaning fulness of life	91.53	15.48
Man as an open system	64.53	8.71
Autonomy	36.47	8.88
Psychological well-being (By Shevelenkova and Fesenko)	292.14	21.75

совершенствованию, к новому опыту, для реализации собственного потенциала, что приносит им чувство удовлетворенности своей деятельностью.

Низкое значение обнаружено по шкале «Самопринятие», то есть, участвовавшие в исследовании респонденты не удовлетворены собой, могут испытывать страх из-за некоторых личностных особенностей, стремятся изменить сами себя для самопринятия.

Далее мы проанализировали шкалы, предложенные Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко. Нами установлено, что шкала «Баланс аффекта» выше, чем остальные. Данная шкала указывает на низкий уровень самооценки, неудовлетворенность собственными достижениями, своим положением в жизни, неспособностью нахождения эмоциональной удовлетворенности своей жизнью. В межличностных отношениях могут быть конфликты, так как сложно строить эти отношения. Также необходимо отметить, что для респондентов характерно недоверие и недооценка собственных сил и способностей в преодолении препятствий и трудностей на жизненном пути, а также в приобретении новых знаний и навыков.

Низкие значения обнаружены по шкале «Автономность». Это указывает, что респонденты способны противостоять социальному давлению, отстаивают собственное мнение и в личностно значимых ситуациях самостоятельно принимают решения, исходя из собственных убеждений и ценностей.

Результаты сравнения психологического благополучия у мужчин и женщин

На следующем этапе мы провели сравнительный анализ между женским и мужским полами. Исходя из результата статистического анализа, мы можем утверждать, что существуют достоверное различие по шкале «Позитивные отношения с окружающими» (табл. 2). Показатели данной шкалы выше у женщин,

Таблица 2. Сравнительный анализ между мужским полом и женским полом

Шкалы ПБ	Мужчины		Женщины		p
	M	SD	M	SD	
Позитивные отношения с окружающими	55,90	9,74	58,94	11,61	0,027
Автономность	58,84	10,59	59,53	9,81	0,696
Управление средой	55,71	10,42	54,19	10,16	0,286
Личностный рост	63,21	9,65	64,64	8,39	0,455
Цели в жизни	60,31	11,63	59,34	11,59	0,635
Самопринятие	52,70	10,62	53,69	12,04	0,497
Интегральный показатель ПБ (К. Рифф)	346,67	49,66	350,33	47,92	0,593
Баланс аффекта	99,91	20,85	99,08	21,88	0,758
Осмысленность жизни	92,19	15,58	90,38	15,36	0,475
Человек как открытая система	63,81	9,20	65,80	7,68	0,131
Автономность	36,62	9,06	36,20	8,63	0,928
Интегральный показатель ПБ (Шевеленкова, Фесенко)	292,53	22,75	291,45	20,03	0,604

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены значимые различия

чем у мужчин. Другими словами, женщины поддерживают доверительные взаимоотношения с окружающими; склонны проявлять заботу о благополучии других, умеют проявлять эмпатию и сопереживание, а также склонны идти на уступки в межличностных отношениях чаще, чем мужчины.

Результаты сравнения психологического благополучия гомо-, би- и гетеросексуалов

Далее нами были рассмотрены различия между гомо-, би- и гетеросексуалами. Нами установлено, что существует достоверное различие по шкале «Баланс аффекта» среди гомо- и бисексуалами (табл. 3). Исходя из полученного результата, можно утверждать, что гомосексуалы имеют позитивную самооценку, осознают и принимают собственные достоинства и недостатки, уверены в собственных силах, а также удовлетворены собственной жизнью; гомосексуалы имеют чувство компетентности в управлении повседневными делами; в большей степени готовы поддерживать позитивные отношения с социальным окружением, чем бисексуалы.

Далее мы провели сравнительный анализ между би- и гетеросексуалами (табл. 4). Результат статистического анализа нам позволяет сделать вывод о том, что бисексуалы имеют ограниченное количество позитивных и доверительных отношений с социальным окружением, так как им сложно открыться, проявить заботу и теплоту к своим близким; в межличностных взаимоотношениях чаще, чем гетеросексуалы, отстаивают свою позицию вопреки разрушению позитивного и конструктивного построения отношений, что может привести к фрустрации и изолированности от социального окружения.

На последнем этапе статистического анализа мы провели сравнительный анализ между гомо- и гетеросексуалами (табл. 5). Полученные результаты нам позволяют сделать вывод о том, что достоверные

Table 2. Comparative analysis between male and female respondents

Scales of psychological well-being	Men's		Women's		p
	M	SD	M	SD	
Positive relationships	55.90	9.74	58.94	11.61	0.027
Autonomy	58.84	10.59	59.53	9.81	0.696
Environmental mastery	55.71	10.42	54.19	10.16	0.286
Personal growth	63.21	9.65	64.64	8.39	0.455
Purpose in life	60.31	11.63	59.34	11.59	0.635
Self-acceptance	52.70	10.62	53.69	12.04	0.497
Psychological well-being (By Riff)	346.67	49.66	350.33	47.92	0.593
Balance of affect	99.91	20.85	99.08	21.88	0.758
The meaningfulness of life	92.19	15.58	90.38	15.36	0.475
Man as an open system	63.81	9.20	65.80	7.68	0.131
Autonomy	36.62	9.06	36.20	8.63	0.928
Psychological well-being (By Shevelenkova and Fesenko)	292.53	22.75	291.45	20.03	0.604

Note. Significant differences are highlighted in bold

Таблица 3. Сравнительный анализ между гомо- и бисексуалами

Шкалы ПБ	Гомосексуалы		Бисексуалы		P
	M	SD	M	SD	
Позитивные отношения с окружающими	57,23	10,71	54,16	9,88	0,098
Автономность	59,93	9,76	58,91	12,00	0,535
Управление средой	56,26	10,69	54,07	10,46	0,182
Личностный рост	64,80	9,33	61,61	9,64	0,056
Цели в жизни	61,07	11,80	56,91	12,74	0,066
Самопринятие	53,59	11,39	51,80	12,16	0,453
Интегральный показатель ПБ (К. Рифф)	352,89	51,05	337,45	50,91	0,078
Баланс аффекта	97,66	21,74	105,16	21,20	0,047
Осмысленность жизни	92,08	15,06	89,80	17,91	0,561
Человек как открытая система	65,15	8,01	62,82	10,94	0,367
Автономность	35,79	8,20	36,45	10,59	0,556
Интегральный показатель ПБ (Шевеленкова, Фесенко)	290,68	19,59	294,23	27,01	0,255

Примечание. Полужирным шрифтом выделены значимые различия

Таблица 4. Сравнительный анализ между гетеро- и бисексуалами

Шкалы ПБ	Бисексуалы		Гетеросексуалы		P
	M	SD	M	SD	
Позитивные отношения с окружающими	54,16	9,88	59,89	10,20	0,031
Автономность	58,91	12,00	57,08	9,38	0,625
Управление средой	54,07	10,46	53,53	8,99	0,783
Личностный рост	61,61	9,64	63,47	8,08	0,350
Цели в жизни	56,91	12,74	60,72	8,88	0,123
Самопринятие	51,80	12,16	53,17	9,12	0,742
Интегральный показатель ПБ (К. Рифф)	337,45	50,91	347,86	38,83	0,296
Баланс аффекта	105,16	21,20	98,03	18,82	0,132
Осмысленность жизни	89,80	17,91	92,17	13,54	0,595
Человек как открытая система	62,82	10,94	65,00	7,27	0,667
Автономность	36,45	10,59	38,28	8,34	0,539
Интегральный показатель ПБ (Шевеленкова, Фесенко)	294,23	27,01	293,47	20,34	0,828

Примечание. Полужирным шрифтом выделены значимые различия

Таблица 5. Сравнительный анализ между гомо- и гетеросексуалами

Шкалы ПБ	Гомосексуалы		Гетеросексуалы		P
	M	SD	M	SD	
Позитивные отношения с окружающими	57,23	10,71	59,89	10,20	0,321
Автономность	59,93	9,76	57,08	9,38	0,128
Управление средой	56,26	10,69	53,53	8,99	0,104
Личностный рост	64,80	9,33	63,47	8,08	0,183
Цели в жизни	61,07	11,80	60,72	8,88	0,681
Самопринятие	53,59	11,39	53,17	9,12	0,664
Интегральный показатель ПБ (К. Рифф)	352,89	51,05	347,86	38,83	0,393
Баланс аффекта	97,66	21,74	98,03	18,82	0,717
Осмысленность жизни	92,08	15,06	92,17	13,54	0,878
Человек как открытая система	65,15	8,01	65,00	7,27	0,749
Автономность	35,79	8,20	38,28	8,34	0,114
Интегральный показатель ПБ (Шевеленкова, Фесенко)	290,68	19,59	293,47	20,34	0,303

Table 3. Comparative analysis between homosexual and bisexual respondents

Scales of psychological well-being	Homosexuals		Bisexuals		P
	M	SD	M	SD	
Positive relationships	57.23	10.71	54.16	9.88	0.098
Autonomy	59.93	9.76	58.91	12.00	0.535
Environmental mastery	56.26	10.69	54.07	10.46	0.182
Personal growth	64.80	9.33	61.61	9.64	0.056
Purposeinlife	61.07	11.80	56.91	12.74	0.066
Self-acceptance	53.59	11.39	51.80	12.16	0.453
Psychological well-being (By Riff)	352.89	51.05	337.45	50.91	0.078
Balance of affect	97.66	21.74	105.16	21.20	0.047
The meaning fulness of life	92.08	15.06	89.80	17.91	0.561
Man as an open system	65.15	8.01	62.82	10.94	0.367
Autonomy	35.79	8.20	36.45	10.59	0.556
Psychological well-being (By Shevelenkova and Fesenko)	290.68	19.59	294.23	27.01	0.255

Note. Significant differences are highlighted in bold

Table 4. Comparative analysis between heterosexuals and bisexuals

Scales of psychological well-being	Bisexuals		Heterosexuals		P
	M	SD	M	SD	
Positive relationships	54.16	9.88	59.89	10.20	0.031
Autonomy	58.91	12.00	57.08	9.38	0.625
Environmental mastery	54.07	10.46	53.53	8.99	0.783
Personal growth	61.61	9.64	63.47	8.08	0.350
Purposeinlife	56.91	12.74	60.72	8.88	0.123
Self-acceptance	51.80	12.16	53.17	9.12	0.742
Psychological well-being (By Riff)	337.45	50.91	347.86	38.83	0.296
Balance of affect	105.16	21.20	98.03	18.82	0.132
The meaning fulness of life	89.80	17.91	92.17	13.54	0.595
Man as an open system	62.82	10.94	65.00	7.27	0.667
Autonomy	36.45	10.59	38.28	8.34	0.539
Psychological well-being (By Shevelenkova and Fesenko)	294.23	27.01	293.47	20.34	0.828

Note. Significant differences are highlighted in bold

Table 5. Comparative analysis between homosexuals and heterosexuals

Scales of psychological well-being	Homosexuals		Heterosexuals		P
	M	SD	M	SD	
Positive relationships	57.23	10.71	59.89	10.20	0.321
Autonomy	59.93	9.76	57.08	9.38	0.128
Environmental mastery	56.26	10.69	53.53	8.99	0.104
Personal growth	64.80	9.33	63.47	8.08	0.183
Purpose in life	61.07	11.80	60.72	8.88	0.681
Self-acceptance	53.59	11.39	53.17	9.12	0.664
Psychological well-being (By Riff)	352.89	51.05	347.86	38.83	0.393
Balance of affect	97.66	21.74	98.03	18.82	0.717
The meaning fulness of life	92.08	15.06	92.17	13.54	0.878
Man as an open system	65.15	8.01	65.00	7.27	0.749
Autonomy	35.79	8.20	38.28	8.34	0.114
Psychological well-being (By Shevelenkova and Fesenko)	290.68	19.59	293.47	20.34	0.303

различия между этими группами не обнаружены. Психологическое благополучие у гомо- и гетеросексуалов находится на среднем уровне. То есть, можно предположить, что в процессе достижения ПБ наши респонденты не заиклены на своей сексуальной ориентации, они открыто проявляют себя, вписываются в социальные нормы в своем поведении.

Обсуждение

В современном мире ПБ является одной из актуальных тем. Это, прежде всего, связано с тем, что в постоянно меняющемся мире необходима быстрая адаптация к изменениям и требованиям, так как от этого зависит успех в той или иной сфере (Белинская, Савинкина, 2018).

Социальная категоризация людей на мужчин и женщин является одним из определяющих условий для проявления того или иного социального поведения. Мужчины, в проявлении эмоций должны быть более «холодными», проявлять твердость и т.п. Поведенческие несоответствия социальным ожиданиям ведут к стигматизации, в частности у мужчин: возникают сложности в построении доверительных отношений на основе взаимного уважения, что впоследствии ведёт к снижению ПБ. По отношению к женскому полу тоже предъявляются требования, а не соответствие социальным нормам приводит к социальным санкциям.

Начиная с работ М. Фуко, актуализируются исследования в области сексологии. Данные исследования обнаруживают, что имеются вопросы социально-психологического характера, например, каким образом человек определяет себя в ту или иную сексуальную категорию, возникают ли трудности в проявлениях психоэмоциональной сферы в связи с выбором той или иной сексуальной ориентации.

Так, по нашему мнению, особую роль в жизнедеятельности у людей с негетеронормативной идентичностью играет ПБ. Люди с негетеронормативной идентичностью часто становятся стигматизированными со стороны общества, что может привести к отчуждению. С одной стороны, отчужденность может стать причиной невозможности реализации собственного потенциала, желаний и достижения поставленных целей. Последствиями могут стать чувство заброшенности и чуждость, отсутствие доверия к миру, снижение продуктивности в различных видах деятельности. С другой стороны, отчужденность может проявиться в отсутствии доверия к себе, что может привести к эмоциональной опустошенности, пустоте и бесцельности собственной жизни (Кулагина и др., 2018). В таком случае человек выполняет лишь определенную роль, прикрепленную обществом, не достигая удовольствия. Пытаясь соответствовать социальной роли — муж/жена — люди с гомо- и бисексуальной ориентацией могут создать семью, однако в семейной жизни они могут не достигнуть удовлетворения при выполнении семейных ролей, что снижает уровень самопринятия и ведёт

к преобладанию негативных эмоций и т.п. Другими словами, все выше перечисленное может привести к снижению ПБ.

Однако человек может стать субъектом своей деятельности, саморазвития и своей жизни (Кулагина и др., 2018). Так, в рамках нашей работы можно предположить, что человек, подвергающийся со стороны общества стереотипам (например, «женщина не может быть мужественной», или «гомосексуал не может работать в технической сфере») может менять тактику и стратегию поведения и взаимодействия в таком обществе.

Для полноты ПБ необходимо указать такой концепт как «смысл жизни». Мы можем сделать вывод о том, что люди, с высоким уровнем ПБ находят смысл жизни — в их жизни присутствует полнота и цель, удовлетворенность происходящими событиями. Смысл жизни достигается в том случае, если цели человека направлены не только на себя, но и обращены к миру. Отсутствие смысла жизни ведёт к негативным последствиям: экзистенциальной фрустрации (трудности и невозможности нахождения смысла жизни, что приводит к апатии и скуке), а также к экзистенциальному вакууму (отсутствие значимых целей в жизни, что ведёт к ноогенному неврозу и аутоагрессивному поведению) (Кулагина и др., 2018). Для нашей работы, исходя из социальной категоризации по полу и сексуальной идентичности, смысл жизни формируется на основе социальных установок и стереотипов по отношению к женскому и мужскому полу и может скрываться за желанием получить одобрение со стороны близких людей и общества. В то же время можно предположить, что для гомо- и бисексуалов путь нахождения смысла жизни более сложный. Это может быть связано с несоответствием социальным требованиям, что усложняет выбор смысла жизни и пути достижения, возможности свободно самовыражаться, хотя ограниченный способ выражения смысла жизни может привести к «открытию» новых путей и способов создания самого себя и полноценного раскрытия своего потенциала с помощью ограниченных ресурсов (например, отношение общества к негетеронормативным людям). Интересным кажется, по мнению авторов статьи, кейс с людьми бисексуальной идентичности. С одной стороны, они соответствуют социальным ожиданиям общества, а с другой стороны, не соответствуют. В то же время со стороны людей с гетеро- и гомосексуальной идентичностью отношение к людям с бисексуальной идентичностью неоднозначное, особенно если они настроены на долговременные отношения. Данная ситуация требует более «изоциренного» варианта построения взаимоотношения с обществом.

Полученные в ходе нашего исследования результаты показывают, что люди с гетеро- и гомосексуальной идентичностью более благополучны, чем люди с бисексуальной идентичностью (табл. 3 и 4). Исходя из данных результатов, мы можем утверждать, что достижение ПБ для лиц с бисексуальной ориентацией несколько сложнее, чем для лиц с гетеро- и гомосексуальной идентичностью. Это можно объяснить

маргинализацией бисексуалов как со стороны гомосексуалов, так и гетеросексуалов. Другими словами, бисексуалы рассматриваются как «неправильные» и «не вписывающиеся в нормы» и гетеросексуальными, и гомосексуальными людьми. Таким образом, можно утверждать, что бисексуалам сложнее построить позитивные взаимоотношения с социальным окружением.

С другой стороны, полученные результаты можно объяснить тем, что бисексуалам несколько сложнее даётся достижение удовлетворенности своими жизненными обстоятельствами, а также для них характерно возникновение чувства ненужности, которое негативно влияет на построение позитивных взаимоотношений как со своим полом, так и с противоположным. Это может привести к интернализированной бифобии у бисексуалов, что ведёт к снижению ПБ.

Таким образом, можно сделать следующие заключения: в личностных свойствах не наблюдаются различия как между мужчинами и женщинами, так и между би-, гетеро и гомосексуалами (табл. 2–5). Данный результат можно интерпретировать с точки зрения нацеленности всех перечисленных подгрупп респондентов на достижение эвдемонистического благополучия независимо от социального окружения. Все перечисленные подгруппы респондентов показывают сформированную жизненную позицию, автономность от социального окружения; отличия между группами наблюдаются в аспекте социально-психологических свойств, связанных с построением межличностных взаимоотношений. Данные отличия отчетливо проявляют себя как между мужчинами и женщинами, так и между гомо-, би- и гетеросексуалами. Женщины поддерживают позитивные взаимоотношения с социальным окружением, то есть в межличностных коммуникациях и взаимодействиях придерживаются в большей степени кооперативного поведения, нацелены на положительные и конструктивные отношения, готовы оказывать помощь своим близким. Данный факт можно объяснить тем, что подобное поведение поощряется обществом и культурой, будучи припи-

сываемым женской ролевой модели поведения, которой женщины обучаются в процессе социализации. В то же время с точки зрения социальных требований для мужчин считается характерной конкурентная стратегия взаимодействия в межличностных отношениях. Объясняя различия между би-, гетеро- и гомосексуалами можно предположить, что бисексуалам сложнее строить позитивные и доверительные взаимоотношения с гетеросексуальными и гомосексуальными сообществами. Это можно объяснить тем, что бисексуальные люди имеют достаточно высокий уровень страха раскрытия перед другими, так как могут встретить агрессию и осуждение со стороны партнеров, то есть дискриминация или стигматизация может ожидаться как со стороны гетеросексуалов, так и гомосексуалов. С другой стороны, у данной подгруппы, может присутствовать достаточно высокий уровень бифобии или полное непринятие себя, которые мешают выстраивать позитивные и конструктивные межличностные взаимоотношения.

Выводы

Существуют различия между полами в уровне ПБ. Женщины склонны заботиться об окружающих и поддерживать положительные взаимоотношения. В целом, полученный результат отражает социокультурное представление о роли женщины в обществе и в семье.

Бисексуалы более подвержены трудностям в построении межличностных отношений чем гетеро- и гомосексуалы, при этом у них несколько занижен уровень самооценки, чем у гомосексуалов.

Между гетеросексуалами и гомосексуалами не обнаружено достоверных различий, то есть эти социальные группы способны одинаково полноценно реализовывать свой потенциал в социальном окружении. Это указывает на их возможность открыто говорить о себе, соблюдать социальные нормы и правила, предписанные обществом.

Литература:

- Алексеев Б.Е. Полоролевое поведение и его акцентуации. СПб.: Речь, 2006.
- Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. № 8 (1). С. 6–15.
- Белинская Е.П., Савинкина А.О. Социально-психологические проблемы здоровья. В сборнике Человек Работающий. Междисциплинарный подход в психологии здоровья / Под ред. К.А. Бочавера, А.Б. Данилова. М.: Издательство «Перо», ИММ-Пресс, 2018.
- Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2008.
- Воронцов Д.В. Клинико-психологические аспекты гендера и сексуальности / В книге Клиническая психология / Под ред. Е.Г. Шевыревой. Ростов н/Д: Феникс, 2016. С. 93–131.
- Дубовик Ю.Б. Исследование психологического благополучия в пожилом и старческом возрасте Психологические исследования. 2011. № 1 (15). [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n1-15/433-dubovik15.html#e3> (дата обращения: 01.06.2020).
- Ерзин А.И., Семенова Т.С. В борьбе со стигмой. Психологическое благополучие гомосексуальных подростков. М.: Библио-Глобус, 2016.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 111–122.
- Иташева О.Н., Лизунова Г.Ю. Гендерные различия психологического благополучия старшеклассников. В сборнике Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум», 2016. [Электронный

- ресурс] // URL: https://scienceforum.ru/2016/article/2016018842/ (дата обращения: 08.02.2020)
- Кон И.С. Психология ранней юности: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989.
- Корниенко Д.С., Козлов А.И. Половые различия в характеристиках психологического благополучия у студентов. В сборнике Актуальные проблемы современной науки в 21 веке. Сборник материалов 6-й Международной научно-практической конференции. Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация», 2014.
- Кулагина И.Ю., Апасова Е.В., Метелина А.А. Феномен взрослости: развитие личности и жизненный путь. М.: Академический проект, 2018.
- Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
- Литвинова Е.М., Максимова Н.Л., Ефимова О.Н., Васильева Л.Г. Гендерные особенности связи психологического благополучия и социально-психологические особенности личности студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55. С. 203–213.
- Мальшева Н.Г., Шаехов З.Д. Об исследованиях психологического благополучия гомо- и бисексуалов в современной психологии: обзор литературы // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 2. С. 145–163.
- Мелков С.В. Особенности самосознания мужчин со стигматизированной сексуальной идентичностью. М.: МГППУ 2017.
- Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н., Запуниди А.А. Личностная автономия как фактор развития ответственности подростков // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 84–90.
- Мондимер Ф.М. Гомосексуальность: Естественная история. Екатеринбург «У-Фактория», 2002.
- Нерушай А.И. Психологическое благополучие людей пожилого возраста // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 1. С. 128–141.
- Осипова Е.В. Кросскультурные и гендерные различия показателей психологического благополучия на примере российских и канадских студентов В сборнике Проблема индивидуальности в современной психологии: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции 12 октября 2012 г. / Отв. ред. Н. Виничук. Владивосток: Морской государственный университет, 2012.
- Тихомандрицкая О.А., Мальшева Н.Г., Шаехов З.Д., Кабальнов Н.А. Роль личностных ценностей в психологическом благополучии современных старшеклассников. Психологические исследования. 2018. Т. 12, № 63. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n63/1675-tikhomandritskaya63.html> (дата обращения: 07.08.2020).
- Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психология здоровья: история и современное состояние. В сборнике Руководство по психологии здоровья / Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. М.: Издательство Московского университета, 2019.
- Шаехов З.Д., Мальшева Н.Г. Влияние веры в конкурентный мир и интернализованной гомофобии на психологическое благополучие у гомосексуальных мужчин // Вестник Московского Университета. Серия 14: Психология. 2021. № 1. С. 265–288.
- Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
- Biss, W.J., Horne, S.G. (2005). Sexual satisfaction as more than a gendered concept: The roles of psychological well-being and sexual orientation. *Journal of Constructivist Psychology*, 18 (1), 25–38.
- Cole, J.S., Korkmaz, A. (2013). First-year students' psychological well-being and need for cognition: Are they important predictors of academic engagement? *Journal of College Student Development*, 54 (6), 557–569
- Espinosa, A., Schmitz, M., Rottenbacher, J.M. (2016). Ideological bases of national identity and their influence on subjective, psychological and social well-being in Peru. *Límite. Revista Interdisciplinaria de Filosofía y Psicología*, 11 (35), 18–32.
- Freire, C., Ferradás, M.D.M., Valle, A., Núñez, J.C., & Vallejo, G. (2016). Profiles of psychological well-being and coping strategies among university students. *Frontiers in psychology*, 7, 1554.
- Frost, D.M., LeBlanc, A.J. (2014). Nonevent stress contributes to mental health disparities based on sexual orientation: Evidence from a personal projects analysis. *American Journal of Orthopsychiatry*, 84 (5), 557–566.
- Nguyen, T.M.H., Dang, H.N. (2017). Buddhist non-attachment philosophy and psychological well-being in Vietnamese Buddhists. *European Proceeding of Social and Behavioral Sciences*, XX, 119–134,
- Kertzner, R.M., Meyer, I.H., Frost, D.M., Stirratt, M.J. (2009). Social and psychological well-being in lesbians, gay men, and bisexuals: The effects of race, gender, age, and sexual identity American. *Journal of Orthopsychiatry*, 79 (4), 500–510.
- Li, R.H., Kao, C.M., Wu, Y.Y. (2015). Gender differences in psychological well-being: tests of factorial invariance. *Quality of Life Research*, 24 (11), 2577–2581.
- Meanley, S., Pingel, E.S., Bauermeister, J.A. (2016). Psychological well-being among religious and spiritual-identified young gay and bisexual men. *Sexuality Research and Social Policy*, 13 (1), 35–45.
- Molero, F., Silván-Ferrero, P., Fuster-Ruiz de Apodaca, M.J. et al. (2017). Subtle and blatant perceived discrimination and well-being in lesbians and gay men in Spain: The role of social support. *Psicothema*, 29 (4), 475–481.
- Nelson, C.Y., Winnie, W.S., Louis, K.L. (2016). Cheung sexual identity and its disclosure as moderators between norms of heterosexual self-presentation and well-being. *Psychology of Men and Masculinity*, 17 (2), 165–176.
- Rieger, G., Savin-Williams, R.C. (2012). Gender nonconformity, sexual orientation, and psychological well-being. *Archives of Sexual Behavior*, 41 (3), 611–621.
- Riggle, E.D.B., Rostosky, S.S., Danner, F. (2009). LGB identity and eudaimonic well-being in midlife. *Journal of Homosexuality*, 56 (6), 786–798.
- Ryff, C.D. (1996). Psychological Well-Being. *Encyclopedia of Gerontology*, 2, 365–369.
- Seaborn, K., Pennefather, P., & Fels, D.I. (2020). Eudaimonia and hedonia in the design and evaluation of a cooperative game for psychosocial well-being. *Human-Computer Interaction*, 35 (4), 289–337.

Ulu, M. (2018). On the Relationship Between Psychological Well-Being and Value Orientations of Students of Theology Faculty. *Journal of sakarya university faculty of theology*, 20 (37), 183–215.

References:

- Alekseev, B.E. (2006). Sex-role behavior and its accentuations. Saint Petersburg: Rech. (in Russ.).
- Belinskaya, E.P. (2018). Modern identity studies: From structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika (Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education)*, 8 (1), 6–15. (in Russ.).
- Belinskaya, E.P., Savinkina, A.O. (2018). Socio-psychological health problems. In K.A. Bochaver, A.B. Danilov (Eds.), *Man Working. Interdisciplinary Approach in Health Psychology* (pp. 7–37). Moscow: Publishing house “Pero”, IMM-Press. (in Russ.).
- Biss, W.J., Horne, S.G. (2005). Sexual satisfaction as more than a gendered concept: The roles of psychological well-being and sexual orientation. *Journal of Constructivist Psychology*, 18 (1), 25–38.
- Bovina, I.B. (2008). Social psychology of health and illness. Moscow: Aspect Press. (in Russ.).
- Cole, J.S., Korkmaz, A. (2013). First-year students’ psychological well-being and need for cognition: Are they important predictors of academic engagement? *Journal of College Student Development*, 54 (6), 557–569.
- Dubovik, Yu.B. (2011). Study of psychological well-being in elderly people (in groups aged 55–75 and 75–90) [Electronic resource]. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological research)*, 1 (15). // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n1-15/433-dubovik15.html#e3> (date of retrieval: 01.06.2020). (in Russ.).
- Erzin, A.I., Semenova, T.S. (2016). Fighting stigma. Psychological well-being of homosexual adolescents. Moscow: Biblio-Globus. (in Russ.).
- Espinosa, A., Schmitz, M., Rottenbacher, J.M. (2016). Ideological bases of national identity and their influence on subjective, psychological and social well-being in Peru. *Límite. Revista Interdisciplinaria de Filosofía y Psicología*, 11 (35), 18–32.
- Freire, C., Ferradás, M.D.M., Valle, A., Núñez, J.C., & Vallejo, G. (2016). Profiles of psychological well-being and coping strategies among university students. *Frontiers in psychology*, 7, 1554.
- Frost, D.M., LeBlanc, A.J. (2014). Nonevent stress contributes to mental health disparities based on sexual orientation: Evidence from a personal projects analysis. *American Journal of Orthopsychiatry*, 84 (5), 557–566.
- Itasheva, O.N., Lizunova, G.Yu. (2016). Gender differences in the psychological well-being of high school students. Materials of the VIII Interdisciplinary Student Scientific Conference “Studencheskiy nauchnyy forum” (“Student Scientific Forum”). (Retrieved from URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016018842>) (date of access: 08.02.2020). (in Russ.).
- Kertzner, R.M., Meyer, I.H., Frost, D.M., Stirratt, M.J. (2009). Social and psychological well-being in lesbians, gay men, and bisexuals: The effects of race, gender, age, and sexual identity. *American Journal of Orthopsychiatry*, 79 (4), 500–510.
- Kon, I.S. (1989) *Psychology of early adolescence: a book for the teacher*. Moscow: Prosveshcheniye. (in Russ.).
- Kornienko, D.S., Kozlov, A.I. (2014). Sex differences in the characteristics of psychological well-being among students. Actual problems of modern science in the 21st century. Collection of materials of the 6th international scientific and practical conference. Makhachkala: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu “Aprobatsiya”. (in Russ.).
- Kulagina, I.Yu., Apasova, E.V., Metelina, A.A. (2018). The phenomenon of adulthood: personality development and life path. Moscow: Akademicheskii proyekt. (in Russ.).
- Leontiev, D.A. (2020). Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field. Monitoring obshchestvennogo mneniya: *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes)*, 1, 14–37. (in Russ.).
- Li, R.H., Kao, C.M., Wu, Y.Y. (2015). Gender differences in psychological well-being: tests of factorial invariance. *Quality of Life Research*, 24 (11), 2577–2581.
- Litvinova, E.M., Maksimova, N.L., Efimova, O.N., Vasilyeva, L.G. (2017). Gender features of psychological well-being and socio — psychological characteristics of individual students. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya (Problems of modern teacher education)*, 55, 203–213. (in Russ.).
- Malysheva, N.G., Shaekhov, Z.D. (2019). On the study of the psychological well-being of homo- and bisexuals in modern psychology: a literature review. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 145–163. (in Russ.).
- Meanley, S., Pingel, E.S., Bauermeister, J.A. (2016). Psychological well-being among religious and spiritual-identified young gay and bisexual men. *Sexuality Research and Social Policy*, 13 (1), 35–45.
- Melkov, S.V. (2017). Features of self-awareness of men with stigmatized sexual identity. Moscow MGPPU. (in Russ.).
- Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebysheva, N.N., Zapunidi, A.A. (2017). Personal autonomy as factor of developing responsibility in adolescence. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 1, 84–90. (in Russ.).
- Molero, F., Silván-Ferrero, P., Fuster-Ruiz de Apodaca, M.J. et al. (2017). Subtle and blatant perceived discrimination and well-being in lesbians and gay men in Spain: The role of social support. *Psicothema*, 29 (4), 475–481.
- Mondimore, F.M. (2002) *Homosexuality: A Natural History*. Yekaterinburg “U-Faktoriya”. (in Russ.).
- Nelson, C.Y., Winnie, W.S., Louis, K.L. (2016). Cheung sexual identity and its disclosure as moderators between norms of heterosexual self-presentation and well-being. *Psychology of Men and Masculinity*, 17 (2), 165–176.
- Nerushai, A.I. (2021). Psychological well-being of elderly people. *Vestnik RGGU. Seriya “Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye” (Bulletin RSUH/RGGU. Series “Psychology. Pedagogics. Education”)*, 1, 128–141. (in Russ.).
- Nguyen, T.M.H., Dang, H.N. (2017). Buddhist non-attachment philosophy and psychological well-being in Vietnamese Buddhists. *European Proceeding of Social and Behavioral Sciences*, XX, 119–134.

- Osipova, E.V. (2012). Cross-cultural and gender differences in indicators of psychological well-being on the example of Russian and Canadian students. In N. Vinichuk (Eds.), *The problem of individuality in modern psychology: Materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference October 12, 2012* (pp. 121–128). Vladivostok: Maritime State University. (in Russ.).
- Rieger, G., Savin-Williams, R.C. (2012). Gender nonconformity, sexual orientation, and psychological well-being. *Archives of Sexual Behavior*, 41 (3), 611–621.
- Riggle, E.D.B., Rostosky, S.S., Danner, F. (2009). LGB identity and eudaimonic well-being in midlife. *Journal of Homosexuality*, 56 (6), 786–798.
- Ryff, C.D. (1996). Psychological Well-Being. *Encyclopedia of Gerontology*, 2, 365–369.
- Seaborn, K., Pennefather, P., & Fels, D.I. (2020). Eudaimonia and hedonia in the design and evaluation of a cooperative game for psychosocial well-being. *Human-Computer Interaction*, 35 (4), 289–337.
- Shaekhov, Z.D., Malysheva, N.G. (2021). Impact of belief in a competitive world and internalized homophobia on psychological well-being. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 1, 265–288. (in Russ.).
- Shevelenkova, T.D., Fesenko, T.P. (2005). Psychological well-being of the individual (a review of concepts and research methods). *Psikhologicheskaya diagnostika (Psychological diagnostics)*, 3, 95–129. (in Russ.).
- Tikhomandritskaya, O.A., Malysheva, N.G., Shaekhov, Z.D., Kabalnov, N.A. (2018). The role of personal values in the psychological well-being of modern high school students. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological research)*, 12 (63). [Electronic resource] // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n63/1675-tikhomandritskaya63.html> (date of access: 07.08.2020). (in Russ.).
- Tkhostov, A.Sh., Rasskazova, E.I. (2019). Health psychology: history and current state. In A.Sh. Tkhostova, E.I. Rasskazova (Eds.), *Guide to Health Psychology* (pp. 13–55). Moscow: Moscow University Press. (in Russ.).
- Ulu, M. (2018). On the Relationship Between Psychological Well-Being and Value Orientations of Students of Theology Faculty. *Journal of sakarya university faculty of theology*, 20 (37), 183–215.
- Vorontsov, D.V. Clinical and psychological aspects of gender and sexuality. E.G. Shevyreva (Eds.), *Clinical psychology* (pp. 93–131). Rostov on Don: Fenik, 2016. (in Russ.).
- Zdravomyslova, E.A., Temkina, A.A. (1998). Social construction of gender. *Sotsiologicheskii zhurnal (Sociological journal)*, 3–4, 111–122. (in Russ.).

Оригинальная статья

УДК 159.923.3, 316.454.2, 316.642.3
doi: 10.11621/npj.2021.0304

Спортивная идентичность как предиктор самоэффективности у людей с разным уровнем вовлеченности в физическую активность

А.В. Кушнирук, Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9014-5059

Для контактов: akushniruk@hse.ru

Актуальность тематики статьи. Успешность и достижение максимальных результатов являются одними из наиболее важных феноменов в современном обществе. Самоэффективность напрямую влияет на эти показатели, что является наиболее актуальным в контексте максимальных достижений, в профессиональном спорте. Ранее учеными была доказана положительная связь между регулярной физической активностью и самоэффективностью, однако, вопрос о месте спортивной идентичности в связи между физической активностью и самоэффективностью все еще является открытым.

Цель работы. Исследование взаимосвязи уровня вовлеченности в физическую активность, спортивной идентичности и самоэффективности.

Описание хода исследования. В исследовании приняли участие 200 респондентов с разным уровнем вовлеченности в физическую активность и спорт. Для исследования были использованы «Шкала измерения спортивной идентичности» Б.В. Брюэра и «Шкала общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Иерусалема.

Результаты исследования. Посредством статистической обработки данных было выявлено, что существует положительная корреляция между уровнем физической активности, спортивной идентичностью и самоэффективностью.

Выводы. Спортивная идентичность является предиктором самоэффективности у людей, вовлеченных в спорт и физическую активность и чем выше уровень спортивной идентичности, тем выше самоэффективность людей. Среди людей, не вовлеченных в спорт, связи не установлено.

Ключевые слова: спортивная идентичность, самоэффективность, любительский спорт, профессиональный спорт

Для цитирования: Кушнирук А.В. Спортивная идентичность как предиктор самоэффективности у людей с разным уровнем вовлеченности в физическую активность // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 43–49. doi: 10.11621/npj.2021.0304

Поступила 1 июня 2021 / Принята к публикации 19 августа 2021

Athletic identity as a predictor of self-efficacy among people with different level of involvement into physical activity

Anastasiya V. Kushniruk, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9014-5059

Corresponding author: akushniruk@hse.ru

Background. Success and obtaining the highest results are one of the most important phenomena in modern society. Self-effectiveness directly influences the indicators that are the most topical in the context of maximal achievement, namely in professional sport. Scientists have earlier found positive correlation between physical activity and self-efficacy. However, the question on the place of athletic identity in connection between physical activity and self-efficacy remains unsolved.

Objective. The study of correlation between physical activity, athletic identity and self-efficacy.

Design. 200 participants with different levels of involvement into physical activity and sport took part in our study. In our study B.W. Brewer’s “Athletic identity measurement scale” and R. Schwarzer and M. Jerusalem’s “General self-efficacy scale” were used.

Results. We statistically proved that there is positive correlation between physical activity level, athletic identity and self-efficacy.

Conclusion. Athletic identity is a predictor of self-efficacy among people who are involved in sport and physical activity and the higher is the level of athletic identity the higher is self-efficacy. Correlation of these phenomena among people who are uninvolved into physical activity is not found.

Key words: athletic identity, self-efficacy, amateur sport, professional sport

For citation: **Kushniruk, A.V.** (2021). Athletic identity as a predictor of self-efficacy among people with different level of involvement into physical activity, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 3 (43), 43–49. doi: 10.11621/npj.2021.0304

Received June 1, 2020/ Accepted for publication: August 19, 2021

Введение

В спортивной психологии последних десятилетий вновь становится актуальным вопрос здорового образа жизни. Советская традиция популяризации здорового образа жизни, физической активности и увеличения производительности труда нашла наилучшее воплощение в современных тенденциях исследований, направленных на изучение того, как вовлеченность в физическую активность влияет на такие показатели, как: психологическое благополучие, жизнестойкость, тревожность и, наконец, самооффективность (Фоминых, 2016; Стамбулова, 1999).

Самооффективность, согласно А. Бандуре, это оптимистическое представление об успешности, как личностной, так и деятельностной (Булышко, 2009). Самооффективность связана с высокими показателями успешности в академической, профессиональной и спортивной деятельности (Корниенко, Фоминых, Сорокина, 2016; Zahra, Maesoumeh, 2014). Помимо этого, самооффективность связана с показателями благополучия, оба данных показателя являются актуальными для успешного функционирования человека в условиях современной жизни (Graupensperger, Benson, Kilmer et al., 2020).

Многие исследования, ставшие фундаментальными, подтверждают взаимосвязь между физической активностью и самооффективностью (Максимова, Алексеенков, 2019). Однако, перед исследователями все еще стоит ряд вопросов. Например, такие: что является предиктором в данной связи — самооффективность или физическая активность; если физическая активность является залогом высокого уровня самооффективности, то значит ли это, что все не вовлеченные в физическую активность люди имеют низкие показатели самооффективности; возможно ли, что связь между физической активностью и самооффективностью опосредована другим фактором.

Многие ученые, в попытке ответить на последний вопрос выдвигают множество гипотез. Например, в некоторых исследованиях в качестве предикторов выступают мотивация к физической активности, различные личностные черты, самооценка (Park, Hsu et al., 2018). В спортивной психологии последних десяти

лет появились исследования нового феномена — спортивной идентичности (athletic identity) (Brewer, Cornelius et al., 2010).

Спортивная идентичность — это разновидность профессиональной социальной идентичности, то есть мера отнесения себя к социальной группе «спортсмены», а также эмоциональное отношение к членству в этой группе (Brewer, Van Raalte et al., 1993; Li, Andersen, 2008). Она, как и любая социальная идентичность имеет трехкомпонентную структуру, включающую когнитивный, аффективный и социальный компоненты (Proios, 2012). Термин спортивная идентичность впервые ввел Б.В. Брюэр (Wayment, Huffman et al., 2019). На данный момент ученые выяснили, что спортивная идентичность положительно коррелирует с уровнем и стабильностью вовлеченности человека в физическую активность (Bimper, 2014), а также с силой мотивации к продолжению спортивной карьеры, академической и спортивной результативностью (Visek, Hurst et al., 2008) и с показателями благополучия и тревожности спортсмена (Phoenix, Faulkner et al., 2005; Дубова, 2020).

Однако, как и у любого феномена, у спортивной идентичности есть и обратная сторона медали. Сильно выраженная спортивная идентичность увеличивает риски девиантного поведения, такого как: замалчивание своего негативного физиологического состояния (Wayment, Huffman et al., 2019); прием допинга и другие (Morente-Sánchez, Zabala, 2013; Hon de, Kuipers et al., 2015). Помимо этого, существует положительная корреляция между спортивной идентичностью и рисками потери смысла и депрессии при преждевременном завершении карьеры (Greenaway, Cruwys et al., 2016; Martin, Eklund & Mushett, 1997).

Исходя из вышесказанного, мы выдвигаем гипотезу, что спортивная идентичность имеет положительную корреляцию с самооффективностью среди людей со средним и высоким уровнем вовлеченности в физическую активность. Кроме того, спортивная идентичность не взаимосвязана с самооффективностью людей, не вовлеченных в физическую активность. При подтверждении данных гипотез мы сможем говорить о том, что спортивная идентичность является предиктором самооффективности у людей, вовлечен-

Анастасия Владимировна Кушнирук — аспирантка факультета социальных наук, департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0001-9014-5059

<https://www.hse.ru/org/persons/208508251>

Anastasiya V. Kushniruk — Postgraduate Student, Faculty of Social Sciences, Department of Psychology, National Research University “Higher School of Economics”

ORCID: 0000-0001-9014-5059

ных в физическую активность. Таким образом, мы видим своей целью проведение эмпирического исследования для выявления данной взаимосвязи.

Методы исследования

Наше исследование было проведено при помощи опросника в онлайн-формате. Для сбора данных мы использовали метод «снежный ком».

В исследовании приняли участие 200 респондентов обоих полов в возрасте от 17 до 63 лет. Средний возраст респондентов — 27 лет, стандартное отклонение равно 9,34. Все респонденты были поделены на три подгруппы, исходя из уровня их вовлеченности в физическую активность:

1. Не вовлеченные в физическую активность в целом или на регулярной основе (70 респондентов).
2. Вовлеченные в физическую активность на регулярной основе и спортсмены-любители (65 респондентов).
3. Профессиональные спортсмены (65 респондентов).

Под физической активностью в нашем исследовании мы понимаем любые виды физической и спортивной активности, которые не входят в каталог профессиональных видов спорта, как, например, фитнес, йога и другие. Под спортсменами-любителями мы понимаем тех респондентов, которые занимаются видами спорта, включенными в каталог профессиональных видов спорта, однако, не имеющих разрядов и не принимающих участие в соревнованиях как минимум в течение последних 7 лет. Под профессиональными спортсменами в нашей выборке мы понимаем тех, кто имеют разряды не ниже 3 взрослого и регулярно принимают участие в соревнованиях различного уровня.

Инструментарий

В опросник были включены такие методики, как: «Шкала измерения спортивной идентичности (AIMS)» за авторством Дж. Брюэра, переведенная и адаптированная нами для русскоговорящей выборки. Данная методика содержит 10 вопросов с использованием 7-балльной шкалы Ликерта (Brewer, Cornelius et al., 2010; Sabrita, Túlia et al., 2014). Опросник демонстрирует высокую внутреннюю и внешнюю валидность во многих странах (Nasco, Webb, 2012; Visek, Hurst et al., 2008). «Шкала общей самооффективности» Р. Шварцера и М. Иерусалема в переводе и адаптации В.Г. Ромека с использованием 4-балльной шкалы Ликерта (Schwarzer, Jerusalem, 1995; Осин, Лентьев, 2020).

Также, помимо методик в опросник были включены демографические показатели, такие как возраст, пол и уровень образования, а также вопросы о виде физической активности, частоте занятий спортом, разряде и частоте участия в соревнованиях для профессиональных спортсменов.

Результаты исследования

В процессе статистической обработки данных мы получили следующие результаты:

1. На полной выборке без выделения подгрупп спортивная идентичность коррелирует с уровнем вовлеченности в физическую активность ($r=0,348$, $p=0,001$). Помимо этого, спортивная идентичность положительно взаимосвязана с уровнем самооффективности ($r=0,190$, $p=0,007$). Данные результаты указывают на то, что спортивная идентичность связана как с уровнем физической активности, так и с самооффективностью.

2. Также мы проделали анализ значимых различий по выраженности спортивной идентичности в группах с разным уровнем вовлеченности в физическую активность и спорт (см. таблицу). Данные таблицы показывают, что существуют значимые различия t-критерия у всех трех подвыборок. Средние показатели по выраженности спортивной идентичности также демонстрируют нам, что наименьшее количество баллов было набрано людьми, не занимающимися физической активностью, чуть большее — спортсменами-любителями и максимальное количество баллов — профессиональными спортсменами. Результаты данного анализа дают нам возможность поделить выборку на подгруппы и провести корреляционный анализ спортивной идентичности и самооффективности по каждой из групп.

Таблица. Показатели значимых различий по «Шкале измерения Спортивной идентичности» в группах с разным уровнем вовлеченности в физическую активность и спорт.

Подвыборки						Существенные различия		
P1		P2		P3		t-критерий		
Не занимают-ся спор-том или ФА на регуляр-ной основе		Регулярно занимают-ся ФА, спортсмены-любители		Профессио-нальные спортсмены				
Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	P1-P2	P1-P3	P2-P3
25,35	10,22	29,4	8,2	45,00	12,96	-2,54**	-9,72***	-8,18***

Условные обозначения: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Table. Significant differences in level of "Athletic Identity Measurement Scale" in groups with different levels of physical activity and sport involvement

Subsamples						Significant Differences		
P1		P2		P3		t-criterion		
Do not participate physical activity or sport systematically		Participate PA regularly/ amateur sportsmen		Professional sportsmen				
Mean	SD	Mean	SD	Mean	SD	P1-P2	P1-P3	P2-P3
25.35	10.22	29.4	8.2	45.00	12.96	-2.54**	-9.72***	-8.18***

Note: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

3. Корреляционный анализ связи между спортивной идентичностью и самооффективностью в подгруппах с разным уровнем вовлеченности в физическую активность продемонстрировал следующие результаты: в подгруппе людей, не вовлеченных в физическую активность, корреляция отсутствует и не является значимой. Среди людей, вовлеченных в регулярные физические нагрузки и любительский спорт корреляция равна 0,147, $p = 0,037$; а для профессиональных спортсменов корреляция равна 0,357, $p = 0,004$.

4. Анализ значимых различий в показателях самооффективности не выявил статистически значимых различий в трех подгруппах, подтверждая гипотезу о том, что спортивная идентичность является предиктором увеличения самооффективности исключительно при среднем и высоком уровне вовлеченности в физическую активность.

Таким образом, мы подтвердили нашу основную гипотезу о существовании корреляции между спортивной идентичностью и самооффективностью среди людей, вовлеченных в физическую активность и спорт.

Выводы

Самооффективность в мире профессионального спорта является одним из важных показателей для сохранения высокого уровня мотивации и стабильности самооценки своих возможностей (Anderson, Måsse et al., 2009). Помимо этого, самооффективность положительно связана с уровнями общей тревожности, показателями академической, профессиональной и спортивной результативности (Lamont-Mills, Christensen, 2006).

В данной статье мы привели результаты эмпирического анализа, направленного на изучение взаимосвязи спортивной идентичности с показателями самооффективности у людей с разным уровнем вовлеченности в физическую активность. Результаты продемонстрировали устойчивую, значимую корреляцию между спортивной идентичностью и самооффективностью. Таким образом, корреляция между спортивной идентичностью и самооффективностью была выявлена у тех, кто вовлечен в физическую ак-

тивность и профессиональный спорт. У подгруппы профессиональных спортсменов показатели корреляции выше, чем у подгруппы людей, вовлеченных в физическую активность и любительский спорт. Однако показатели корреляции, хотя и являются статистически значимыми, не являются высокими. Мы предполагаем, что это может быть связано как с малочисленной выборкой, так и с тем, что данная связь не является сильной. Исходя из вышеизложенного, мы видим необходимость повторного исследования на более репрезентативной выборке с целью подтверждения или отвержения данной гипотезы.

Поскольку у людей, не вовлеченных в физическую активность, корреляция между спортивной идентичностью и самооффективностью отсутствует, мы можем сделать вывод, что предиктором самооффективности для людей, вовлеченных в физическую активность на любительском и профессиональном уровне, является спортивная идентичность, в то время как для людей, не имеющих никакого отношения к физической активности — предиктором является какой-либо иной феномен, который еще предстоит исследовать.

Полученные результаты мы склонны трактовать с точки зрения того, что спортивная идентичность, являясь профессиональной идентичностью, оказывает воздействие на показатели прямо или косвенно относящиеся к характеристикам деятельности человека (например, вовлеченность, эфффективность, самооэффективность и др.). Исходя из вышеизложенного показатели спортивной идентичности выше при высоком уровне вовлеченности человека в физическую активность и спорт, что в свою очередь усиливает показатели самооффективности.

В качестве практических рекомендаций для всех людей, вовлеченных в любительский и профессиональный спорт и желающих поднять свой уровень самооффективности, предлагаем обратить внимание на показатели своей спортивной идентичности. Также результаты нашего исследования могут быть полезны практикующим спортивным психологам.

Ограничением нашего исследования мы видим относительную малочисленность выборки. В качестве рекомендации предполагаем необходимость повторения аналогичного исследования с целью повышения валидности результатов.

Литература:

- Булышко Н.А., Коломейцев Ю.А. К проблеме самооффективности личности в психологии // *Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна*. 2009. № 3 (24). С. 37–46.
- Дубова Т.Г. Спортивная идентичность как смысловая реальность // *Психологические проблемы смысла жизни и акме*. 2020. № XXV.
- Корниенко Д.С., Фоминых А.Я., Сорокина Е.А. Взаимосвязь самооффективности и спортивной мотивации в разных видах спорта пилотажное исследование // *Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки*. 2016. № 1. С. 69–84.
- Максимова Е.Н. Физическая активность и психическое состояние человека / Под ред. Е.Н. Максимова, А.Е. Алексеевков // *Наука*. 2020. 2019. № 4 (29). С. 73–76.
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Стамбулова Н.Б. Психология спортивной карьеры. СПб.: Изд. Центр карьеры, 1999.

- Anderson, A., Mâsse, L., Zhang, H., Coleman, K., Chang, S. (2009). Contribution of Athletic Identity to Child and Adolescent Physical Activity. *American Journal of Preventive Medicine*, 37 (3), 220–226. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2009.05.017>
- Brewer, B.W., Cornelius, A.E., Stephan, Y., et al. (2010). Self-protective changes in athletic identity following anterior cruciate ligament reconstruction. *Psychology of Sport and Exercise*, 11 (1), 1–5. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2009.09.005>
- Brewer, B.W., Cornelius, A.E., Stephan, Y., Raalte, J.V. (2010). Self-protective changes in athletic identity following anterior cruciate ligament reconstruction. *Psychology of Sport and Exercise*, 11 (1), 1–5. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2009.09.005>
- Brewer, B.W., Van Raalte, J.L., Linder, D.E. (1993). Athletic identity: Hercules' muscles or achilles heel? *International Journal of Sport Psychology*, 24, 237–254.
- Bimper, A. (2014). Game Changers: The Role Athletic Identity and Racial Identity Play on Academic Performance. *Journal of College Student Development*, 55, 795–807. doi: 10.1353/csd.2014.0078
- Cabrira, T.M., Rosado, A.B., Leite, T.O. et al. (2014). Adaptation of the Athletic Identity Measurement Scale (AIMS-Plus) for the Portuguese Population. *Psicologia Reflexão e Crítica*, 27, 29–37. doi: 10.1590/S0102-79722014000100004
- de Hon, O., Kuipers, H., & van Bottenburg, M. (2015). Prevalence of doping use in elite sports: a review of numbers and methods. *Sports medicine (Auckland, N.Z.)*, 45 (1), 57–69. <https://doi.org/10.1007/s40279-014-0247-x>
- Graupensperger, S., Benson, A., Kilmer, J., Evans, M. (2020). Social (Un)distancing: Teammate Interactions, Athletic Identity, and Mental Health of Student-Athletes During the COVID-19 Pandemic. *Journal of Adolescent Health*, 67 (5), 662–670. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2020.08.001>
- Greenaway, K.H., Cruwys, T., Haslam, S.A. et al. (2016). Social identities promote well-being because they satisfy global psychological needs. *European Journal of Social Psychology*, 46, 294–307. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2169>
- Lamont-Mills, A., Christensen, S. (2006). Athletic identity and its relationship to sport participation levels. *Journal of Science and Medicine in Sport*, 9 (6), 472–478. <https://doi.org/10.1016/j.jsams.2006.04.004>
- Li, H.Y., Andersen, M.B. (2008). Athletic identity in China: Examining the AIMS in a Hong Kong sample. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, 6 (2), 176–188. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2008.9671860>
- Martin, J.J., Eklund, R.C., & Mushett, C.A. (1997). Factor structure of the athletic identity measurement scale with athletes with disabilities. *Adapted Physical Activity Quarterly*, 14 (1), 74–82. <https://doi.org/10.1123/apaq.14.1.74>
- Morente-Sánchez, J., Zabala, M. (2013). Doping in Sport: A Review of Elite Athletes' Attitudes, Beliefs, and Knowledge. *Sports Medicine*. 43, 395–411. <https://doi.org/10.1007/s40279-013-0037-x>
- Nasco, S.A., Webb, W.M. (2006). Toward an Expanded Measure of Athletic Identity: The Inclusion of Public and Private Dimensions. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 28 (4), 434–453. <https://doi.org/10.1123/jsep.28.4.434>
- Park, A., Hsu, C., Randall, E., Simons, L. (2018). Perfection, performance, and pain: Athletic identity and perfectionism as risk factors for pain-related distress in adolescents with chronic pain. *The Journal of Pain*, 19 (3), 58. <https://doi.org/10.1016/j.jpain.2017.12.148>
- Phoenix, C., Faulkner, G., Sparkes, A. (2005). Athletic identity and self-ageing: the dilemma of exclusivity. *Psychology of Sport and Exercise*, 6 (3), 335–347. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2003.11.004>
- Proios, M. (2012). Factor validity of the Athletic Identity Measurement Scale in a Greek sample. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, 10 (4), 305–313. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2012.705518>
- Ronkainen, N.J., Kavoura, A., Ryba, T.V. (2016). A meta-study of athletic identity research in sport psychology: Current status and future directions. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 9 (1), 45–64. [10.1080/1750984X.2015.1096414](https://doi.org/10.1080/1750984X.2015.1096414)
- Sanders, G., Stevinson, C. (2017). Associations between retirement reasons, chronic pain, athletic identity, and depressive symptoms among former professional footballers. *European Journal of Sport Sciences*, 17, 1311–1318. doi: 10.1080/17461391.2017.1371795
- Schwarzer, R., & Jerusalem, M. (1995). Generalized Self-Efficacy scale. In J. Weinman, S. Wright, & M. Johnston (Eds.), *Measures in health psychology: A user's portfolio. Causal and control beliefs* (pp. 35–37). Windsor, UK: NFER-NELSON.
- Visek, A.J., Hurst, J.R., Maxwell, J.P., Watson, II J. (2008). A Cross-Cultural Psychometric Evaluation of the Athletic Identity Measurement Scale. *Journal of Applied Sport Psychology*, 20 (4), 473–480. <https://doi.org/10.1080/10413200802415048>
- Wayment, H., Huffman, A., Lane, T., Lininger, M. (2019). Relationship of athletic and academic identity to concussion reporting intentions. *Musculoskeletal Science and Practice*, 42, 186–192. <https://doi.org/10.1016/j.msksp.2019.04.003>
- Zahra, N.A., Maesoumeh, S., Afkham, D. (2014). The relationship between athletic identity and sports performance among national rowers during different seasons of competition. *Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports*, 18 (10), 62–66. doi: 10.5281/zenodo.10492

References:

- Anderson, A., Mâsse, L., Zhang, H., Coleman, K., Chang, S. (2009). Contribution of Athletic Identity to Child and Adolescent Physical Activity. *American Journal of Preventive Medicine*, 37 (3), 220–226. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2009.05.017>
- Brewer, B.W., Cornelius, A.E., Stephan, Y., et al. (2010). Self-protective changes in athletic identity following anterior cruciate ligament reconstruction. *Psychology of Sport and Exercise*, 11 (1), 1–5. doi: 10.1016/j.psychsport.2009.09.005
- Brewer, B.W., Cornelius, A.E., Stephan, Y., Raalte, J.V. (2010). Self-protective changes in athletic identity following anterior cruciate ligament reconstruction. *Psychology of Sport and Exercise*, 11 (1), 1–5. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2009.09.005>
- Brewer, B.W., Van Raalte, J.L., Linder, D.E. (1993). Athletic identity: Hercules' muscles or achilles heel? *International Journal of Sport Psychology*, 24, 237–254.
- Bimper, A. (2014). Game Changers: The Role Athletic Identity and Racial Identity Play on Academic Performance. *Journal of College Student Development*, 55, 795–807. <https://doi.org/10.1353/csd.2014.0078>
- Bulyanko N.A., Kolomejcev Ju.A. (2009). On the problem of personal self-efficacy in psychology. *Vesnik Mazyrskaga dzjarzhajnaga pedagogichnaga žniversteteta imja I.P. Shamjakina (Bulletin of Mazirsky state pedagogy university named after I.P. Shamyakin)*, 3 (24), 38–44. (in Russ.)

- Cabrita, T.M., Rosado, A.B., Leite, T.O. et al. (2014). Adaptation of the Athletic Identity Measurement Scale (AIMS-Plus) for the Portuguese Population. *Psicologia Reflexão e Crítica*, 27, 29–37. <https://doi.org/10.1590/S0102-79722014000100004>
- de Hon, O., Kuipers, H., & van Bottenburg, M. (2015). Prevalence of doping use in elite sports: a review of numbers and methods. *Sports medicine (Auckland, N.Z.)*, 45 (1), 57–69. <https://doi.org/10.1007/s40279-014-0247-x>
- Dubova T.G. (2020). Athletic identity as meaningful realm. Materialy XXV Mezhdunarodnogo simpoziuma “Psihologicheskie problemy smysla zhizni i acme” (g. Moskva, 15–16 aprelja 2020 g.) (Proceedings of XXV International symposium “Psychological problems of life meaning and acme”) Moskva: Psihologicheskij institut RAO. 91–94 (in Russ.)
- Graupensperger, S., Benson, A., Kilmer, J., Evans, M. (2020). Social (Un)distancing: Teammate Interactions, Athletic Identity, and Mental Health of Student-Athletes During the COVID-19 Pandemic. *Journal of Adolescent Health*, 67 (5), 662–670. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2020.08.001>
- Greenaway, K.H., Cruwys, T., Haslam, S.A. et al. (2016). Social identities promote well-being because they satisfy global psychological needs. *European Journal of Social Psychology*, 46, 294–307. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2169>
- Kornienko D.S., Fominyh A.Y., Sorokina E.A. (2016). Relationship between self-efficacy and sport motivation in different kinds of sports pilot study. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Serija № 1. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki (Bulletin of Perm state humanity-pedagogy university. Series #1. Psychological and pedagogical sciences)*, 1, 69–84. (in Russ.)
- Lamont-Mills, A., Christensen, S. (2006). Athletic identity and its relationship to sport participation levels. *Journal of Science and Medicine in Sport*, 9 (6), 472–478. <https://doi.org/10.1016/j.jsams.2006.04.004>
- Li, H.Y., Andersen, M.B. (2008). Athletic identity in China: Examining the AIMS in a Hong Kong sample. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, 6 (2), 176–188. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2008.9671860>
- Maksimova E.N., Alekseenkov A.E. (2019). Physical activity and psychological state of a person. *Nauka-2020 (Science-2020)*, 4 (29), 73–76. (in Russ.)
- Martin, J.J., Eklund, R.C., & Mushett, C.A. (1997). Factor structure of the athletic identity measurement scale with athletes with disabilities. *Adapted Physical Activity Quarterly*, 14 (1), 74–82. <https://doi.org/10.1123/apaq.14.1.74>
- Morente-Sánchez, J., Zabala, M. (2013). Doping in Sport: A Review of Elite Athletes’ Attitudes, Beliefs, and Knowledge. *Sports Medicine*. 43, 395–411. <https://doi.org/10.1007/s40279-013-0037-x>
- Nasco, S.A., Webb, W.M. (2006). Toward an Expanded Measure of Athletic Identity: The Inclusion of Public and Private Dimensions. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 28 (4), 434–453. <https://doi.org/10.1123/jsep.28.4.434>
- Osin E.N., Leont’ev D.A. (2020). Brief Russian language scales of subjective well-being diagnostics: psychometrical characteristics and comparative analysis. Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social’nye peremeny (Public opinion monitoring: economic and social changes), 1 (155), 117–142. (in Russ.)
- Park, A., Hsu, C., Randall, E., Simons, L. (2018). Perfection, performance, and pain: Athletic identity and perfectionism as risk factors for pain-related distress in adolescents with chronic pain. *The Journal of Pain*, 19 (3), 58. <https://doi.org/10.1016/j.jpain.2017.12.148>
- Phoenix, C., Faulkner, G., Sparkes, A. (2005). Athletic identity and self-ageing: the dilemma of exclusivity. *Psychology of Sport and Exercise*, 6 (3), 335–347. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2003.11.004>
- Proios, M. (2012). Factor validity of the Athletic Identity Measurement Scale in a Greek sample. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, 10 (4), 305–313. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2012.705518>
- Ronkainen, N.J., Kavoura, A., Ryba, T.V. (2016). A meta-study of athletic identity research in sport psychology: Current status and future directions. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 9 (1), 45–64. <https://doi.org/10.1080/1750984X.2015.1096414>
- Sanders, G., Stevinson, C. (2017). Associations between retirement reasons, chronic pain, athletic identity, and depressive symptoms among former professional footballers. *European Journal of Sport Sciences*, 17, 1311–1318. doi: 10.1080/17461391.2017.1371795
- Schwarzer, R., & Jerusalem, M. (1995). Generalized Self-Efficacy scale. In J. Weinman, S. Wright, & M. Johnston (Eds.), *Measures in health psychology: A user’s portfolio. Causal and control beliefs* (pp. 35–37). Windsor, UK: NFER-NELSON.
- Stambulova N.B. (1999). *Psychology of athlete’s career*. St. Petersburg: Izd. Centr kar’ery. (in Russ.)
- Vissek, A.J., Hurst, J.R., Maxwell, J.P., Watson, II J. (2008). A Cross-Cultural Psychometric Evaluation of the Athletic Identity Measurement Scale. *Journal of Applied Sport Psychology*, 20 (4), 473–480. <https://doi.org/10.1080/10413200802415048>
- Wayment, H., Huffman, A., Lane, T., Lininger, M. (2019). Relationship of athletic and academic identity to concussion reporting intentions. *Musculoskeletal Science and Practice*, 42, 186–192. <https://doi.org/10.1016/j.msksp.2019.04.003>
- Zahra, N.A., Maesoumeh, S., Afkham, D. (2014). The relationship between athletic identity and sports performance among national rowers during different seasons of competition. *Pedagogs, psychology, medical-biological problems of physical training and sports*, 18 (10), 62–66. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10492>

Оригинальная статья

УДК 159.9.072, 616.891.4
doi: 10.11621/npj.2021.0305

Опыт организации психологической помощи в ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России в условиях перепрофилирования

Е.Г. Иванова*, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2370-7020

Ю.В. Микадзе, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8137-9611

М.Н. Гордеев, ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России, ЧОУ ДПО «Институт Милтона Эриксона», Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-5126-4132

Г.Е. Иванова, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России, ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3180-5525

В.В. Барabanщикова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, служба Вооруженных Сил Российской Федерации Главного управления Вооруженных сил Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2152-823X

Ю.П. Зинченко, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9734-1703

*Для контактов: ekozintseva@gmail.com

Актуальность (контекст) тематики статьи. В условиях перепрофилирования учреждений здравоохранения многие медицинские работники чувствуют высокий уровень стресса в связи с чрезмерной рабочей нагрузкой, проблемами адаптации в новых условиях, страхом заражения и дискриминации, а также ощущением неадекватной поддержки. Также на медперсонал возлагается дополнительная нагрузка в связи с повышенной тревожностью за свое здоровье и страхом смерти у пациентов. С другой стороны, наличие в штате учреждения психологов позволяет им выполнять новые трудовые задачи, сохраняя за собой работу по специальности и рабочие места.

Целью исследования является выявление наиболее эффективных новых видов работы медицинских психологов ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России в условиях инфекционного стационара.

Описание хода исследования. Исследование проводилось с апреля по июнь 2020 года и включало информационную, методическую, диагностическую и консультативную формы работы, содержание которых пересматривалось в зависимости от их востребованности и динамики взаимодействия с целевыми группами.

Результаты исследования. Наиболее востребованными и эффективными видами работы оказались психологическое консультирование пациентов в «красной» зоне, работа с родственниками на пункте передач и дистанционный мониторинг состояния медработников, наименее — дежурства на выходе из «красной» зоны и ведение группы пациентов в WhatsApp.

Создание возможностей для экстренного обращения к психологу, наличие нескольких способов связи и периодический мониторинг психологического состояния медицинского персонала существенно снижали уровень дистресса и его последствий.

Выводы. Создание условий для организации психологической помощи в перепрофилированном для работы с новой коронавирусной инфекцией учреждении является важной задачей снижения уровня стресса медицинских работников, преодоления дезадаптивного поведения пациентов и их родственников, а также сохранения кадрового ресурса психологов учреждения.

Ключевые слова: психологическая служба, психологическая помощь, перепрофилирование реабилитационного центра, новая коронавирусная инфекция

Для цитирования: Иванова Е.Г., Микадзе Ю.В., Гордеев М.Н., Иванова Г.Е., Барabanщикова В.В., Зинченко Ю.П. Опыт организации психологической помощи в ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России в условиях перепрофилирования лица // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 50–62. doi: 10.11621/npj.2021.0305

Поступила 13 сентября 2020 / Принята к публикации 24 июля, 2021

Organization of psychological services at the FSBI "FCB&N" FMBA of Russia in the context of re-profiling

Elena G. Ivanova*, Pirogov RNRMU, FSBI "FCB&N" FMBA of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2370-7020

Yuri V. Mikadze, Lomonosov Moscow State University, Pirogov RNRMU, FSBI "FCB&N" FMBA of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8137-9611

Mihail N. Gordeev, FSBI "FCB&N" FMBA of Russia, ChOU DPO "Milton Erickson Institute" Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5126-4132

Galina E. Ivanova, Pirogov RNRMU, FSBI "FCB&N" FMBA of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3180-5525

Valentina V. Barabanshchikova, Lomonosov Moscow State University, Psychological Service of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2152-823X

Yuri P. Zinchenko, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9734-1703

*Corresponding author: ekozintseva@gmail.com

Relevance (context) of the subject of the article. Many firstline healthcare workers feel high levels of stress due to excessive workload, problems of adapting to new conditions, fear of infection and discrimination and feeling of inadequate support while working with coronavirus infection. Also, an additional burden is placed on the medical staff due to increased anxiety for their health and patients who are afraid to die. On the other hand, the presence of psychologists in the staff of the institution allows them to perform new work tasks, adhering their specialty and workplace.

The aim of the study is to identify the most efficient new types of work for a medical psychologists in the FSBI "FCB&N" FMBA of Russia functioning as an infectious diseases hospital.

Description of the research progress. The study was conducted from April to June 2020 and included informational, methodological, diagnostic and advisory forms of work, the content of which was revised depending on its relevance and the dynamics of interaction with target groups.

Research results. The most popular and effective types of work turned out to be psychological counseling for patients in the "red" zone, work with relatives at the transfer point and remote monitoring of the medical staff condition, the latter being on duty at the exit from the "red" zone and leading a group of patients via WhatsApp.

The opportunities for emergency contact with a psychologist, the availability of several methods of communication and regular monitoring of the psychological state of medical staff significantly reduced the level of distress and its consequences.

Conclusions. Creating conditions for organizing psychological assistance in an institution reorientated to work with a new coronavirus infection is an important task to reduce the stress level of medical staff, overcome the nonadaptive behavior of patients and their relatives, as well as preserve resources of the institution's psychologists.

Keywords: psychological service, psychological assistance, reprofiling of rehabilitation center, new coronavirus infection

For citation: Ivanova, E.G., Mikadze, Y.V., Gordeev, M.N., Ivanova, G.E., Barabanshchikova, V.V., Zinchenko, Y.P. (2021). Organization of psychological services at the FSBI "FCB&N" FMBA of Russia in the context of re-profiling. [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 3(43), C. 50–62. doi: 10.11621/npj.2021.0305

Received September 13, 2020 / Accepted for publication July 24, 2021

Введение

Определение форм участия медицинских психологов в работе перепрофилированного инфекционного стационара является важной задачей сохранения кадрового ресурса с возможностью переориентировки сотрудников на выполнение непрофильных видов работ и увеличения удельного веса работ, связанных с преодолением психологических последствий чрезмерной рабочей нагрузки, проблемами адаптации медперсонала в новых условиях, страхом заражения и ощущением неадекватной поддержки. Китайская служба охраны психического здоровья, столкнувшаяся с экстренным расширением работы инфекционных больниц, обращает внимание на три ведущих организационных фактора, влияющих на психическое состояние людей во время пандемии, к которым относятся: 1) своевременное предоставление населению актуальной информации о заболеваемости коронавирусной инфекцией; 2) создание мультидис-

циплинарных бригад из психиатров, клинических психологов и медсестер для оказания непосредственной помощи пациентам в связи с широким спектром клинической и клинико-психологической симптоматики и сотрудникам, испытывающим психические и психологические трудности; 3) организация условий для психологического консультирования сотрудников медицинских организаций и пациентов, а также различных групп населения (Kang et al., 2020; Xiang et al., 2020; Yang et al., 2020).

Для предоставления актуальной информации пациентам и сотрудникам, предотвращения риска инфодемии, необходимо регулярное обращение к официальной статистике заболеваемости коронавирусом. В мае 2020 г. на сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения государства-члены ВОЗ приняли резолюцию WHA73.1 о борьбе с COVID-19 (Seventy Third World Health Assembly and Resolution 73.1 on the COVID-19 response, 2020). Она содержит призыв к государствам-членам распространять достоверную информацию о COVID-19, принимать меры по

Елена Георгиевна Иванова —

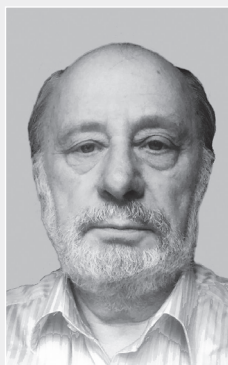
кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова, ведущий психолог НИЦ медицинской реабилитации ФГБУ «Федерального центра мозга и нейротехнологий» ФМБА России

ORCID: 0000-0002-2370-7020

Elena G. Ivanova —

PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Clinical Psychology, Pirogov Russian National Research Medical University, Leading Psychologist of the Research Center for Medical Rehabilitation, Federal Center of Brain and Neurotechnologies of the Federal Medical Biological Agency of the Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2370-7020

Юрий Владимирович Микадзе —

доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры клинической психологии Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова, ведущий научный сотрудник НИЦ медицинской реабилитации ФГБУ «Федерального центра мозга и нейротехнологий» ФМБА России

ORCID: 0000-0001-8137-9611

<http://www.psy.msu.ru/people/mikadze.html>

Yuri V. Mikadze —

Doctor of Psychology, Professor at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Clinical Psychology, Pirogov Russian National Research Medical University, Leading Researcher at Research Center for Medical Rehabilitation of the Federal Center for Brain and Neurotechnology, FMBA of Russia

ORCID: 0000-0003-1948-6090

Михаил Николаевич Гордеев —

доктор медицинских наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЦ медицинской реабилитации ФГБУ «Федерального центра мозга и нейротехнологий» ФМБА России, ректор Института Милтона Эриксона

ORCID: 0000-0002-5126-4132

<https://gordeev.ru/prepodavateli/gordeev-mihail-nikolaevic>

Mihail N. Gordeev —

Doctor of Medical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Research Center for Medical Rehabilitation of the Federal Center of Brain and Neurotechnologies of the Federal Medical Biological Agency of the Russian Federation, President of Milton Erickson Moscow Institute of Psychology and Psychotherapy

ORCID: 0000-0002-5126-4132

противодействию ложным слухам и дезинформации, использовать цифровые технологии в рамках всех ответных мер. Также ВОЗ запустила новую информационную платформу, известную как Информационная сеть ВОЗ по эпидемиям. Правительством РФ был создан специальный ресурс стопкоронавирус.рф, где ежедневно появлялись оперативные данные о заболеваемости. Пациенты клиники также могут получить информацию посредством чатов клиник в мессенджерах, где они имеют возможность отслеживать новостную ленту. Таким образом, обеспечивается трансляция официальной информации на местах.

Для создания мультидисциплинарных бригад, состоящих из психиатров, клинических психологов и медсестер необходимо привлечение штатных специалистов, обученных способам оказания помощи в экстренных ситуациях. На собраниях рабочих групп требуется определить направления работы для снижения нагрузки на медперсонал и оказания психологической помощи медработникам. Сюда относятся создание колл-центра для обращения пациентов, их

родственников и медработников за психологической помощью, регулярное участие представителей психологической службы во врачебных планерках для оценки психологического состояния медперсонала, а также организация регулярной обратной связи от медперсонала посредством анкетирования. Таким образом, осуществляется распределение обязанностей психологов при их включении в междисциплинарные бригады.

Для реализации психологической помощи в форме представления консультаций в условиях инфекционного стационара необходимо учесть ряд требований, выдвигаемых эпидемиологической ситуацией. Первоочередным требованием является обеспечение безопасности консультации, что возможно в связи с введением дистанционного консультирования в режиме видеоконференций и телефонной связи. Вторым условием является оптимизация предоставления помощи посредством выделения целевых групп, включающих как сотрудников и пациентов, так и население в целом. Для повышения эффективности оказания

Галина Евгеньевна Иванова —

доктор медицинских наук, профессор, главный внештатный специалист по медицинской реабилитации Министерства Здравоохранения РФ, заведующая кафедрой медицинской реабилитации факультета дополнительного профессионального образования Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова Минздрава России, руководитель НИЦ медицинской реабилитации «Федерального центра мозга и нейротехнологий» ФМБА России

ORCID: 0000-0003-3180-5525

https://rsmu.ru/website-information/profil-sotrudnika/?no_cache=1&cvview=1574&cv=3435

Galina E. Ivanova —

Doctor of Medical Sciences, Professor, Chief Freelance Specialist in Medical Rehabilitation at the Ministry of Health of the Russian Federation, Head of the Department of Medical Rehabilitation at the Faculty of Continuing Professional Education, Pirogov Russian National Research Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation, Head of the Research Center for Medical Rehabilitation at the Federal Center for Brain and Neurotechnology, FMBA of Russia

ORCID: 0000-0003-3180-5525

Валентина Владимировна Барабанщикова —

доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, заведующая лабораторией психологии труда факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Начальник управления психологической службы главного управления Вооруженных сил РФ

ORCID: 0000-0002-2152-823X

<http://www.psy.msu.ru/people/barabanshikova.html>

Valentina V. Barabanshchikova —

Doctor of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Head of the Laboratory of Occupational Psychology, Faculty of Psychology Lomonosov Moscow State University, Head of Department at Psychological Service of the Armed Forces of the Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2152-823X

Юрий Петрович Зинченко —

доктор психологических наук, академик РАО, главный внештатный специалист по медицинской психологии Минздрава России, президент Российского психологического общества, декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-9734-1703

<https://istina.msu.ru/profile/ZinchenkoYP/>

Yuri P. Zinchenko —

Doctor of Psychology, Academician of the Russian Academy of Education, Chief Freelance Specialist in Medical Psychology of the Ministry of Health of Russia, President of the Russian Psychological Society, Dean of the Faculty of Psychology at Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-9734-1703

помощи разным группам населения необходима их дифференциация в зависимости от риска психологических осложнений. Например, Китайской ассоциацией психиатрии было предложено распределение населения для определения потребности в психологической помощи в условиях пандемии (Chinese Society of Psychiatry, 2020). В первую группу входят пациенты с тяжелым течением заболевания, медицинский персонал «красной» зоны, исследователи государственных ведомств, контролирующие распространение заболеваемости, а также административный персонал клиник. Вторую группу составляют пациенты с легким течением заболевания, а также лица, находившиеся в контакте с заболевшими. К третьей группе относятся родственники, друзья и коллеги заболевших, а также волонтеры. В четвертую группу входит население особо пострадавших от пандемии районов. Согласно опыту организации психологической службы в Шанхае, очная помощь наиболее востребована для 1 и 2 групп населения, а дистанционную помощь предлагается оказывать 3 и 4 группам населения (Zhang, 2020; Zhou, 2020). Для всех групп населения в Китае были изданы научно-популярные книги и брошюры по «психологии устойчивости к эпидемиям» (Chinese Mental Health Association, 2020; Shen and Wang, 2020; Zhao and Liu, 2020).

В Федеральном центре мозга и нейротехнологий Федерального медико-биологического агентства России (далее ФЦМН) в период перепрофилирования учреждения были введены новые виды работы (наряду с перечисленными), такие как дистанционное консультирование, информирование и поддержка пациентов посредством ватсап-группы и телеграм-канала, удовлетворяющие требованиям эпидемиологической безопасности, а также охвачены целевые группы первой, второй и третьей категорий (по китайской классификации).

Международный опыт организации психологической службы в условиях новой коронавирусной инфекции

В литературе рассматривается опыт использования и других направлений работы, а также анализируется успешность их проведения. Так, в статье Шанафелт (Shanafelt) с соавторами (Shanafelt et al., 2020) описан опыт выявления запросов медицинских работников к организации, в которой они работают. В ходе периодических встреч (всего 8) с медсестрами, врачами и ординаторами была собрана обратная связь о причинах беспокойства медицинских работников, мерах помощи, которые они ожидают от руководителей и наиболее востребованных способах поддержки. На основе анализа запросов разработаны рекомендации для руководителей организаций.

В китайском городском округе Сянъян, где находится штаб Психологической службы спасения Китайской медицинской службы спасения и Институт психического здоровья, был оперативно разрабо-

тан план психологической помощи клиникам Китая (Chen et al., 2020; Xiang et al., 2020). Он включал в себя создание бригад психологов, которые проводили онлайн-курсы медработникам для решения их психологических проблем; создание горячей линии психологической помощи для предоставления супервизии при решении психологических проблем, а также организацию групповых встреч для снижения уровня стресса. В дальнейшем план был изменен в связи с отказами медперсонала от индивидуальной и групповой работы. Сотрудники сообщали, что не нуждаются в психологической помощи, но им важно увеличить количество времени, отведенное для отдыха, а также обеспечить достаточным количеством защитных средств. В ходе специального 30-минутного интервью, проведенного для уточнения возможностей психологической помощи, стало известно о желании медработников пройти короткое обучение для развития психологических навыков работы с повышенной тревожностью, паническими реакциями и другими эмоциональными проблемами пациентов. Также персоналом клиники выражено пожелание обеспечить возможность оперативных консультаций пациентов психологами и психиатрами в случае острой необходимости. После проведенных интервью, психологической службой был предпринят ряд мер. Во-первых, организованы места для отдыха, медработникам была предоставлена возможность делать видеозаписи своей повседневной жизни в клинике и делиться ими с родными для снижения их уровня тревоги. Во-вторых, был организован краткий тренинг, предшествующих выходу в «красную» зону. Медработникам рассказывали о возможных психологических проблемах пациентов, способах реагирования на них, а также ситуациях, требующих вызова сотрудников службы безопасности. В-третьих, разработаны подробные правила использования средств индивидуальной защиты, чтобы снизить тревогу медработников. В-четвертых, были введены тренинги релаксации, чтобы помочь персоналу клиники уменьшить стресс. Наконец, психологами было предусмотрено регулярное посещение зон отдыха для бесед с медработниками, уточнения их психологических проблем и последующего оказания консультативной помощи. Важно учесть, что согласно опыту психологов иранских клиник, вероятность посещения групповых психологических занятий изначально можно повысить, если организовывать их в формате Балинтовских групп и проводить дистанционно (Kiani Dehkordi et al., 2020).

Возвращаясь к опыту Китая, следует отметить, что помимо работы, осуществляемой штатными психологами клиник, была предусмотрена возможность оказания психологической помощи через приложение WeChat. Через него распространяли научные материалы, связанные с психическим здоровьем, включая статьи, аудио и видео, диагностические методики (Liu et al., 2020; Wang et al., 2020; Amosun et al., 2021; Luo et al., 2021). В передвижных больницах психологическая помощь осуществлялась преимущественно

психиатрами, с этой целью во всех медицинских кабинетах и палатах были вывешены QR-коды, чтобы специалисты могли быть найдены в любое время, когда они необходимы. А клинические психологи работали с контингентом образовательных учреждений.

Согласно опыту организации психологической помощи в Ухане силами Больницы РенМин Уханьского университета и Центра психического здоровья Уханя было выделено 4 направления психологической работы (Kang et al., 2020; Li et al., 2020; Kang et al., 2021).

Во-первых, психосоциальное направление, которое обеспечивается командой, состоящей из менеджеров и пресс-службы клиники. Оно координирует работу управленческого персонала и отвечает за работу с общественностью. Второе направление представлено группой психологов-экспертов, ответственной за составление и разработку рекомендаций и руководств по психологическому сопровождению врачей и пациентов, а также методов контроля за оказанием психологической помощи. Третье направление обеспечивается группой медицинских работников, состоящей преимущественно из психиатров. Данная группа участвует в клинической работе с медперсоналом и пациентами. Четвертое направление связано с привлечением команды волонтеров, которая участвует в телефонном консультировании и прошла обучение по оказанию психологической помощи при коронавирусной инфекции.

Подготовка к работе в условиях инфекционного стационара

Анализ опыта работы медицинских организаций во время пандемии показывает, что для психологов, работающих в перепрофилированном учреждении, возникает необходимость в выполнении как специфических для них видов деятельности (но в условиях экстремальных обстоятельств), так и неспецифических.

Штат медицинских психологов ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России на момент перепрофилирования учреждения насчитывал 14 сотрудников, из них 2 находились в отпуске. Из оставшихся 12 человек 7 специализировались в области нейропсихологической диагностики и реабилитации, 5 — патопсихологической диагностики и психологическом консультировании. До перепрофилирования медицинские психологи работали в отделениях медицинской реабилитации с пациентами, имеющими нарушения функций центральной нервной системы.

Ниже перечислены виды работ, осуществленных в ФЦМН, в которых учитывался опыт, приобретенный Китайской службой охраны психического здоровья.

Организация предоставления актуальной информации по коронавирусной инфекции, материалов для аутогипноза, нервномышечной релаксации осуществлялась с помощью создания ватсап-группы и телеграм-канала для пациентов.

Поскольку создание мультидисциплинарных бригад психологов, психиатров и медсестер в ФЦМН не предполагалось, сотрудничество психологов с психиатрами реализовывалось при работе с наиболее трудными пациентами.

Психологическое консультирование сотрудников, пациентов и их родственников было организовано на круглосуточной дистанционной основе по телефонной или видеосвязи. Также были предусмотрены очные психологические консультации для сотрудников, пациентов и родственников. Для мониторинга психологического состояния сотрудников были разработаны анкеты, которые периодически предъявлялись медперсоналу.

Более подробно работа по каждому из направлений представлена в статьях сотрудников ФЦМН (Айзенштейн и соавт., 2020; Шурупова и соавт., 2020).

В соответствии с возникающими потребностями, часть сотрудников выполняла работу дистанционно, другая часть оказывала помощь непосредственно в Центре. Работа велась в круглосуточном режиме. Выводы об эффективности определенных видов работ делались на основе ежедневных отчетов медицинских психологов и совещаний с экспертами.

Виды работ медицинского психолога в условиях инфекционного стационара

Информационная работа

До поступления первых пациентов во всех палатах стационарных отделений Центра были развешены памятки с информацией о работе психологической службы. В них содержался перечень контактов (номера городского и мобильного телефона) для круглосуточной связи с психологами, вступления в ватсап-группу пациентов и подписки на Telegram-канал, где размещалась организационная и досуговая информация. Кроме того, был создан адрес корпоративной почты, где пациенты могли оставлять заявки на консультацию психолога.

Аналогичные памятки были развешены в ординаторских «зеленой» и «красных» зон. Сотрудники были информированы о возможности обращения за психологической помощью по телефону и по почте, о состояниях, сигнализирующих о необходимости такой помощи, а также о жалобах пациентов, которые свидетельствуют о необходимости привлечения психолога.

Номер телефона психологической службы также был размещен на сайте Центра.

Информационная работа велась всеми 12 психологами ФЦМН. В результате ее реализации был значительно расширен доступ медицинских работников, пациентов и их родственников психологу. Однако медработники предпочитали обращаться к психологам лично, так как имели опыт взаимодействия с ними ранее, работая в мультидисциплинарных бригадах неврологического и реабилитационного профиля. Что касается пациентов, то только несколько

человек (6 человек при одновременной загруженности более 200 коек) за весь период перепрофилирования вступили в ватсап-группу, предпочитая другие каналы связи с психологом.

Психологическое консультирование

Ниже приведены виды работы психологов в соответствии с учетом особенностей оказания помощи.

Очное психологическое консультирование

Очное консультирование сотрудников осуществлялось всеми медицинскими психологами и реализовывалось с первой недели работы в новых условиях. Позднее были введены консультации родственников (см. «Консультация приглашенных экспертов») и пациентов.

Очные консультации сотрудников проводились после звонка на линию психологической службы. К третьей неделе работы запросы на очную консультацию стали поступать и от заведующих отделениями и старших медсестер, которые обращались по поводу своих сотрудников. Очные консультации медицинских работников не были многочисленными в связи с их высокой загруженностью. Основным поводом для обращения за консультацией были случаи сомнений работников в своих возможностях продолжения работы в текущих условиях. Консультации психологов помогли выявить мотивы возможного увольнения сотрудника и сохранить человеческие ресурсы организации. При необходимости организационные вопросы решались с руководителями структурных подразделений. Общее количество обращений сохранялось на невысоком уровне — от 6 до 10 в день при штате организации, насчитывающем более 600 человек. Данную работу проводили два медицинских психолога. Подробнее о результатах работы с сотрудниками см. статью М. Шуруповой и соавторов (Шурупова и соавт., 2020).

Очное психологическое консультирование пациентов было инициировано руководством клиники и встретило большую поддержку лечащих врачей. Запросы от пациентов поступали по телефону, однако большая часть консультаций проводилась с учетом сведений, полученных от лечащих врачей. Старший психолог в ходе ежедневного утреннего обхода, собирал информацию от лечащих врачей о пациентах, которым нужна психологическая помощь. Затем информация передавалась психологу, который работал в «красной» зоне. Консультирование психолога помогало снизить уровень тревоги пациентов, преодолеть психологическую зависимость от оксигенотерапии и страх смерти. Основными причинами обращения за психологической помощью были высокий уровень тревоги, вызванный опасениями за свое здоровье, страх стигматизации, беспокойство за здоровье своих близких, которые зачастую также находились на стационарном лечении. Кроме того, пациенты жаловались на беспричинные приступы тревоги и необъяснимого страха в сочетании с соматическими симптомами — болью в груди, затрудненным дыханием

и учащенным сердцебиением, а также выражали опасения остаться без кислородной поддержки даже после полного излечения. Наибольший уровень тревоги был свойственен пациентам старше 60 лет, имевшим хронические заболевания, а также принадлежащих к социально уязвимым слоям населения.

В «красной» зоне поочередно работали два медицинских психолога, один — специализирующийся на нейропсихологии и нейрореабилитации и второй — на патопсихологии и психологическом консультировании. Ежедневное количество запросов от врачей составляло в среднем 7 случаев. Пациенты были разделены между психологами таким образом, что постинсультные пациенты с коронавирусной инфекцией попадали к нейропсихологу, а пациенты с эмоционально-личностными нарушениями — к патопсихологу. Данный вид работы позволил существенно снизить дополнительную нагрузку на врачей, которые вынуждены были оказывать психологическую поддержку пациентам в связи с имевшимися ограничениями по допуску психотерапевтов и клинических психологов в «красную» зону. Кроме того, это позволило повысить своевременность выписки пациентов, так как многие пациенты настаивали на продолжении лечения вследствие психологической зависимости от оксигенотерапии. Таким образом, работа с пациентами в «красной» зоне показала свою эффективность в связи со снижением непрофильной нагрузки на лечащих врачей, своевременностью выписок пациентов, так и в связи с ежедневно возрастающим количеством заявок (от 4 до 10).

Дистанционное психологическое консультирование

Данный вид работы предусматривал круглосуточное телефонное консультирование сотрудников, пациентов и родственников пациентов в случае обращения с соответствующим запросом на телефон психологической службы. Так как формат работы психологов корректировался и видоизменялся на всем протяжении работы перепрофилированного учреждения, вначале звонок поступал дежурному на городской номер, затем дежурный направлял вызов психологу-консультанту, который находился на удаленной работе. В дальнейшем была настроена переадресация звонков с городского на мобильный номер психолога, чтобы миновать посредника при приеме звонков.

Психологи, принимающие телефонные вызовы, были заранее проинструктированы, также до начала работы им были разосланы методические материалы о специфике дистанционной психологической помощи.

В работе принимало участие 3 психолога, специализирующихся на патопсихологии и психологическом консультировании. Данный вид работы пользовался спросом в дневное время и чаще всего звонки поступали от родственников пациентов, которые просили уточнить у врачей состояние пациента или не могли связаться со своим родным по мобильному телефону. В связи с круглосуточным форматом работы в вечер-

нее и ночное время, когда колл-центр ФЦМН уже не работал, к психологам обращались также и по организационным вопросам. Психологических по своему содержанию запросов было меньше половины из числа всех обращений, что свидетельствует о нецелевом использовании данного канала связи. Также анализ отчетов психологов, работающих на круглосуточной телефонной линии, показал, что для приема звонков не было острой необходимости в работе в ночное время (звонков практически не поступало).

Мониторинг психологического состояния персонала ФЦМН

Психологическое состояние сотрудников оценивалось с помощью опросника ГТР (General Anxiety Disorder, GAD-7), который показал свою эффективность как скрининговый инструмент в клинической практике при диагностике тревожного расстройства, в том числе при наличии коронавирусной инфекции (Spitzer et al., 2006; Kroenke et al., 2007; Barzilay et al., 2020). Использовалась седьмая версия опросника генерализованного тревожного расстройства (Вельтищев, 2018). Вторым диагностическим инструментом был опросник эмоционального выгорания К. Маслач (Maslach Burnout Inventory, MBI). В ФЦМН использовался вариант методики К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой (Водопьянова и Старченкова, 2017). В европейских исследованиях он продемонстрировал высокую чувствительность при оценке психологического состояния медицинских работников в зависимости от наличия прямых контактов с пациентами, больных COVID-19, и уверенности в надежности используемых средств индивидуальной защиты (Di Monte et al., 2020; Sahin et al., 2020; Jalili et al., 2021). Также в ФЦМН использовался краткий опросник, разработанный с учетом имеющихся проблем в коллективе. Похожие опросники, направленные на выявление неоднозначных управленческих решений администрации клиник и мотивации медицинского персонала, были распространены в Китайских клиниках, в частности в провинции Хунань (Cai et al., 2020). Анкеты раздавались рано утром психологом дежурным в ночную смену, а также разносились по кабинетам сотрудников. Опрос проводился анонимно, однако при желании сотрудники могли оставить контактные данные для получения обратной связи. В случае выявления высоких показателей тревожности, а также высоких показателей индекса «психического выгорания» по трём шкалам («психоэмоциональное истощение», «деперсонализация», «редукция личных достижений») опросника К. Маслач, сотруднику направлялось письмо, в котором помимо описания результатов содержалось предложение консультации психолога. Подробные данные о результатах диагностической работы опубликованы в статьях сотрудников Центра (Шурупова и соавт., 2020).

Помимо использования психодиагностических тестов, в первые две недели работы психологи дежурили четыре раза в сутки на входе и выходе из «красной»

зоны, где в процессе наблюдения и ненавязчивой беседы, делали вывод о необходимости психологической помощи сотруднику.

Психологическое состояние сотрудников также оценивалось в процессе телефонного общения. Всем сотрудникам ФЦМН один раз в неделю поступал звонок от психолога, находящегося на дистанционной работе. В процессе телефонного общения психолог интересовался самочувствием сотрудника, напоминал про существование круглосуточной психологической службы, предлагал помощь в случае необходимости. Сотрудникам, у которых была обнаружена вирусная РНК по результатам ПЦР, психологи звонили дополнительно после получения лабораторией результатов анализов.

Использование специальных опросников в условиях дефицита времени у медработников оказалось не эффективным — возвращалось около 7–10% от всех розданных анкет. Также часть анкет не была обработана по причине некорректного заполнения.

Дежурства на выходе из шлюза также оказались малоэффективными, так как сотрудники не были настроены на общение и часто отказывались от беседы, но обращались за медицинской помощью (просили измерить давление, дать воды, гипотензивные препараты). Начиная со второго месяца работы на выходе из шлюза было организовано дежурство медицинской сестры.

Телефонный мониторинг оказался наиболее востребованным и полезным для медперсонала. Будучи слишком загружены выполнением своих рабочих обязательств и работая в непривычном для себя графике, медицинские работники не всегда имели возможность прояснить возникающие вопросы. Это приводило к неполному пониманию своих обязанностей и нового алгоритма компенсации трудовых затрат, росту недовольства и желанию решить сразу все свои вопросы радикально, устроившись в другую организацию. В процессе беседы с психологом медработники озвучивали проблемы, что позволяло лучше их рефлексировать и наметить пути решения. К наиболее частым причинам обращений за помощью психолога были: тревога по поводу адекватности принятых мер обеспечения безопасности сотрудников, неудовлетворенность организацией работы, астения в связи с большим числом непрофильных задач, их постоянное обновление, напряженные отношения в коллективе и дефицит информации о социальных гарантиях и выплатах.

В случае, если причины недовольства сотрудников носили системный характер, главному врачу подавалась докладная записка старшим психологом, где были перечислены основные трудности в работе персонала клиники и предложены варианты решения. Кроме того, о системных проблемах в коллективе старший психолог сообщал на ежедневных заседаниях оперативного штаба Центра. Следует отметить, что не все сотрудники общались с психологами корректно, ссылаясь на высокую занятость. Тем не менее, около 15% медицинских работников обращали вни-

мание на то, что телефонный мониторинг велся не с первых недель работы, а охват сотрудников спустя 3 недели работы составлял 74%. Данную работу выполняло 7 медицинских психологов, все из которых были нейропсихологами.

Методическая работа

Были подготовлены методические рекомендации для психологов ФЦМН, а также для врачей и медсестер «красной» зоны. Методические рекомендации, адресованные психологам, включали в себя основные алгоритмы дистанционного консультирования при разных психологических состояниях клиента (тревога, страх, плач, истерика и другие). Рекомендации, подготовленные для медицинского персонала, были мотивированы запросами с его стороны. Кроме того, на начальных этапах работы в Центр поступали пациенты, которые плохо понимали русский язык, что создавало дополнительные трудности коммуникации. Психологами был разработан алгоритм поведения медработника в случае проявления агрессии, нетерпения со стороны пациента, манипулятивного поведения и угроз.

Потребность в другом виде методической помощи была выявлена психологами спустя месяц работы в ходе проведенного анкетирования. Опрос выявил необходимость дополнительного информирования медицинского персонала о правилах начисления стимулирующих выплат и выплат по больничному. Совместно с представителями экономического отдела и отдела кадров психологами были подготовлены листовки, где в виде инфографики излагались действия в случае заболевания и алгоритм начисления стимулирующих выплат.

Методическая помощь пациентами была реализована в рамках телеграм-канала Центра, где психологами размещалась информация о различных видах досуга, возможного в изоляции, приводились техники релаксации и аутогипноза в ситуации нарастания тревоги.

Консультация приглашенных экспертов

Спустя 2 недели от начала работы в условиях переуплотнения по предложению руководителя высшего звена (Федерального медико-биологического агентства) была организована консультация приглашенных экспертов — главного внештатного специалиста по медицинской психологии Минздрава России, президента Российского психологического общества, декана факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, академика РАО, доктора психологических наук Ю.П. Зинченко и заведующей лабораторией психологии труда факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, начальника управления психологической службы Вооруженных Сил Российской Федерации Главного управления Вооруженных Сил Российской Федерации, члена-корреспондента РАО В.В. Барабанщиковой.

По их рекомендации были отменены неэффективные виды работы, к которым относились дежурства на выходе из «красной» зоны и ночные очные дежурства психологической службы. На смену дежурствам психологов на выходе из шлюза пришло дежурство медицинской сестры, а ночные дежурства в силу низкого числа очных обращений были полностью переведены в дистанционный формат. Одновременно было предложено привлекать старшего психолога Центра к заседаниям по обсуждению административных вопросов. Для оценки психологического климата в коллективе и более плотного контакта с заведующими, старший психолог стал принимать участие в ежедневных утренних планерках заведующих отделениями с главным врачом, а также ежедневных собраниях оперативного штаба во главе с директором Центра. Это позволило оперативно получать запросы о психологической помощи и повысило доверие к работе психологической службы в целом.

Следующим новым видом работы стало консультирование родственников пациентов во время их очного посещения Центра. Работа с родственниками велась на пункте приема передач ежедневно 2 часа в день. Там же, на пункте передач, у родственников была возможность связаться с лечащим врачом терапевтического отделения или с дежурным врачом отделения реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ). После телефонного разговора оказывалась психологическая помощь родственникам пациентов. Учитывая запрет на очные визиты родственников к пациентам, находящимся в ОРИТ, родным пациентов предлагалось писать для них записки, которые затем передавались в отделение, где их содержание зачитывали медсестры.

К основным психологическим проблемам родственников пациентов относилась высокая тревога, обусловленная недостатком актуальной информации о состоянии здоровья близкого, невозможностью осуществления с ним привычной коммуникации и сомнениями в адекватности применяемых методов лечения. Также родные пациентов жаловались на ощущение беспомощности в связи с отсутствием возможности оказать помощь и поддержку близким, находящимся на лечении в изоляции. Менее распространенными были реакции страха потери близкого и чувство вины в связи со случившимся заражением родственника. Подробнее о причинах обращения родственников за помощью к психологу и методах поддержки см. статью А. Айзенштейна и соавторов (Айзенштейн и соавт., 2020).

Работа с родственниками на пункте передач велась силами трех нейропсихологов, она включала в себя кризисный дебрифинг и, как правило, сопровождалось последующим психологическим сопровождением родственников по телефону психологической службы.

Учитывая отсутствие доступа родственников в реанимацию, очные консультации помогали снизить уровень стресса и отреагировать свои негативные чувства, обусловленные многочисленными ограни-

чениями (краткость предоставляемой по телефону информации, отсутствие очного контакта с родственником, находящимся в ОРИТ, невозможность им позвонить при нахождении в реанимации). Также одним из преимуществ данного вида работы являлось то, что при звонках психолога в реанимацию или терапевтическое отделение, психолог выступал буфером, опосредующим контакт врача и родственника пациента. Психолог мог помочь расположить врача к беседе, несмотря на высокую занятость последнего.

Также благодаря консультации экспертов еженедельный мониторинг состояния сотрудников в процессе телефонной беседы сопровождался объективной оценкой их психологического самочувствия с помощью опросников, рассылаемых в виде ссылки по окончании беседы. Заполнение опросника было анонимным, однако при желании сотрудник мог оставить контакты обратной связи для очной консультации психолога, которая осуществлялась со всеми сотрудниками, результаты которых выходили за референс. Независимо от наличия консультации все сотрудники по окончании опроса могли ознакомиться со своим результатом и самостоятельно обратиться в психологическую службу. Кроме того, все электронные опросники снабжались формой обратной связи с директором Центра. Систематизация основных запросов коллектива выявила потребность в их разъяснении посредством прямой линии с директором. Подобные видеоконференции проводились дважды — через несколько недель от начала работы с коронавирусной инфекцией и перед ее завершением. Они способствовали существенному снижению социальной напряженности в коллективе, вызванной рядом производственных вопросов (оплата труда, график работы и др.). Еженедельный мониторинг состояния сотрудников осуществляли семь нейропсихологов Центра.

Литература:

- Айзенштейн А.Д., Воловик Д.Д., Абдурахманов Р.А., Кирова И.А., Корнева А.А., Гордеев М.Н., Микадзе Ю.В., Иванова Г.Е. Особенности оказания психологической помощи родственникам пациентов в условиях инфекционного стационара при работе с COVID-19 // Вестник восстановительной медицины. 2020. № 6 (100). С. 4–13. doi: 10.38025/2078-1962-2020-100-6-4-13
- Вельтищев Д.Ю. Диагностика и лечение генерализованного тревожного расстройства (обзор литературы) // Современная терапия психических расстройств. 2018. № 3. С. 26–37.
- Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. М.: Издательство Юрайт, 2017.
- Шурупова М.А., Абдурахманов Р.А., Есейкина Л.И., Кутейникова Т.В., Попова Д.А., Пчелинцева Е.С., Русецкая С.В., Хлюпина Е.А., Иванова Е.Г., Микадзе Ю.В., Гордеев М.Н., Иванова Г.Е. Психологическая помощь сотрудникам в условиях перепрофилирования федерального центра под работу с пациентами с COVID-19 // Вестник восстановительной медицины. 2020. № 4 (98). С. 99–108. doi: 10.38025/2078-1962-2020-98-4-99-108
- Tunde Simeon, Amosun, Chu, Jianxun, Olayemi, Hafeez Rufai et al. (2021). WeChat usage during COVID-19 pandemic lockdown: the mediating role of online self-disclosure on quality of friendship and well-being. [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/346973340_Wechat_Usage_During_Covid-19_Pandemic_lockdown_the_mediating_role_of_online_self-disclosure_on_quality_of_friendship_and_well-being/link/602a35f3299bfcc26c85c4f/download (дата обращения 20.03.2021). doi: <https://doi.org/10.1108/GKMC-09-2020-0136>
- Barzilay, R., Moore, T.M., Greenberg, D.M. et al. (2020). COVID-19-related stress, anxiety and depression during the pandemic in a large population enriched for healthcare providers. *Translational Psychiatry*, 10, 291. doi: 10.1038/s41398-020-00982-4
- Cai, H., Tu, B., Ma, J. et al. (2020). Psychological impact and coping strategies of frontline medical staff in Hunan between January and March 2020 during the outbreak of coronavirus disease 2019 (COVID-19) in Hubei China. *Medical science monitor: international medical journal of experimental and clinical research*, 26. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7177038/> (дата обращения 20.03.2021). doi: 10.12659/MSM.924171

Выводы

Опыт реорганизации психологической службы ФГБУ «ФЦМН» ФМБА России показал важность сохранения для медицинских психологов их профильной работы в условиях инфекционного стационара. Медицинские психологи ФЦМН в новых условиях работы были задействованы в большом числе задач, связанных с психологической поддержкой всех целевых групп. Создание возможностей для экстренного обращения к психологу медицинских работников, пациентов и их родных, наличие нескольких способов связи и периодический мониторинг психологического состояния медицинского персонала существенно снижали уровень дистресса и его последствий, что в свою очередь позволяло вырабатывать адаптивные копинг-стратегии, проявлять заботу о своем здоровье, прибегать к адекватным средствам индивидуальной защиты.

Наиболее востребованными и эффективными видами работы оказались психологическое консультирование пациентов в «красной» зоне, работа с родственниками на пункте передач и дистанционный мониторинг состояния медработников, наименее востребованными являлись дежурства на выходе из «красной» зоны и ведение группы пациентов в WhatsApp.

Медицинские психологи, изначально не имеющие специализации по психологическому консультированию, смогли встроиться в работу перепрофилированного учреждения, так как выполняли методическую работу, обеспечивали информационное сопровождение работы психологической службы, проводили дистанционный мониторинг психологического состояния медперсонала в формате слабоструктурированной психологической беседы и анкетирования.

- Chen, Q., Liang, M., Li, Y. et al. (2020). Mental health care for medical staff in China during the COVID-19 outbreak. *Lancet Psychiatry*, 7(4). [Электронный ресурс] // URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30078-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30078-X/fulltext) (дата обращения 20.03.2021). doi: 10.1016/S2215-0366(20)30078-X
- Chinese Mental Health Association (2020) Guidelines for Public Psychological Self-Help and Counselling for COVID-19. Beijing: People's Medical Publishing House.
- Chinese Society of Psychiatry (2020). Expert consensus on managing pathway and coping strategies for patients with mental disorders during prevention and control of serious and outbreak infectious diseases (novel coronavirus pneumonia). *Chinese Journal of Psychiatry*, 53, 78–83. doi.org/10.3760/cma.j.cn113661-20200219-00039
- Di Monte, C., Monaco, S., Mariani, R. et al. (2020). From Resilience to Burnout: Psychological Features of Italian General Practitioners During COVID-19 Emergency. *Frontiers in Psychology*, 2 (11). [Электронный ресурс] // URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33132972/> (дата обращения: 20.03.2021). doi: 10.3389/fpsyg.2020.567201
- Jalili, M., Niroomand, M., Hadavand, F. et al. (2021). Burnout among healthcare professionals during COVID-19 pandemic: a cross-sectional study. *International archives of occupational and environmental health*, 1–8. [Электронный ресурс] // URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs00420-021-01695-x#citeas> (дата обращения 23.04.2021). doi: 10.1007/s00420-021-01695-x
- Kang, L., Li, Y., Hu, S. et al. (2020). The mental health of medical workers in Wuhan, China dealing with the 2019 novel coronavirus. *Lancet Psychiatry*, 7(3), 14. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30047-X
- Kang, L., Wang, G., Liu, Z. (2021). Targeted long-term mental health services in Wuhan dealing with COVID-19. *European Archives of Psychiatry and Clinical*, 271, 397–399. doi: 10.1007/s00406-020-01178-z
- Kiani Dehkordi, M., Sakhi, S., Gholamzad, S. et al. (2020). Online Balint groups in healthcare workers caring for the COVID-19 patients in Iran. *Psychiatry Research*, 290. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7214277/> (дата обращения: 23.04.2021). doi: 10.1016/j.psychres.2020.113034
- Kroenke, K., Spitzer, R.L., Williams, J.B. et al. Anxiety disorders in primary care: prevalence, impairment, comorbidity, and detection. *Annals of internal medicine*, 146(5), 317–325. doi: 10.7326/0003-4819-146-5-200703060-00004
- Li, W., Yang, Y., Liu, ZH. et al. (2020). Progression of Mental Health Services during the COVID-19 Outbreak in China. *International Journal of Biological Sciences*, 16(10), 1732–1738. doi: 10.7150/ijbs.45120
- Liu, S., Yang, L., Zhang, C. et al. (2020). Online mental health services in China during the COVID-19 outbreak. *The lancet. Psychiatry*, 7(4), 17–18. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30077-8
- Luo, D., Liu, Q., Chen, Q. et al. (2021). Mental Health Status of the General Public, Frontline, and Non-frontline Healthcare Providers in the Early Stage of COVID-19. *Front Psychiatry*, 12. [Электронный ресурс] // URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33815157/> (дата обращения: 20.03.2021). doi: 10.3389/fpsyg.2021.553021
- Sahin, T., Aslaner, H., Eker, O.O. et al. (2020). A Questionnaire Study Effect of COVID-19 Pandemic on Anxiety and Burnout Levels in Emergency Healthcare Workers. *International Journal of Medical Science and Clinical Invention*, 7(09), 4991–5001. doi: 10.18535/ijmsci/v7i09.010
- Seventy Third World Health Assembly and Resolution 73.1 on the COVID-19 response. (2020). [Электронный ресурс] // URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA73/A73_CONFIRev1-en.pdf (дата обращения 07.06.2020).
- Shanafelt, T., Ripp, J., Trockel, M. (2020). Understanding and Addressing Sources of Anxiety Among Health Care Professionals During the COVID-19 Pandemic. *JAMA*, 323(21), 2133–2134. doi: 10.1001/jama.2020.5893
- Shen, Z., Wang, H. (2020) Handbook of Psychological Protection for Primary and Middle School Students and Parents during the Epidemic. Shanghai: East China Normal University Press.
- Spitzer, R.L., Kroenke, K., Williams, J.B.W. et al. (2006). A Brief Measure for Assessing Generalized Anxiety Disorder: The GAD-7. *Archives of Internal Medicine*, 166(10), 1092–1097. doi: 10.1001/archinte.166.10.1092
- Wang, Y., Zhao, X., Feng, Q. et al. (2020). Psychological assistance during the coronavirus disease 2019 outbreak in China. *Journal of Health Psychology*, 25(6), 733–737. doi: 10.1177/1359105320919177
- Yang, Y., Li, W., Zhang, Q. et al. (2020). Mental health services for older adults in China during the COVID-19 outbreak. *Lancet Psychiatry*, 7(4), 19. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30079-1
- Zhang, J., Wu, W., Zhao, X. et al. (2020). Recommended psychological crisis intervention response to the 2019 novel coronavirus pneumonia outbreak in China: a model of West China Hospital. *Precision Clinical Medicine*, 3(1), 3–8. doi: <https://doi.org/10.1093/pcmedi/pbaa006>
- Zhao, X., Liu, Z. (2020) Anti-Epidemic Relief-Pandemic Psychological Self-Help Rescue for All. Shanghai: Shanghai Scientific & Technical Publishers.
- Zhou, X. (2020). Psychological crisis interventions in Sichuan Province during the 2019 novel coronavirus outbreak. *Psychiatry Research*, 286, 112895. doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112895
- Xiang, Y.T., Yang, Y., Li, W. et al. (2020). Timely mental health care for the 2019 novel coronavirus outbreak is urgently needed. *Lancet Psychiatry*, 7(3), 228–229. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30046-8
- Xiang, Y.T., Zhao, Y.J., Liu, Z.H. et al. (2020). The COVID-19 outbreak and psychiatric hospitals in China: managing challenges through mental health service reform. *International journal of biological sciences*, 16(10), 1741–1744. doi: 10.7150/ijbs.45072
- Xiao, C. (2020). A novel approach of consultation on 2019 novel coronavirus (COVID-19)-related psychological and mental problems: structured letter therapy. *Psychiatry Investigation*, 17(2), 175–176. doi.org/10.30773%2Fpi.2020.0047

References:

- Aizenstein, A.D., Volovik, D.D., Abdurakhmanov, R.A., Kirova, I.A., Korneva, A.A., Gordeev, M.N., Mikadze, Yu.V., Ivanova, G.E. (2020). Features of providing psychological assistance to relatives in an infectious hospital when working with COVID-19. *Vestnik vosstanovitel'noj mediciny (Bulletin of Restorative Medicine)*, 6(100), 4–13. doi: 10.38025 / 2078-1962-2020-100-6-4-13. (in Russ.).

- Shurupova, M.A., Abdurakhmanov, R.A., Eiseikina, L.I., Kuteinikova, T.V., Popova, D.A., Pchelintseva, E.S., Rusetskaya, S.V., Khlyupina, E.A., Ivanova, E.G., Mikadze, Yu.V., Gordeev, M.N., Ivanova, G.E. (2020). Psychological assistance to employees in the context of the conversion of the federal center to work with patients with COVID-19. *Vestnik vosstanovitel'noj mediciny (Bulletin of Restorative Medicine)*, 4(98), 99–108. doi: 10.38025 / 2078-1962-2020-98-4-99-108. (in Russ.).
- Vel'tishchev, D.Yu. (2018). Diagnostics and treatment of generalized anxiety disorder (literature review). *Sovremennaya terapiya psichicheskikh rasstrojstv (Modern therapy of mental disorders)*, 3, 26–37. doi: 10.21265/PSYPH.2018.46.16769. (in Russ.).
- Vodop'yanova, N.E., & Starchenkova, E.S. (2017). Burnout syndrome. Diagnostics and prevention: a practical guide. Moscow: Izdatel'stvo YUrajt. (in Russ.).
- Tunde Simeon, Amosun, Chu, Jianxun, Olayemi Hafeez, Rufai et al. (2021). WeChat usage during COVID-19 pandemic lockdown: the mediating role of online self-disclosure on quality of friendship and well-being. *Global Knowledge, Memory and Communication*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/346973340_Wechat_usage_during_covid-19_pandemic_lockdown_the_mediating_role_of_online_self-disclosure_on_quality_of_friendship_and_well-being/link/602a35f3299bf1cc26c85c4f/download (review date: 20.03.2021). doi: <https://doi.org/10.1108/GKMC-09-2020-0136>
- Barzilay, R., Moore, T.M., Greenberg, D.M. et al. (2020). COVID-19-related stress, anxiety and depression during the pandemic in a large population enriched for healthcare providers. *Translational Psychiatry*, 10, 291. doi: 10.1038/s41398-020-00982-4
- Cai, H., Tu, B., Ma, J. et al. (2020). Psychological Impact and Coping Strategies of Frontline Medical Staff in Hunan Between January and March 2020 During the Outbreak of Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) in Hubei, China. *Medical science monitor: international medical journal of experimental and clinical research*, 26. (Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7177038/>) (review date: 20.03.2021). doi: 10.12659/MSM.924171
- Chen, Q., Liang, M., Li, Y. et al. (2020). Mental health care for medical staff in China during the COVID-19 outbreak. *Lancet Psychiatry*, 7(4). (Retrieved from [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30078-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30078-X/fulltext)) (review date: 20.03.2021). doi: 10.1016/S2215-0366(20)30078-X
- Chinese Mental Health Association (2020). Guidelines for Public Psychological Self-Help and Counselling for COVID-19. Beijing: People's Medical Publishing House.
- Chinese Society of Psychiatry (2020). Expert consensus on managing pathway and coping strategies for patients with mental disorders during prevention and control of serious and outbreak infectious diseases (novel coronavirus pneumonia). *Chinese Journal of Psychiatry*, 53, 78–83. doi: 10.3760/cma.j.cn113661-20200219-00039
- Di Monte, C., Monaco, S., Mariani, R. et al. (2020). From Resilience to Burnout: Psychological Features of Italian General Practitioners During COVID-19 Emergency. *Frontiers in Psychology*, 2 (11). (Retrieved from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33132972/>) (review date: 20.03.2021). doi: 10.3389/fpsyg.2020.567201
- Jalili, M., Niroomand, M., Hadavand, F. et al. (2021). Burnout among healthcare professionals during COVID-19 pandemic: a cross-sectional study. *International archives of occupational and environmental health*, 1–8. (Retrieved from <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs00420-021-01695-x#citeas>) (review date: 23.04.2021). doi: 10.1007/s00420-021-01695-x
- Kang, L., Li, Y., Hu, S. et al. (2020). The mental health of medical workers in Wuhan, China dealing with the 2019 novel coronavirus. *Lancet Psychiatry*, 7(3), 14. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30047-X
- Kang, L., Wang, G., Liu, Z. (2021). Targeted long-term mental health services in Wuhan dealing with COVID-19. *European Archives of Psychiatry and Clinical*, 271, 397–399. doi: 10.1007/s00406-020-01178-z
- Kiani Dehkordi, M., Sakhi, S., Gholamzad, S. et al. (2020). Online Balint groups in healthcare workers caring for the COVID-19 patients in Iran. *Psychiatry Research*, 290. (Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7214277/>) (review date: 23.04.2021). doi: 10.1016/j.psychres.2020.113034
- Kroenke, K., Spitzer, R.L., Williams, J.B. et al. Anxiety disorders in primary care: prevalence, impairment, comorbidity, and detection. *Annals of internal medicine*, 146(5), 317–325. doi: 10.7326/0003-4819-146-5-200703060-00004
- Li, W., Yang, Y., Liu, ZH. et al. (2020). Progression of Mental Health Services during the COVID-19 Outbreak in China. *International Journal of Biological Sciences*, 16(10), 1732–1738. doi: 10.7150/ijbs.45120
- Liu, S., Yang, L., Zhang, C. et al. (2020). Online mental health services in China during the COVID-19 outbreak. *The lancet. Psychiatry*, 7(4), 17–18. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30077-8
- Luo, D., Liu, Q., Chen, Q. et al. (2021). Mental Health Status of the General Public, Frontline, and Non-frontline Healthcare Providers in the Early Stage of COVID-19. *Front Psychiatry*, 12. (Retrieved from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33815157/>) (review date: 20.03.2021). doi: 10.3389/fpsy.2021.553021
- Sahin, T., Aslaner, H., Eker, O.O. et al. (2020). A Questionnaire Study Effect of COVID-19 Pandemic on Anxiety and Burnout Levels in Emergency Healthcare Workers. *International Journal of Medical Science and Clinical Invention*, 7(09), 4991–5001. <https://doi.org/10.18535/ijmsci/v7i09.010>
- Seventy Third World Health Assembly and Resolution 73.1 on the COVID-19 response. 2020. (Retrieved from https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA73/A73_CONF1Rev1-en.pdf) (review date: 07.06.2020).
- Shanafelt, T, Ripp, J, Trockel, M. Understanding and Addressing Sources of Anxiety Among Health Care Professionals During the COVID-19 Pandemic. (2020). *JAMA*, 323(21), 2133–2134. doi: 10.1001/jama.2020.5893
- Shen, Z., & Wang, H. (2020). Handbook of Psychological Protection for Primary and Middle School Students and Parents during the Epidemic. Shanghai: East China Normal University Press.
- Spitzer, R.L., Kroenke, K., Williams JB.W. et al. (2006). A Brief Measure for Assessing Generalized Anxiety Disorder: The GAD-7. *Archives of Internal Medicine*, 166(10), 1092–1097. doi: 10.1001/archinte.166.10.1092
- Wang, Y., Zhao, X., Feng, Q. et al. (2020). Psychological assistance during the coronavirus disease 2019 outbreak in China. *Journal of Health Psychology*, 25(6), 733–737. doi: 10.1177/1359105320919177
- Yang, Y., Li, W., Zhang, Q. et al. (2020). Mental health services for older adults in China during the COVID-19 outbreak. *Lancet Psychiatry*, 7(4), 19. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30079-1

- Zhang, J., Wu, W., Zhao, X. et al. (2020). Recommended psychological crisis intervention response to the 2019 novel coronavirus pneumonia outbreak in China: a model of West China Hospital. *Precision Clinical Medicine*, 3(1), 3–8. doi: <https://doi.org/10.1093/pcmedi/pbaa006>
- Zhao, X., & Liu Z. (2020). Anti-Epidemic Relief-Pandemic Psychological Self-Help Rescue for All. Shanghai: Shanghai Scientific & Technical Publishers.
- Zhou, X. (2020). Psychological crisis interventions in Sichuan Province during the 2019 novel coronavirus outbreak. *Psychiatry Research*, 286, 112895. doi: 10.1016/j.psychres.2020.112895
- Xiang, Y.T., Yang Y., Li W. et al. (2020). Timely mental health care for the 2019 novel coronavirus outbreak is urgently needed. *Lancet Psychiatry*, 7(3), 228–229. doi: 10.1016/S2215-0366(20)30046-8
- Xiang Y.T., Zhao, Y.J., Liu, Z.H. et al. (2020). The COVID-19 outbreak and psychiatric hospitals in China: managing challenges through mental health service reform. *International journal of biological sciences*, 16(10), 1741–1744. doi: 10.7150/ijbs.45072
- Xiao, C. (2020). A novel approach of consultation on 2019 novel coronavirus (COVID-19)-related psychological and mental problems: structured letter therapy. *Psychiatry Investigation*, 17(2), 175–176. doi: 0.30773/pi.2020.0047

Оригинальная статья

УДК 159.9.07, 159.9.072, 159.072.43
doi: 10.11621/npj.2021.0306

Критерии оценки результатов мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России

А.А. Тарасова*, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России»

ORCID: 0000-0002-0413-4300

Ю.С. Шойгу, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России»

ORCID: 0000-0002-6094-2564

В.И. Цыбуля, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2010-4806

*Для контактов: tvsova80@mail.ru

Актуальность тематики статьи определяется тем, что в процессе выполнения своей профессиональной деятельности специалисты МЧС России проходят периодическое динамическое наблюдение за психологическим состоянием для выявления наличия и степени выраженности последствий, связанных с выполнением профессиональных задач. В связи с этим возникла необходимость определения четких параметров, на основании которых возможно установление возникших и возникающих изменений, а также составление соответствующей программы психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий.

Цель исследования заключается в выделении критериев распределения обследуемых специалистов МЧС России на группы, определяющие необходимость и специфику психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий.

Описание хода исследования. Специалисты МЧС России ($n = 2979$) были обследованы по 44 показателям, из которых 40 относятся к изучению когнитивной и эмоционально-личностной сферам, 4 — к изучению психофизиологической сферы. На основании присвоенной качественной оценки, описательных статистик (M , σ) и кластерного анализа выборка была разделена на 3 группы; при помощи критерия Манна–Уитни определено, по каким показателям группы отличаются между собой. По результатам факторного и корреляционного анализов (Спирмен) получена структура показателей, при негативном изменении которых необходимо коррекционное воздействие.

Результаты исследования позволили статистически достоверно установить, что группы различаются между собой в зависимости от степени изменения изучаемых показателей, актуального состояния, индивидуальных психологических и психофизиологических особенностей каждого конкретного обследуемого специалиста МЧС России ($p = 0,000$); факторный и корреляционный анализы ($p \leq 0,05$) позволили выделить 5 блоков, включающих в себя показатели, на основании которых были разработаны комплексные программы коррекции.

Выводы. Впервые выделенные критерии являются не только вкладом в психодиагностическое сопровождение действующих профессиональных контингентов МЧС России, но и позволяют специалистам психологической службы МЧС России распределить обследованный личный состав МЧС России на 3 группы в зависимости от количества и уровня выраженности изучаемых показателей, с целью подбора оптимальных психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий для каждого обследуемого человека (1 группа — состояние, не требующее коррекции, 2 группа — психологическая профилактика, 3 группа — психологическая коррекция).

Ключевые слова: специалисты МЧС России, критерии, мониторинговое психодиагностическое обследование, профессиональная деятельность, психологическая служба МЧС России, психодиагностическое тестирование, психологическая коррекция

Для цитирования: Тарасова А.А., Шойгу Ю.С., Цыбуля В.И. Критерии оценки результатов мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 63–86. doi: 10.11621/npj.2021.0206

Поступила 1 июня 2021 / Принята к публикации: 14 сентября 2021

Criteria for evaluating the results of psychodiagnostic monitoring in the EMERCOM of Russia

Anastasiya A. Tarasova*, Lomonosov Moscow State University, Center for emergency psychological assistance of EMERCOM of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0413-4300

Yuliya S. Shoigu, Lomonosov Moscow State University, Center for emergency psychological assistance of EMERCOM of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6094-2564

Vera I. Tsybulia, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2010-4806

*Corresponding author: tvsova80@mail.ru

Background is determined by the fact that in the course of their professional activities, specialists of EMERCOM of Russia undergo periodic dynamic monitoring of their psychological state in order to identify the presence and severity of consequences associated with the performance of professional tasks. In this regard, it became necessary to define clear parameters on the basis of which it is possible to determine the changes that have occurred and are occurring, as well as the preparation of the corresponding program and psycho psycho-correction activities.

The objective is to derive criteria that will be used to divide the examined specialists of EMERCOM of Russia into groups that determine the need and specifics of psychoprophylactic and psychocorrective measures.

Design. Specialists of EMERCOM of Russia ($n = 2979$) were examined on 44 indicators, 40 of which relate to the study of cognitive and emotional-personal spheres, 4 — to the study of the psychophysiological sphere. Based on the assigned qualitative score, descriptive statistics (M , σ), and cluster analysis, the sample is divided into 3 groups; the Mann–Whitney test determines how different the groups are from each other. By results of factor and correlation analysis (Spearman), the structure of indicators is obtained, with a negative change in which a corrective effect is necessary.

Results obtained allowed us to statistically establish that the groups differ depending on the degree of change in the studied parameters, the current state and individual psychophysiological characteristics of each individual examined specialists of EMERCOM of Russia ($p = 0.000$); factor and correlation analyses ($p \leq 0.05$) allowed us to identify 5 blocks of indicators, on the basis of which the direction and specificity of the correction is determined.

Conclusion. The first selected criteria is not only a contribution to the psycho-diagnostic software available professional contingent emergency, but also allows the specialists of the psychological service of EMERCOM of Russia to allocate the surveyed employees of EMERCOM of Russia in 3 groups depending on the number and severity of the studied parameters, with the aim of selecting the optimal psychoprophylactic and psychocorrective measures for each of the subjects (group 1 — a condition that does not require correction, group 2 — psychological prevention, group 3 — psychological correction).

Keywords: EMERCOM of Russia specialists, criteria, monitoring psychodiagnostic examination, professional activity, psychological service of EMERCOM of Russia, psychodiagnostic testing, psychological correction

For citation: Tarasova, A.A., Shoigu, Y.S., Tsybulia, V.I. (2021). Criteria for evaluating the results of psychodiagnostic monitoring in the EMERCOM of Russia. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 3 (43), 63–86. doi: 10.11621/npj.2021.0206

Received June 1, 2021 / Accepted for publication September 14, 2021

Введение

Негативные психологические последствия, связанные с выполнением человеком своих профессиональных обязанностей, заключаются в изменении функционирования большого числа систем организма. Интенсивное и многократное эмоциональное напряжение способствует возникновению, как заболевания, так и физическому или психическому истощению, снижает производительность труда. Особенно важно это учитывать, когда профессиональная деятельность специалистов связана с риском для их жизни и здоровья и проходит в экстремальных условиях, детерминирующих физиологическое и психологическое напряжение. Экстремальный режим в самом общем смысле — это режим работы в условиях, выходящих за пределы оптимальных (благоприятных) условий профессиональной деятельности, которые, в свою очередь, являются условиями для эффективного осуществления задач и высокой работоспособно-

сти. К неблагоприятным факторам профессиональной деятельности можно отнести физиологический дискомфорт; дефицит времени; страх; повышенную трудность задачи; наличие релевантных помех; дефицит информации для принятия решений; перегрузку информацией; сенсорную депривацию; конфликтные ситуации (Беляева, 2001). Экстремальная ситуация (от лат. *extremus* — крайний, критический) — это внезапно возникшая ситуация, угрожающая или субъективно воспринимаемая человеком как угрожающая жизни, здоровью, личностной целостности, благополучию (Гуренкова, Елисеева, Кузнецова и др., 2009). Решение профессиональных задач в экстремальных ситуациях в большей мере относится к специалистам, подвергающимся в своей профессиональной деятельности разнообразным стресс-факторам.

Обычно при осуществлении профессиональных задач на человека действует ряд факторов, интенсивность, длительность и специфика которых складывается из характеристик профессиональной деятельно-

Анастасия Александровна Тарасова —

заместитель начальника научно-исследовательского отдела психологической и психофизиологической диагностики ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России», психолог I категории кафедры экстремальной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-0413-4300

Anastasiya A. Tarasova —

Deputy Head of the Research Department of Psychological and Psychophysiological Diagnostics at the Federal State Institution “Center for Emergency Psychological Assistance” of the EMERCOM of Russia, Psychologist at the Department of Extreme Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-0413-4300

Юлия Сергеевна Шойгу —

доцент, кандидат психологических наук, директор ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России», заведующая кафедрой экстремальной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-6094-2564

Юлия Сергеевна Шойгу —

Associate Professor, PhD in Psychology, Director of the Center for Emergency Psychological Assistance of the EMERCOM of Russia, Head of the Department of Extreme Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6094-2564

Вера Ивановна Цыбуля —

научный сотрудник кафедры экстремальной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-2010-4806

Vera I. Tsybulia —

Researcher at the Department of Extreme Psychology Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2010-4806

сти и условий внешней среды, в которых выполняется деятельность. Воздействие этих факторов проявляется на всевозможных уровнях: личностном, психофизиологическом, морфологическом, поведенческом, что, в свою очередь, приводит к напряжению функциональных систем организма.

К условиям адаптации профессиональной деятельности А.Ж. Юревиц, В.С. Аверьянов, О.В. Виноградов относят: 1) психофизиологический уровень — это состояние и функциональные резервы человека; 2) экономический уровень — это человек в рабочем процессе, а также качество выполняемых им профессиональных задач; 3) психологический уровень — удовлетворенность профессиональной деятельностью, поддержание деловых отношений с коллективом, адаптация в коллективе, социально-психологическая совместимость и др.; 4) социальный уровень — текучесть кадров, производственный травматизм, заболеваемость и количество листов временной нетрудоспособности и т.д. (Юревич, Аверьянов, Виноградов, 1993). Если у человека в процессе выполнения служебных задач сохранены функциональные резервы организма и продуктивность деятельности, человек включен в трудовой процесс, которым удовлетворен, взаимоотношения внутри трудового коллектива позитивные и гармоничные и при этом качество выполняемых трудовых функций не снижается (не ухудшается), то можно говорить об успешной адаптированности человека к конкретной профессиональной деятельности (Налчаджян, 1988, С. 18). Модель адаптированности человека к профессиональной среде представлена на рис. 1.

Процесс адаптации можно исследовать с разных сторон: поведение человека, взаимоотношения с другими людьми, основные психические функции, психофизиологические и физиологические свойства, функциональный потенциал человека. Это заслуживает особого внимания, если мы говорим о специалистах, чья профессиональная деятельность связана с частым и длительным психоэмоциональным напряжением, обусловленным, в частности, с риском для здоровья и жизни (Вассерман, Беребин, Косенков, 1994; Тарабрина, 2001). Также существуют многообразные состояния человека, влияющих как позитивно, так и негативно на профессиональную деятельность — это функциональные состояния. Функциональное состояние (далее — ФС) — это показатель изменения взаимодействия человека с окружающей средой, способность человека выполнять конкретный вид деятельности. ФС отличается проявлением таких особенностей человека, которые прямо или опосредованно определяют его адаптацию и деятельность в определенных условиях. При этом ФС можно определить как детерминанту профессиональной деятельности, от которой зависит ее эффективность и продуктивность. По мнению М.М. Филиппова «изменение ФС — это замена одного комплекса реакций другими. Все эти реакции взаимосвязаны и обеспечивают определенное адекватное поведение организма в каждой конкретной ситуации. При этом каждое ФС характеризуется своим собственным сочетанием физиологических изменений в организме» (Филиппов, 2006). Таким образом, действительный (актуальный) уровень ФС — это комплексная взаимосвязь большого

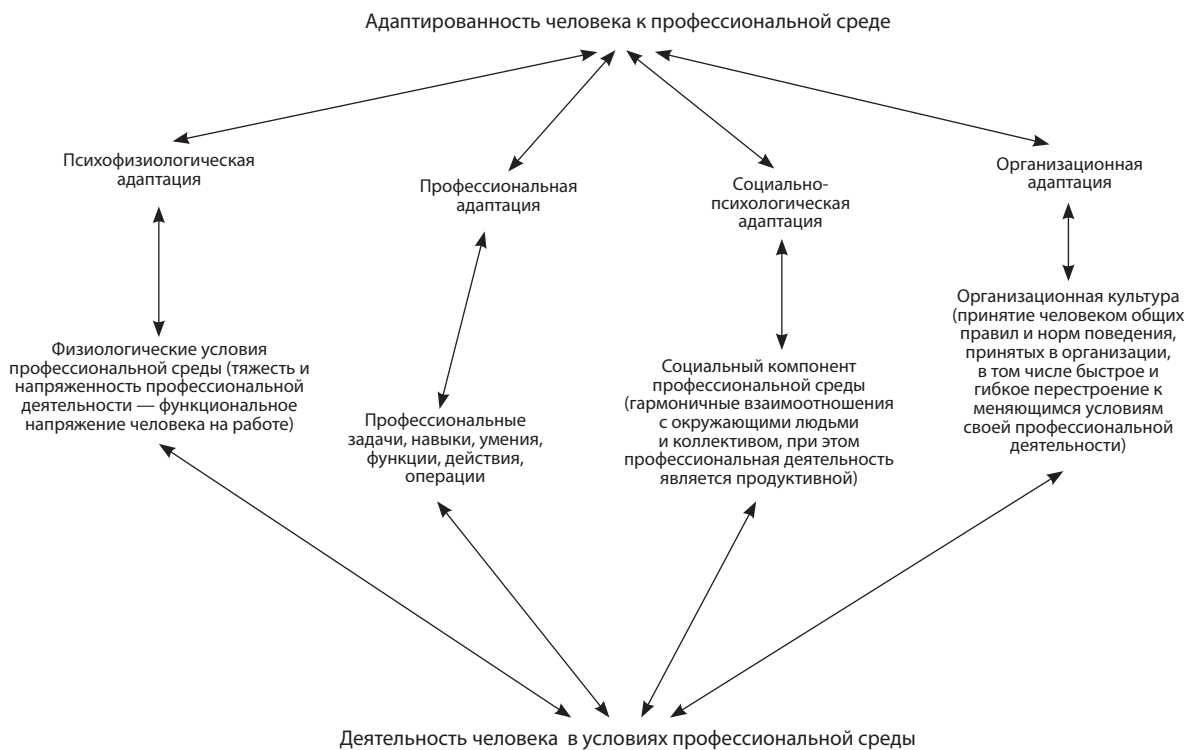

Рис. 1. Модель адаптированности человека к профессиональной среде

числа факторов, которые складываются из условий профессиональной деятельности человека. В рамках профессиональной деятельности специалистов МЧС России определенное сочетание этих факторов может приводить к дестабилизации ФС, что возможно выявить в рамках проведения мониторингового психодиагностического обследования данных специалистов. Слово «мониторинг» произошло от латинского слова *monitor*, в переводе означающее напоминающий или предостерегающий. По определению А.А. Орлова, психологический мониторинг раскрывает как тенденции, так и закономерности психологического развития определенных и конкретных групп людей (Алехина, 2007). Э.Ф. Зеер рассматривает психологический мониторинг как «процесс отслеживания состояния объекта с помощью непрерывного или периодически повторяющегося сбора данных, представляющих собой совокупность определенных ключевых показателей» (Зеер, 2002, С. 106). По мнению М.А. Черкасовой, «психологический мониторинг в профессиональной деятельности можно определить его как процесс наблюдения, оценки и прогнозирования психического состояния специалистов на разных этапах деятельности» (Черкасова, 2016, С. 40–42). Что касается мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России, то это «комплекс периодических психодиагностических мероприятий, направленных на динамическое наблюдение за психологическим состоянием профессиональных контингентов МЧС России в период прохождения службы (работы) с целью определения успешности социальной адаптации к служебной деятельности, а также выявления

наличия (степени выраженности) психологических последствий, связанных с профессиональной деятельностью» (Методическое руководство по психодиагностическому обеспечению в МЧС России, 2011, С. 3). Специалисты МЧС России выполняют профессиональную деятельность, связанную с пожаротушением, ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций (наводнений, природных катастроф и др.), несчастными случаями, а также занимаются ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций и происшествий (ДТП, обрушения, утопления и т.д.). В современных условиях профессиональная деятельность специалистов МЧС России, не зависимо от вида деятельности и должностных обязанностей, связана с применением различных технических средств, вооружения и специальной техники. Также их деятельность связана со значительными физическими, нервно-психическими нагрузками и психоэмоциональным напряжением, с постоянным столкновением с факторами, влияющими на жизнь и здоровье, а также с постоянной готовностью к непредсказуемым выездам на чрезвычайные ситуации (состояние «оперативного покоя») (Колобова, 2014; Марчук, Карапетян, 2017; Тарасова, 2020; Симонова, Барабанщикова, 2020). Кроме того, профессиональная деятельность специалистов МЧС России проходит в большинстве случаев в крайне неблагоприятных условиях, характеризующихся повышением температуры, наличием токсических веществ в окружающей среде, что требует применения средств индивидуальной защиты (Максимова, 2007; Шленков, 2017; Гермацкая, 2020). Вместе с тем и круглосуточные дежурства являются фактором нару-

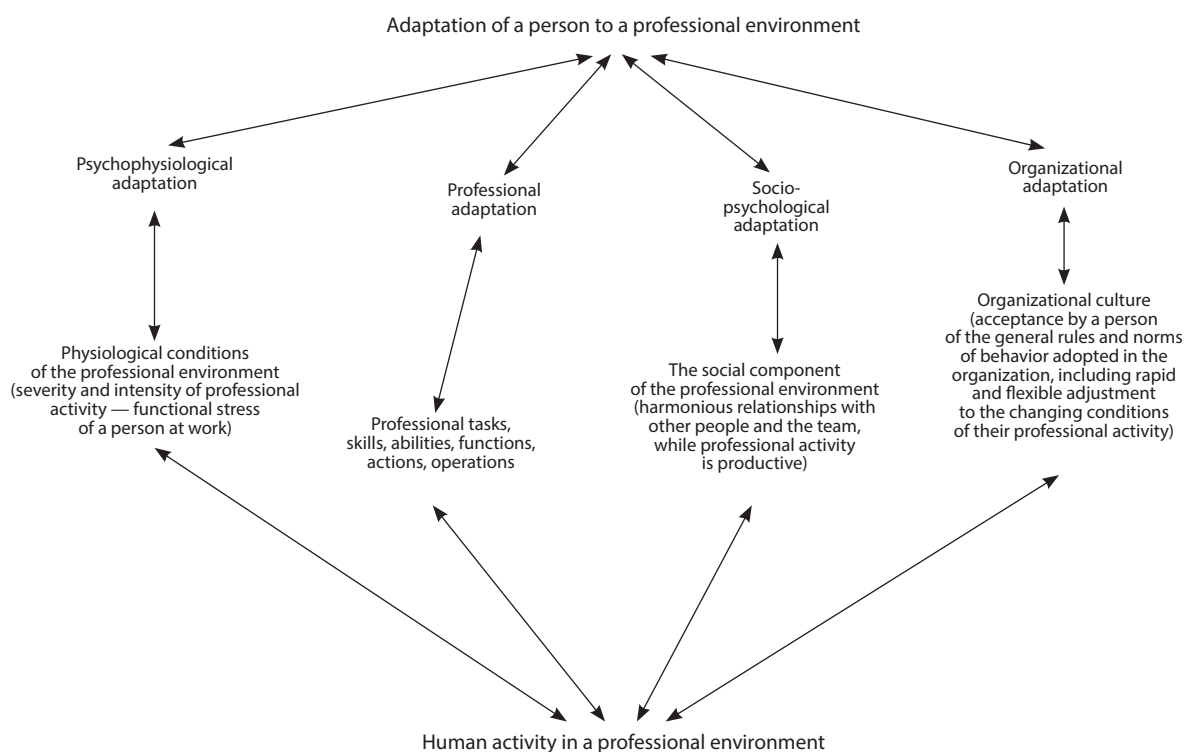

Fig. 1. Model of human adaptability to the professional environment

шения нормального режима сна и бодрствования, что может способствовать развитию патологических процессов. Эти обстоятельства способствуют не только развитию утомления, негативного ФС, но и могут быть причиной заболеваний, травматизма и неблагоприятных психологических последствий (Шевченко, 2013; Паламарчук, 2019). В своей профессиональной деятельности специалисты МЧС России взаимодействуют не только с коллегами, но и с окружающими людьми, поэтому это может являться условиями формирования психической напряженности и изменения эмоционального состояния. Все это может приводить к изменению свойств внимания, снижению готовности к быстрому реагированию и отрицательно влияет на выполнение профессиональных задач (Березин, 1988; Лебедев, 1989; Меерсон, 1988). При воздействии значительных и многообразных эмоциональных ситуаций качество когнитивных функций снижается по сравнению с исходным уровнем каждого конкретного человека и / или по сравнению со средними возрастными показателями для представителя его группы. При этом когнитивные изменения включают такие проявления как: снижение памяти, интеллектуальной работоспособности, восприятия информации, обработки и анализа данных и др. Выполняя профессиональную деятельность в экстремальных условиях, человек подвержен возникновению такого состояния как психическая напряженность, которая определяется как снижение психических функций и влияющее на эффективность деятельности. При этом на возникновение у человека психической напряженности влияет как окружающая среда, так и его личностные особенности. Согласно В.Л. Марищуку, в экстремальных видах деятельности может отмечаться снижение психических функций, которые имеют относительно второстепенное значение для выполнения основной задачи, например, ухудшение ассоциативных процессов (оперативное мышление), а также памяти на слова и числа — оперативная память (Герасимова, 2001, С. 29). То есть, психические функции утрачивают устойчивость, подвижность и могут приобретать ригидный характер, что может привести к срыву выполняемой деятельности. В случаях длительного воздействия стрессового фактора проявляются нарушения внимания в виде общей рассеянности, отвлекаемости, трудностей сосредоточения в совокупности с утомлением, ослабление распределения и направленности внимания. При этом нарушения внимания часто могут сопровождаться нарушением памяти. Изменения памяти могут проявляться в виде расстройств со стороны запоминания, хранения, забывания и воспроизведения различных сведений и личного опыта человека. Также необходимо отметить определенные требования к психологическим качествам и состояниям специалистов МЧС России (Шевченко, 2013; Марчук, Карапетян, 2017; Тарасова, 2020; Симонова, Барбанщикова, 2020). Одним из важнейших качеств является эмоциональная устойчивость, «являющаяся сложным интегративным качеством личности и характеризующаяся сочетанием эмоциональных, волевых, нравственных, интеллектуальных компонентов

психической деятельности» (Дарвиш, 2008, С. 366). Эмоциональная устойчивость, согласно С.А. Изюмовой и Н.А. Аминову, рассматривается как возможность человека противодействовать эмоциональным раздражителям, отрицательно влияющим на осуществление профессиональной деятельности (Изюмова, Аминов, 1978). Накопленный эффект воздействия стрессоров профессиональной деятельности специалистов МЧС России может приводить к возникновению негативных проявлений — снижение оценки или обесценивание собственной профессиональной эффективности и своих достижений в работе, негативное отношение к участникам взаимодействия (коллегам, пострадавшим) и выполняемой деятельности, что обозначается как «выгорание». Выгорание — это сугубо профессиональный синдром, характерными особенностями которого являются его дезадаптивный характер и исключительно профессиональная направленность. Таким образом, профессиональное выгорание можно определить как комплекс негативных эмоций, обусловленных выполняемой деятельностью, взаимодействием с другими людьми и проявляющихся у тех, кто часто осуществляет межличностное взаимодействие

(Водопьянова, 2013; Burish, 1993; Maslach, 1981; Pines, 1988). Отечественный исследователь В.В. Бойко рассматривает профессиональное выгорание в рамках эмоционального состояния и определяет его как механизм психологической защиты, который формируется при воздействии психотравмирующих ситуаций и проявляющийся в виде либо частичного, либо полного исключения эмоций при межличностном взаимодействии (Бойко, 2004). При этом происходит кумуляция негативных эмоций без освобождения (избавления) от них, что приводит к снижению и истощению эмоциональных и личностных ресурсов человека. В связи с этим, выгорание — это приобретенный шаблон действий и поступков человека, обуславливающих умеренное и бережное использование им своих внутренних ресурсов. При этом В.В. Бойко считает, что на начальном этапе выгорание является положительным, полезным и разумным механизмом, а дисфункциональными и рассогласованными рассматривает его последствия, отрицательно влияющими на выполнение профессиональных задач (Бойко, 2004). Несоответствие внутреннего содержания личности требованиям деятельности, длительная неудовлетворенность выполняемой социальной ролью, занимаемым положением в коллективе могут привести к профессиональной деформации, негативно влияющей на профессиональную деятельность в виде снижения продуктивности труда и негативных межличностных взаимоотношений, а также инициирующей профессиональный кризис. Также напряженная психоэмоциональная профессиональная деятельность специалистов МЧС России может приводить к развитию таких неблагоприятных психических состояний, как конфликтность, раздражительность, несдержанность, что является негативной формой реагирования на неблагоприятные ситуации (стресс, фрустрация и другие дезорганизующие психические

состояния). Подобные реакции могут выражаться в отрицательных и разрушительных действиях человека, направленных как на ухудшение взаимоотношений с окружающими, так и на нанесение вреда самому себе. Причинами такого поведения, как профессионально обусловленная деформация личности, могут быть: индивидуальные особенности личности (импульсивность, эмоциональная восприимчивость и др.); особенности социально-профессиональной среды; факторы, связанные с несоответствием личностного и профессионального развития. В связи со спецификой профессиональной деятельности специалисты МЧС России сталкиваются с ситуациями, которые могут вызвать испуг, страх и тревогу. Случается так, что возникающие обстоятельства и ситуации для человека могут являться по-настоящему и в полной мере угрожающими, опасными и экстремальными. При этом человек переживает травматический стресс — особую форму реакции, когда стресс перегружает психологические, физиологические, адаптационные возможности человека и разрушает защиту (однако это является нормальной реакцией на ненормальные события). Если травма является для человека незначительной, то повышенная тревожность и другие проявления со временем пройдут (через несколько часов, дней или недель). Но, если же травма является для человека сильной или травмирующие события повторялись многократно, то реакция может сохраниться на многие годы и в этом случае примет патологическую форму, называемую посттравматическим стрессовым расстройством (далее — ПТСР). ПТСР возникает в результате воздействия на человека травматических событий, связанных с гибелью, серьезными ранениями людей, возможной угрозой своей гибели или серьезных ранений (Гуренкова, Елисева, Кузнецова и др., 2009; Fullerton, 1997). Особенность ПТСР — это не только не исчезать со временем, а становиться более выраженным и возникать внезапно на фоне общего благополучия (Гуренкова, Елисева, Кузнецова и др., 2009; Fullerton, 1997). Также нарушение адаптации специалистов МЧС России под влиянием разнообразных и множественных стрессовых факторов профессиональной деятельности, состоянии функционального напряжения являются предпосылкой в развитии невротических и психосоматических нарушений и расстройств. Главной опасностью считается то, что без своевременного выявления и коррекции, состояния нарушений адаптации могут привести к обострению имеющихся или появлению новых заболеваний. Страдать при этом могут сердечно-сосудистая, нервная системы, органы пищеварения; человека одолевают постоянная усталость, сонливость или, наоборот, бессонница, потливость, повышенное артериальное давление. Любое нарушение, имеющее психологическую основу, является особенностью человеческого организма как системы и может привести к новому состоянию организма — психосоматическому нарушению. В основе этого нарушения лежит ответ на эмоциональное (психологическое) переживание, который сопровождается функциональными изменениями организма. По мне-

нию Ф. Александра психосоматические нарушения могут появиться вследствие взаимосвязи не только психологических и физиологических факторов, но и в результате присоединения к ним социального аспекта в виде неблагоприятных жизненных ситуаций (Александр, 2002). В свою очередь, когда резервы человека исчерпаны, нарастает стресс, падает работоспособность и продуктивность, могут проявиться невротические расстройства — группа психогенно обусловленных состояний, характеризующихся разного рода проявлениями и склонных к затяжному течению. Все они относятся к функциональным видам расстройств, то есть не имеют структурных нарушений, а имеют психастенический (психический) уровень проявления. Такие расстройства не приводят к заметным нарушениям поведения, но существенно влияют на качество жизни человека и проявляются навязчивыми и/или истерическими проявлениями, а также временным снижением умственной и физической работоспособности и продуктивности. Возможность организма и психики человека противостоять опасным, вредящим, губительным факторам не беспредельна. Их интенсивность может возрасти до такой степени, что не только поверхностных, но и глубинных адаптационных резервов организма будет недостаточно для нормального безболезненного отражения этих воздействий. Тогда системы адаптации выйдут на критический уровень функционирования и могут возникнуть их «поломки», требующие восстановления с использованием функциональных механизмов разнообразных нарушений. Поэтому на пределе своих возможностей противостоящие физическим и психологическим стрессорам адаптивные, защитные механизмы организма отправляют в сознание человека через его ощущения неприятные, даже нетерпимые сигналы о негативном состоянии организма. Обобщая все вышеизложенное, можно заключить, что длительные физические и нервно-психические перегрузки специалистов МЧС России в процессе выполнения ими своей профессиональной деятельности могут привести к существенному изменению функционального состояния организма и работоспособности, в результате чего снижается успешность профессиональной деятельности (Козырева, 2004; Beaton, 1999; Malik, Camm, 1993), а также формируются такие неблагоприятные психологические последствия как выгорание, проявления тревожных, депрессивных и психосоматических нарушений, симптомы ПТСР. Долгое нахождение человека под влиянием негативных эмоциональных состояний (тревога, ожидания неизвестного, чувство вины и неудовлетворенности, злость, раздражительность, фрустрация и т.д.) и отсутствие возможности ослабить силу переживаний, приводит к деструктивному воздействию на физическое и психическое состояние, что определяет необходимость своевременной диагностики дезадаптивных расстройств с помощью мониторингового психодиагностического обследования и проведения соответствующих профилактических и коррекционных мероприятий (Ашанина, Кулаков, 2012; Искандирова, 2004; Кулаков, 2011; Леонова, 2004; Стрельникова, 2015;

Талалаева, 2016). Анализируя состояния специалистов МЧС России по показателям профессионально важных качеств, можно с большей достоверностью прогнозировать эффективность профессиональной деятельности и оценивать психофизиологическую «цену» деятельности. В соответствии с этим содержательный психологический и психофизиологический анализ профессиональной деятельности специалистов МЧС России представляется необходимым условием для применения комплексных систем обследования, что в дальнейшем может стать основой для разработки специализированных программ коррекции, в которых учитываются выявленные у специалистов МЧС России комплексы неблагоприятных психологических и психофизиологических проявлений. Таким образом, одной из основных задач специалистов психологической службы МЧС России является динамическое наблюдение и контроль за психологическим состоянием специалистов МЧС России в период прохождения службы (работы), включая обеспечение надежности их деятельности и сохранение профессионального здоровья.

Проведение исследования

В настоящее время значительное количество имеющегося диагностического инструментария позволяет проводить одновременную регистрацию динамики нескольких различных показателей для получения целостной характеристики исследуемого состояния в виде специфических проявлений с учетом вызвавших их развития причин. При проведении мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России используется не только метод психологического и психофизиологического тестирования, но и методы беседы и наблюдения как вспомогательные средства для итоговых выводов и рекомендаций. В рамках метода психологического и психофизиологического тестирования применяются методики, направленные на изучение психологических и психофизиологических показателей состояний дезадаптации. Неотъемлемой частью мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России после получения первичных показателей по психологическим и психофизиологическим методикам является индивидуальное собеседование. В процессе индивидуального собеседования со специалистами МЧС России оцениваются эмоциональные и поведенческие реакции собеседника, изучается анамнез жизни, уточняются и корректируются показатели тестовых процедур. Нельзя считать достаточным выявление психологических характеристик специалистов МЧС России только с помощью отдельных диагностических методик. Необходимо рассматривать эффективность деятельности через эмоциональное и психологическое состояние человека с применением комплексных методов. Комплексный подход дает возможность изучить состояние специалистов МЧС России системно и обобщенно. Мониторинговое психодиагностическое обследование специалистов МЧС

России обязательно к проведению с периодичностью 1 раз в 2 года. По результатам данного обследования каждому обследуемому специалисту МЧС России выставляется одна из трех групп рекомендаций, определяющих необходимость и специфику психофилактических и психокоррекционных мероприятий (Тарасова, Казакова, 2016). Что касается процедуры проведения мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России, то реализация данного мероприятия имеет свою организационную технологию, подготовку к проведению, а также сам процесс проведения обследования и представления результатов по итогам обследования. При интерпретации и анализе полученных результатов необходимо обращать внимание на характер букв, цифр, линий и так далее, так как это может являться дополнительной информацией для специалистов-психологов, например, последствия черепно-мозговых травм, нервные реакции, тревожность и так далее, что, в свою очередь, будет являться одной из тем в индивидуальном собеседовании по результатам обследования. Уточняющие вопросы в беседе зависят от индивидуальных результатов психодиагностического обследования. Жесткой структуры беседы по результатам мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России нет, но возможно перечислить общие темы, в рамках которых строится беседа: сбор анамнестических данных, наличие хронических заболеваний, взаимоотношения с коллегами по работе и т.д. В связи с тем, что в процессе проведения мониторингового психодиагностического обследования со специалистами МЧС России учитываются их индивидуальные психофизиологические особенности, вид и интенсивность разнообразных факторов, которые существенно влияют на изменение человека, необходимо установить — по каким критериям специалисты психологической службы МЧС России могут определять необходимость и специфику психофилактических и психокоррекционных мероприятий с личным составом МЧС России по результатам проведенного обследования. Для создания критериев, определяющих необходимость и специфику психофилактических и психокоррекционных мероприятий со специалистами МЧС России была проведена обширная математико-статистическая обработка данных психологического исследования, в котором принимали участие специалисты МЧС России из различных подразделений, расположенных на территории Российской Федерации и проходившие плановое мониторинговое психодиагностическое обследование (спасатели, пожарные боевого расчета, горноспасатели, психологи, медицинские работники, оперативные дежурные и т.д.). Общее количество эмпирической выборки составило 2979 человек, средний возраст $34,9 \pm 10,5$ лет, стаж работы по специальности 3 года и выше. Разбивка по гендерному признаку не проводилась, поскольку специфика профессиональной деятельности и выполнение поставленных задач в большинстве случаев не зависит и не разделяется по гендерной принадлежности специалистов МЧС России. Те критерии, которые определяют необходи-

мость и специфику психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий являются едиными для всех профессиональных контингентов МЧС России без принадлежности к каким-либо отдельным специальностям (должностям).

В связи со спецификой профессиональной деятельности специалистов МЧС России и тех изменений (нарушений), которые могут возникнуть, происходило изучение изменений в когнитивной сфере, затрагивающие память, мышление; изучение изменений в эмоциональной сфере, которые характеризуются формированием эмоционального выгорания, дезадаптивными формами поведения, невротическими и психосоматическими нарушениями, а также отсроченными последствиями психотравмирующих событий. Также изучались изменения в психофизиологической сфере, направленные на выявление особенностей функционального состояния и качество сенсомоторных реакций. В рамках изучения психологических и психофизиологических показателей применяющийся инструментарий позволяет установить количественные и качественные характеристики изучаемых признаков, сформировать представление о появлении, наличии или развитии того или иного показателя, которые могут негативно отражаться на выполнении профессиональных задач специалистами МЧС России, а также проявляться за пределами трудового поста. Подобранный инструментарий с достаточной степенью прогностичности и валидности позволяет определить необходимые характеристики. Общее количество — 44 показателя, где 40 показателей относятся к изучению когнитивной и эмоциональной сфер, 4 — к изучению психофизиологической сферы (табл. 1).

Результаты

В связи с тем, что каждому психологическому свойству соответствует свое распределение в генеральной совокупности, первым этапом работы явилось определение нормальности распределения по каждому показателю на эмпирической выборке ($n = 2979$). Вид распределения определялся с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics Version 21. Статистический критерий Колмогорова–Смирнова показал, что эмпирическое распределение показателей отличается от нормального ($p \leq 0,05$). Следующий этап заключался в стандартизации показателей — приведению всех изучаемых характеристик к единой единице измерения и определению нормативных оценок по показателям на выборке специалистов МЧС России. Приведение к единой единице измерения связано с тем, что используемый психодиагностический инструментарий направлен на определение признаков, изучающих разное внутреннее содержание, что не является надежным и валидным для проведения математико-статической обработки по исходным («сырым» баллам). Определение нормативных показателей связано со спецификой профессиональной деятельности изучаемых контингентов и тем, что

выведенные тестовые нормы отражают репрезентативность каждой психодиагностической методики именно на совокупности специалистов МЧС России ($n = 2979$). Определение нормативных оценок по психофизиологической сфере на выборке специалистов МЧС России не проводилось ввиду специфики и особенностей изучения данной сферы (показатели являются не относительно стабильными и постоянными характеристиками, а могут быть связаны с актуальным состоянием обследуемых, то есть, вариативны). Таким образом, показатели психофизиологической сферы рассматривались отдельно от показателей когнитивной и эмоциональной сфер. Дальнейший этап заключался в преобразовании каждого изучаемого показателя ($n = 2979$) в определенную качественную оценку, зависящую от уровня выраженности показателя, что позволило обобщить и содержательно систематизировать полученную информацию на основе количественных данных по психодиагностическим методикам в зависимости от наличия или отсутствия обобщающего признака (табл. 2).

Результаты по изучению психофизиологической сферы рассматривались без присвоения оценки, а путем расчета среднего значения (M) и стандартного отклонения (σ) по каждому показателю (Microsoft Office Excel 2007). Максимально возможное значение (уровень) равно 5, при этом минимально возможное значение (уровень) — 0 (табл. 3).

Для показателей когнитивной и эмоциональной сфер для каждого обследуемого специалиста МЧС России была рассчитана интегральная оценка путем суммирования качественных оценок по изучаемым показателям. Далее, из всех полученных интегральных оценок, с помощью программы Microsoft Office Excel 2007, были определены первичные описательные статистические данные: среднее значение (M) и стандартное отклонение (σ) по всей эмпирической выборке ($n = 2979$). Согласно расчетам, осуществленным при помощи M и σ , вся эмпирическая выборка была разделена на 3 группы. По этому же принципу определялось распределение по группам и показателей психофизиологической сферы (табл. 3). Следовательно, распределение на 3 группы происходило в зависимости от степени изменений изучаемых показателей, актуального состояния, индивидуальных психологических и психофизиологических особенностей каждого конкретного обследуемого специалиста МЧС России. В результате в первую группу вошли специалисты МЧС России, у которых или отсутствуют, или возможны небольшие и незначительные изменения показателей со стороны либо когнитивной сферы, либо эмоциональной сферы, однако данные изменения не оказывают влияния на выполнение профессиональных задач, при этом общие адаптационные возможности у таких специалистов не снижаются даже под воздействием влияния стрессовых ситуаций. Во вторую группу вошли специалисты МЧС России, у которых наблюдаются изменения в когнитивной и эмоциональной сферах, однако эти изменения существенно не снижают общие адаптационные возможности, которые либо снижены незначитель-

Таблица 1. Показатели, изучаемые в рамках мониторингового психодиагностического обследования специалистов МЧС России

Методика	Изучаемые показатели	
Когнитивная сфера		
«Оперативная память» (Большая энциклопедия психологических тестов, 2005, С. 212)	оперативная память (ОП)	подсчитывается общее количество правильных ответов
«Установление закономерностей» (Диагностика познавательных способностей. Методики и тесты, 2009, С. 432–434)	репродуктивное мышление, умение делать логические построения, скорость переключения с одного способа умственного действия на другой (УЗ)	подсчитывается общее количество правильных ответов
Эмоциональная сфера		
«Диагностика эмоционального выгорания» (В.В. Бойко) (Практическая психодиагностика, 2001, С. 161–169)		
1 фаза 1 симптом	переживание психотравмирующих обстоятельств (1ф 1с)	подсчитывается сумма баллов для каждого показателя
1 фаза 2 симптом	неудовлетворенность собой (1ф 2с)	
1 фаза 3 симптом	«загнанность в клетку» (1ф 3с)	
1 фаза 4 симптом	тревога и депрессия (1ф 4с)	
1 фаза	«напряжение» (1 фаза)	
2 фаза 1 симптом	неадекватное избирательное эмоциональное реагирование (2ф 1с)	
2 фаза 2 симптом	эмоционально-нравственная дезориентация (2ф 2с)	
2 фаза 3 симптом	расширение сферы экономии эмоций (2ф 3с)	
2 фаза 4 симптом	редукция профессиональных обязанностей (2ф 4с)	
2 фаза	«резистенция» (2 фаза)	
3 фаза 1 симптом	эмоциональный дефицит (3ф 1с)	
3 фаза 2 симптом	эмоциональная отстраненность (3ф 2с)	
3 фаза 3 симптом	личностная отстраненность (деперсонализация) (3ф 3с)	
3 фаза 4 симптом	психосоматические и психовегетативные нарушения (3ф 4с)	
3 фаза	«истощение» (3 фаза)	
«Диагностика показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки» (в адаптации А.К. Осницкого) (Практическая психодиагностика, 2001, С. 174–180)		
ФА	физическая агрессия	подсчитывается сумма баллов для каждого показателя
КА	косвенная агрессия	
Р	раздражение	
Н	негативизм	
О	обида	
П	подозрительность	
ВА	вербальная агрессия	
ЧВ	чувство вины	
АР	агрессивные реакции (ФА+КА+ВА)	
ВР	враждебные реакции (О+П)	
ОР	особые реакции (Р+Н+ЧВ)	
Опросник для диагностики симптомов ПТСР И.О. Котенева (в адаптации Т.Н. Гуренковой, О.Ю. Голубевой) (Посттравматическое стрессовое расстройство, 2015, С. 468–473)		
шкала А	событие травмы	подсчитывается сумма баллов для каждого показателя
шкала В	повторное переживание травмы — вторжение	
шкала С	избегание	
шкала D	гиперактивация	
шкала F	дистресс и дезадаптация	
ПТСР	посттравматическое стрессовое расстройство	
«Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний» (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич) (Клиническая и медицинская психология: практическое руководство, 1998, С. 545–552)		
Т	тревога и депрессия	подсчитывается сумма баллов для каждого показателя с дальнейшим переводом в диагностические коэффициенты
НД	невротическая депрессия	
А	астения	
ИТР	истерический тип реагирования	
ОФН	обсессивно-фобические нарушения	
ВН	вегетативные нарушения	
Психофизиологическая сфера		
«Вариационная кардиоинтервалометрия» по Р.М. Баевскому (ВКМ) (Баевский, Иванов, 2000, С. 123–126)	уровень функционального состояния вегетативной нервной системы по параметрам variability сердечной деятельности (адаптационные возможности организма к воздействию неблагоприятных факторов окружающей среды)	оценивается уровень функционального состояния
Оценка скорости зрительно-моторной реакции (СЗМР) (Игнатова, Макарова и др., 2019, С. 38–47)	уровень быстродействия уровень безошибочности работоспособность в условиях повышенной концентрации внимания	оценка времени ответной реакции на световой стимул; подсчет количества ошибочных действий

Table 1. Indicators studied as part of the monitoring psychodiagnostic survey of specialists of the EMERCOM of Russia

Method	Studied indicators	
Cognitive sphere		
“Random access memory” (Big Encyclopedia of Psychological Tests, 2005, p. 212)	random access memory (RAM)	the total number of correct answers is calculated
“Establishing patterns” (Diagnostics of cognitive abilities. Methods and Tests, 2009, pp. 432–434)	reproductive thinking, the ability to make logical constructions, the speed of switching from one way of mental action to another (EP)	the total number of correct answers is calculated
Emotional sphere		
“Diagnostics of emotional burnout” (V.V. Boyko) (Practical psychodiagnostics, 2001, pp. 161–169)		
Phase 1 1 symptom	experiencing traumatic circumstances (1ph 1s)	the sum of points for each indicator is calculated
Phase 1 2 symptom	dissatisfaction with yourself (1ph 2s)	
Phase 1 3 symptom	“being trapped in a cage” (1ph 3s)	
Phase 1 4 symptom	anxiety and depression (1ph 4s)	
Phase 1	“tension” (1 phase)	
Phase 2 1 symptom	inadequate selective emotional response (2ph 1s)	
Phase 2 2 symptom	emotional and moral disorientation (2ph 2s)	
Phase 2 3 symptom	expanding the sphere of saving emotions (2ph 3s)	
Phase 2 4 symptom	reduction of professional responsibilities (2ph 4s)	
Phase 2	“resistance” (2 phase)	
Phase 3 1 symptom	emotional deficit (3ph 1s)	
Phase 3 2 symptom	emotional detachment (3ph 2s)	
Phase 3 3 symptom	personal detachment (depersonalization) (3ph 3s)	
Phase 3 4 symptom	psychosomatic and psychovegetative disorders (3ph 4s)	
Phase 3	“exhaustion” (3 phase)	
“Diagnostics of indicators and forms of aggression by A. Bass and A. Darki” (in adaptation by A.K. Osnitsky) (Practical Psychodiagnostics, 2001, pp. 174–180)		
PA	physical aggression	the sum of points for each indicator is calculated
IA	indirect aggression	
I	irritation	
N	negativism	
R	resentment	
S	suspicion	
VA	verbal aggression	
FG	feeling guilty	
AR	aggressive reactions (PA+IA+VA)	
HR	hostile reactions (R+S)	
SR	special reactions (I+N+FG)	
Questionnaire for the diagnosis of symptoms of PTSD I.O. Koteneva (adapted by T.N. Gurenkova, O.Y. Golubeva) (Post-traumatic stress disorder, 2015, pp. 468–473)		
scale A	injury event	the sum of points for each indicator is calculated
scale B	reliving the trauma is an invasion	
scale C	avoidance	
scale D	hyperactivation	
scale F	distress and maladaptation	
PTSD	post-traumatic stress disorder	
“Clinical questionnaire for the identification and evaluation of neurotic conditions” (K.K. Yakhin, D.M. Mendelevich) (Clinical and medical Psychology: practical guide, 1998, pp. 545–552)		
An	anxiety and depression	the sum of points for each indicator is calculated with further translation into diagnostic coefficients
ND	neurotic depression	
As	asthenia	
HTR	hysterical type of reaction	
OPD	obsessive-phobic disorders	
VD	vegetative disorders	
Psychophysiological sphere		
“Variational cardiointervalometry” by R.M. Baevsky (VKM) (Baevsky, Ivanov, 2000, pp. 123–126)	the level of the functional state of the autonomic nervous system according to the parameters of variability of cardiac activity (adaptive capabilities of the body to the effects of adverse environmental factors)	the level of functional state is assessed
Assessment of the speed of visual-motor reaction (SVMR) (Ignatova, Makarova et al., 2019, pp. 38–47)	performance level the level of error-free working capacity in conditions of increased concentration of attention	estimation of the response time to a light stimulus; calculation of the number of erroneous actions

Таблица 2. Присвоение качественной оценки в зависимости от уровня выраженности изучаемых показателей

Показатели по сферам*	Качественная оценка в зависимости от уровня выраженности показателей		
	«0»	«1»	«2»
Когнитивная сфера	средний уровень	уровень ниже среднего	низкий уровень
	уровень выше среднего		
	высокий уровень		
Эмоциональная сфера	средний уровень	уровень выше среднего	высокий уровень
	уровень ниже среднего		
	низкий уровень		

* Показатели психофизиологической сферы рассматривались отдельно

Таблица 3. Результаты по изучению психофизиологической сферы

Показатель	М	σ
уровень функционального состояния	3,2	1,44
уровень бысродействия	3,7	1,11
уровень безошибочности	3,0	1,44
работоспособность в условиях повышенной концентрации внимания	2,8	1,37

Таблица 4. Распределение показателей психофизиологической сферы по группам

Показатель	Уровень выраженности		
	1 группа	2 группа	3 группа*
Уровень функционального состояния	допустимое	допустимое	допустимое
	близкое к оптимальному	предельно допустимое	предельно допустимое
	оптимальное	негативное критическое	негативное критическое
Уровень бысродействия	средний	средний	средний
	выше среднего	ниже среднего	ниже среднего
	высокий	низкий	низкий
Уровень безошибочности	средний	средний	средний
	выше среднего	ниже среднего	ниже среднего
	высокий	низкий	низкий
Уровень работоспособности в условиях повышенной концентрации внимания	средний	средний	средний
	выше среднего	сниженный	сниженный
	высокий	низкий	низкий

* Полученные результаты необходимо рассматривать только в сочетании с результатами по показателям когнитивной и эмоциональной сфер

Table 2. Assignment of a qualitative assessment depending on the level of severity of the studied indicators

Indicators by sphere*	Qualitative assessment depending on the level of severity of indicators		
	“0”	“1”	“2”
Cognitive sphere	average level	the level is below average	low level
	above average level		
	high level		
Emotional sphere	average level	above average level	high level
	the level is below average		
	low level		

* Indicators of the psychophysiological sphere were considered separately

Table 3. Results of the study of the psychophysiological sphere

Indicator	М	σ
functional state level	3.2	1.44
performance level	3.7	1.11
the level of error-free	3.0	1.44
working capacity in conditions of increased concentration of attention	2.8	1.37

Table 4. Distribution of indicators of the psychophysiological sphere by groups

Indicator	The level of manifestation		
	Group 1	Group 2	Group 3*
functional state level	acceptable	acceptable	acceptable
	close to optimal	maximum permissible	maximum permissible
	optimal	negative critical	negative critical
performance level	average	average	average
	above average	below average	below average
	high	low	low
the level of error-free	average	average	average
	above average	below average	below average
	high	low	low
the level of efficiency in conditions of increased concentration of attention	average	average	average
	above average	reduced	reduced
	high	low	low

* The results obtained should be considered only in combination with the results in terms of cognitive and emotional spheres

Таблица 5. Распределение изучаемых показателей по кластерам*

Показатели	1 кластер (n = 216)		2 кластер (n = 2352)		3 кластер (n = 411)	
	M	σ	M	σ	M	σ
ОП	33,02	6,52	31,78	7,95	33,02	7,21
УЗ	11,96	2,75	10,84	3,62	9,94	3,24
1ф 1с	2,92	1,32	4,40	3,34	8,90	7,09
1ф 2с	3,10	1,60	3,85	2,96	6,15	4,97
1ф 3с	1,84	0,53	3,74	1,94	6,41	6,12
1ф 4с	2,36	1,12	4,06	3,37	9,02	5,94
1 фаза	6,41	4,58	11,57	9,67	30,07	15,72
2ф 1с	7,57	5,96	13,86	5,86	18,44	5,77
2ф 2с	7,13	4,85	10,11	5,80	13,33	6,40
2ф 3с	1,96	1,02	3,26	2,51	7,24	6,39
2ф 4с	4,75	4,05	9,63	6,39	16,10	6,68
2 фаза	19,75	10,16	36,09	11,25	55,07	11,55
3ф 1с	5,00	4,14	5,98	5,51	11,42	7,23
3ф 2с	6,39	3,60	8,19	4,21	10,68	5,89
3ф 3с	1,60	0,70	2,94	2,18	7,79	6,29
3ф 4с	2,07	0,78	2,85	2,36	6,42	4,71
3 фаза	11,94	6,88	18,63	8,11	36,24	14,93
ФА	4,41	2,05	5,16	2,12	5,54	1,97
КА	2,60	1,43	3,46	1,53	4,42	1,70
Р	1,72	1,53	3,35	1,78	4,48	1,98
Н	1,10	1,00	1,79	1,38	2,43	1,33
О	1,62	1,25	2,83	1,52	4,40	1,62
П	2,02	1,62	3,39	1,88	4,61	1,93
ВА	5,24	2,27	6,16	2,30	7,02	2,45
ЧВ	3,94	1,78	5,15	1,66	6,26	1,68
АР	12,25	4,17	14,78	4,34	16,83	4,26
ВР	3,63	2,43	6,22	2,76	8,95	2,87
ОР	6,66	2,99	10,29	3,23	12,97	3,25
шкала А	5,96	2,46	7,16	2,66	8,15	2,96
шкала В	13,31	2,98	18,45	4,16	22,01	5,38
шкала С	16,84	3,19	21,99	4,21	28,23	6,03
шкала D	19,52	4,04	28,02	5,29	34,88	7,17
шкала F	7,46	1,70	10,61	2,71	14,13	3,26
ПТСР	62,79	9,50	86,28	11,75	107,52	17,08
T**	7,24	1,76	5,41	2,40	3,32	2,94
НД**	6,81	1,46	4,70	2,38	1,83	3,09
A**	9,08	1,27	7,32	2,19	4,74	2,87
ИТР**	6,30	1,37	4,67	2,21	2,97	2,96
ОФН**	5,08	1,40	3,61	2,01	2,50	1,68
ВН**	13,43	2,72	10,45	4,06	7,08	4,83

* Показатели психофизиологической сферы рассматривались отдельно; ** Некоторые величины показателей могут принимать отрицательные значения

Table 5. Distribution of the studied indicators by clusters*

Indicators	1 Cluster (n = 216)		2 Cluster (n = 2352)		3 Cluster (n = 411)	
	M	σ	M	σ	M	σ
RAM	33.02	6.52	31.78	7.95	33.02	7.21
EP	11.96	2.75	10.84	3.62	9.94	3.24
1ph 1s	2.92	1.32	4.40	3.34	8.90	7.09
1ph 2s	3.10	1.60	3.85	2.96	6.15	4.97
1ph 3s	1.84	0.53	3.74	1.94	6.41	6.12
1ph 4s	2.36	1.12	4.06	3.37	9.02	5.94
Phase 1	6.41	4.58	11.57	9.67	30.07	15.72
2ph 1s	7.57	5.96	13.86	5.86	18.44	5.77
2ph 2s	7.13	4.85	10.11	5.80	13.33	6.40
2ph 3s	1.96	1.02	3.26	2.51	7.24	6.39
2ph 4s	4.75	4.05	9.63	6.39	16.10	6.68
Phase 2	19.75	10.16	36.09	11.25	55.07	11.55
3ph 1s	5.00	4.14	5.98	5.51	11.42	7.23
3ph 2s	6.39	3.60	8.19	4.21	10.68	5.89
3ph 3s	1.60	0.70	2.94	2.18	7.79	6.29
3ph 4s	2.07	0.78	2.85	2.36	6.42	4.71
Phase 3	11.94	6.88	18.63	8.11	36.24	14.93
PA	4.41	2.05	5.16	2.12	5.54	1.97
IA	2.60	1.43	3.46	1.53	4.42	1.70
I	1.72	1.53	3.35	1.78	4.48	1.98
N	1.10	1.00	1.79	1.38	2.43	1.33
R	1.62	1.25	2.83	1.52	4.40	1.62
S	2.02	1.62	3.39	1.88	4.61	1.93
VA	5.24	2.27	6.16	2.30	7.02	2.45
FG	3.94	1.78	5.15	1.66	6.26	1.68
AR	12.25	4.17	14.78	4.34	16.83	4.26
HR	3.63	2.43	6.22	2.76	8.95	2.87
SR	6.66	2.99	10.29	3.23	12.97	3.25
scale A	5.96	2.46	7.16	2.66	8.15	2.96
scale B	13.31	2.98	18.45	4.16	22.01	5.38
scale C	16.84	3.19	21.99	4.21	28.23	6.03
scale D	19.52	4.04	28.02	5.29	34.88	7.17
scale F	7.46	1.70	10.61	2.71	14.13	3.26
PTSD	62.79	9.50	86.28	11.75	107.52	17.08
An**	7.24	1.76	5.41	2.40	3.32	2.94
ND**	6.81	1.46	4.70	2.38	1.83	3.09
As**	9.08	1.27	7.32	2.19	4.74	2.87
HTR**	6.30	1.37	4.67	2.21	2.97	2.96
OPD**	5.08	1.40	3.61	2.01	2.50	1.68
VD**	13.43	2.72	10.45	4.06	7.08	4.83

* Indicators of the psychophysiological sphere were considered separately; ** Some values of indicators can take negative values

Таблица 6. Статистически значимые различия между кластерами (по Манну–Уитни)

Показатели	1 кластер и 2 кластер			1 кластер и 3 кластер			2 кластер и 3 кластер		
	ср. ранг (1)	ср. ранг (2)	p	ср. ранг (1)	ср. ранг (3)	p	ср. ранг (2)	ср. ранг (3)	p
ОП	525,10	493,44	0,085	356,40	346,09	0,565	345,94	317,98	0,098
УЗ	488,93	414,30	0,000	316,06	209,19	0,000	254,60	210,34	0,007
1ф 1с	428,75	599,11	0,000	285,15	555,64	0,000	281,05	456,06	0,000
1ф 2с	453,15	572,34	0,000	298,40	512,33	0,000	291,19	425,80	0,000
1ф 3с	442,32	584,23	0,000	293,33	528,89	0,000	286,97	438,39	0,000
1ф 4с	425,26	602,94	0,000	283,38	561,44	0,000	278,29	464,28	0,000
1 фаза	384,81	647,29	0,000	273,84	592,62	0,000	266,22	500,26	0,000
2ф 1с	378,79	653,90	0,000	284,28	558,50	0,000	290,46	427,99	0,000
2ф 2с	436,56	590,55	0,000	302,98	497,34	0,000	300,35	398,51	0,000
2ф 3с	444,94	581,36	0,000	290,46	538,28	0,000	283,38	449,09	0,000
2ф 4с	382,67	649,64	0,000	279,64	573,67	0,000	283,30	449,33	0,000
2 фаза	337,76	698,89	0,000	268,82	609,04	0,000	262,99	509,90	0,000
3ф 1с	461,55	563,13	0,000	302,36	499,36	0,000	290,02	429,31	0,000
3ф 2с	446,66	579,46	0,000	311,29	470,18	0,000	306,43	380,36	0,000
3ф 3с	443,35	583,09	0,000	284,94	556,33	0,000	276,65	469,15	0,000
3ф 4 с	421,84	606,69	0,000	282,57	564,09	0,000	278,39	463,98	0,000
3 фаза	396,56	364,56	0,000	274,21	591,43	0,000	265,02	503,85	0,000
ФА	460,53	564,25	0,000	323,23	431,13	0,000	316,90	349,15	0,055
КА	430,57	597,11	0,000	300,46	505,58	0,000	298,28	404,65	0,000
Р	384,87	647,24	0,000	289,62	541,04	0,000	298,63	403,63	0,000
Н	427,97	599,96	0,000	301,31	502,80	0,000	302,96	390,71	0,000
О	398,67	632,10	0,000	283,53	560,96	0,000	282,73	451,03	0,000
П	407,65	622,25	0,000	292,36	532,07	0,000	296,01	411,44	0,000
ВА	455,56	569,71	0,000	315,97	454,88	0,000	308,96	372,82	0,000
ЧВ	418,61	610,22	0,000	295,24	522,66	0,000	295,66	412,47	0,000
АР	431,56	596,02	0,000	300,81	488,35	0,000	299,37	380,47	0,000
ВР	383,51	648,73	0,000	280,55	560,34	0,000	280,45	442,44	0,000
ОР	366,54	667,34	0,000	278,94	566,09	0,000	284,45	428,81	0,000
шкала А	446,33	579,83	0,000	313,89	461,67	0,000	309,72	370,57	0,000
шкала В	341,22	695,10	0,000	279,94	572,69	0,000	291,71	424,25	0,000
шкала С	343,27	692,86	0,000	272,58	596,75	0,000	273,47	478,65	0,000
шкала D	317,69	720,91	0,000	272,21	597,97	0,000	278,89	462,49	0,000
шкала F	342,21	694,01	0,000	273,32	594,34	0,000	275,47	472,68	0,000
ПТСР	294,79	746,03	0,000	269,28	607,54	0,000	267,02	497,88	0,000
Т*	625,01	383,87	0,000	410,53	145,66	0,000	359,56	221,96	0,000
НД*	657,36	348,38	0,000	420,49	113,10	0,000	370,34	189,82	0,000
А*	641,08	366,24	0,000	419,43	116,56	0,000	370,07	190,62	0,000
ИТР*	637,22	370,48	0,000	411,21	143,44	0,000	355,86	232,98	0,000
ОФН*	625,09	383,78	0,000	411,98	140,93	0,000	363,76	209,42	0,000
ВН*	627,90	380,70	0,000	413,41	136,26	0,000	362,12	214,33	0,000

*Некоторые величины показателей могут принимать отрицательные значения

Table 6. Statistically significant differences between clusters (according to Mann–Whitney)

Indicators	1 Cluster и 2 Cluster			1 Cluster и 3 Cluster			2 Cluster и 3 Cluster		
	average rank (1)	average rank (2)	P	average rank (1)	average rank (3)	P	average rank (2)	average rank (3)	P
RAM	525.10	493.44	0.085	356.40	346.09	0.565	345.94	317.98	0.098
EP	488.93	414.30	0.000	316.06	209.19	0.000	254.60	210.34	0.007
1ph 1s	428.75	599.11	0.000	285.15	555.64	0.000	281.05	456.06	0.000
1ph 2s	453.15	572.34	0.000	298.40	512.33	0.000	291.19	425.80	0.000
1ph 3s	442.32	584.23	0.000	293.33	528.89	0.000	286.97	438.39	0.000
1ph 4s	425.26	602.94	0.000	283.38	561.44	0.000	278.29	464.28	0.000
Phase 1	384.81	647.29	0.000	273.84	592.62	0.000	266.22	500.26	0.000
2ph 1s	378.79	653.90	0.000	284.28	558.50	0.000	290.46	427.99	0.000
2ph 2s	436.56	590.55	0.000	302.98	497.34	0.000	300.35	398.51	0.000
2ph 3s	444.94	581.36	0.000	290.46	538.28	0.000	283.38	449.09	0.000
2ph 4s	382.67	649.64	0.000	279.64	573.67	0.000	283.30	449.33	0.000
Phase 2	337.76	698.89	0.000	268.82	609.04	0.000	262.99	509.90	0.000
3ph 1s	461.55	563.13	0.000	302.36	499.36	0.000	290.02	429.31	0.000
3ph 2s	446.66	579.46	0.000	311.29	470.18	0.000	306.43	380.36	0.000
3ph 3s	443.35	583.09	0.000	284.94	556.33	0.000	276.65	469.15	0.000
3ph 4s	421.84	606.69	0.000	282.57	564.09	0.000	278.39	463.98	0.000
Phase 3	396.56	364.56	0.000	274.21	591.43	0.000	265.02	503.85	0.000
PA	460.53	564.25	0.000	323.23	431.13	0.000	316.90	349.15	0.055
IA	430.57	597.11	0.000	300.46	505.58	0.000	298.28	404.65	0.000
I	384.87	647.24	0.000	289.62	541.04	0.000	298.63	403.63	0.000
N	427.97	599.96	0.000	301.31	502.80	0.000	302.96	390.71	0.000
R	398.67	632.10	0.000	283.53	560.96	0.000	282.73	451.03	0.000
S	407.65	622.25	0.000	292.36	532.07	0.000	296.01	411.44	0.000
VA	455.56	569.71	0.000	315.97	454.88	0.000	308.96	372.82	0.000
FG	418.61	610.22	0.000	295.24	522.66	0.000	295.66	412.47	0.000
AR	431.56	596.02	0.000	300.81	488.35	0.000	299.37	380.47	0.000
HR	383.51	648.73	0.000	280.55	560.34	0.000	280.45	442.44	0.000
SR	366.54	667.34	0.000	278.94	566.09	0.000	284.45	428.81	0.000
scale A	446.33	579.83	0.000	313.89	461.67	0.000	309.72	370.57	0.000
scale B	341.22	695.10	0.000	279.94	572.69	0.000	291.71	424.25	0.000
scale C	343.27	692.86	0.000	272.58	596.75	0.000	273.47	478.65	0.000
scale D	317.69	720.91	0.000	272.21	597.97	0.000	278.89	462.49	0.000
scale F	342.21	694.01	0.000	273.32	594.34	0.000	275.47	472.68	0.000
PTSD	294.79	746.03	0.000	269.28	607.54	0.000	267.02	497.88	0.000
An*	625.01	383.87	0.000	410.53	145.66	0.000	359.56	221.96	0.000
ND*	657.36	348.38	0.000	420.49	113.10	0.000	370.34	189.82	0.000
As*	641.08	366.24	0.000	419.43	116.56	0.000	370.07	190.62	0.000
HTR*	637.22	370.48	0.000	411.21	143.44	0.000	355.86	232.98	0.000
OPD*	625.09	383.78	0.000	411.98	140.93	0.000	363.76	209.42	0.000
VD*	627.90	380.70	0.000	413.41	136.26	0.000	362.12	214.33	0.000

* Some values of indicators can take negative values

Таблица 7. Количество и содержание полученных факторов

№	Название фактора (% дисперсии)	Показатели, нагружающие фактор (нагрузка)
1	Функциональные расстройства психогенного характера (15,4%)	1. ВН (0,826) 2. ОФН (0,762) 3. ИТР (0,753) 4. Т (0,730) 5. НД (0,714) 6. А (0,708)
2	Травматическое событие (10,4%)	1. ПТСР (0,933) 2. Шкала С (0,730) 3. Шкала D (0,701) 4. Шкала В (0,622) 5. Шкала F (0,598)
3	Агрессивные реакции (8,6%)	1. АР (0,953) 2. ВА (0,703) 3. ФА (0,688) 4. КА (0,606)
4	Враждебные реакции (6,3%)	1. ВР (0,937) 2. П (0,793) 3. О (0,711) 4. ЧВ (0,549)
5	Снижение эмоционального фона (5,9%)	1. 3 фаза (0,916) 2. 3ф 3с (0,767) 3. 3ф 2с (0,629) 4. 3ф 1с (0,591)
6	Напряжение и тревога (5,2%)	1. 1 фаза (0,885) 2. 1ф 4с (0,795) 3. 1ф 1с (0,763)
7	Резистенция (4,2%)	1. 2 фаза (0,813) 2. 2ф 4с (0,757) 3. 2ф 1с (0,611)
8	Раздражение (3,8%)	1. 2ф 2с (0,637) 2. ОР (0,568) 3. Р (0,521)
9	Экономия эмоций (3,4%)	1. 2ф 3с (0,794) 2. 3ф 4с (0,658)
10	Познавательные процессы (3,3%)	1. ОП (0,734) 2. УЗ (0,725)

Table 7. The number and content of the factors obtained

№	Name of the factor (% variances)	Indicators, included in the factor (load)
1	Functional disorders of a psychogenic nature (15.4%)	1. VD (0.826) 2. OPD (0.762) 3. HTR (0.753) 4. An (0.730) 5. ND (0.714) 6. As (0.708)
2	Traumatic event (10.4%)	1. PTSD (0.933) 2. scale C (0.730) 3. scale D (0.701) 4. scale B (0.622) 5. scale F (0.598)
3	Aggressive reactions (8.6%)	1. AR (0.953) 2. VA (0.703) 3. PA (0.688) 4. IA (0.606)
4	Hostile reactions (6.3%)	1. HR (0.937) 2. S (0.793) 3. R (0.711) 4. FG (0.549)
5	Reduction of emotional background (5.9%)	1. Phase 3 (0.916) 2. 3ph 3s (0.767) 3. 3ph 2s (0.629) 4. 3 ph 1s (0.591)
6	Tension and anxiety (5.2%)	1. Phase 1 (0.885) 2. 1ph 4s (0.795) 3. 1ph 1s (0.763)
7	Resistance (4.2%)	1. Phase 2 (0.813) 2. 2ph 4s (0.757) 3. 2ph 1s (0.611)
8	Irritation (3.8%)	1. 2ph 2s (0.637) 2. SR (0.568) 3. I (0.521)
9	Saving emotions (3.4%)	1. 2ph 3s (0.794) 2. 3ph 4s (0.658)
10	Cognitive processes (3.3%)	1. RAM (0.734) 2. EP (0.725)

но, либо снижаются в определенных значимых для человека ситуациях и имеют возможность к восстановлению; при этом обследуемые специалисты МЧС России отмечают у себя определенного рода дискомфорт, как правило, в лично значимых и стрессовых ситуациях. В третью группу входят специалисты МЧС России, у которых наблюдаются существенные изменения в когнитивной и эмоциональной сферах, при этом эти изменения человек сам у себя замечает, причем ощущается выраженный дискомфорт, оказывающий влияние на выполнение поставленных задач в профессиональной деятельности, а также подобное психологическое неблагополучие часто оказывает негативное влияние на взаимодействие с окружающими людьми и вне профессиональной деятельности. Адаптационные возможности сами не восстанавливаются и требуется вмешательство специалиста-психолога.

Что касается показателей психофизиологической сферы, то распределение по группам, в зависимости от уровня выраженности изучаемых показателей, отражено в табл. 4.

Все вышесказанное распределение по группам подтверждается и кластерным анализом — методом, используемым для классификации объектов изучения (в частности, обследуемых специалистов МЧС России) в относительно гомогенные, однородные группы — кластеры, то есть объединения элементов, характеризующихся общим свойством (Наследов, 2008, С. 329). Главной целью кластерного анализа является нахождение групп схожих объектов в эмпирической выборке. Целью проведения кластерного анализа в настоящем эмпирическом исследовании явилось определение, каким образом и по каким показателям распределяются обследуемые специалисты МЧС Рос-

сии по кластерам. С помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics Version 21 было проведено разделение на 3 кластера методом «К-средних», заключающемся в разделении по заданным переменным всех изучаемых объектов на заданное число кластеров так, чтобы средние значения для кластеров по каждой из переменных максимально различались (Наследов, 2013, С. 273). Такое количество кластеров было выделено в связи с тем, что по результатам мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России выделяются 3 группы, определяющие необходимость и специфику психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий: 1 группа — «состояние, не требующее коррекции», 2 группа — «психологическая профилактика», 3 группа — «психологическая коррекция». Анализ прове-

денной кластеризации показал, что каждый из трех кластеров содержит все изучаемые показатели когнитивной и эмоциональной сфер, но лишь с различным уровнем выраженности (табл. 5).

Далее, по результатам анализа кластеров, был применен непараметрический U-критерий Манна-Уитни для установления различий между кластерами (Наследов, 2008, С. 173–74). В данном случае кластеры попеременно сравнивались между собой для определения различий между изучаемыми показателями (табл. 6).

По результатам анализа проведенного сравнения кластеров между собой со статистической достоверностью $p \leq 0,05$ подтверждены различия между кластерами, за исключением показателя когнитивной сферы, направленного на изменения памяти.

Таблица 8. Взаимосвязь показателей, отражающих признаки эмоционального выгорания

Показатели	ФА	КА	Р	Н	О	П	ВА	ЧВ	ВР	АР	ОР
1ф 1с	0,11**	0,21**	0,33**	0,25**	0,35**	0,32**	0,18**	0,29**	0,38**	0,21**	0,39**
1ф 2с	0,08**	0,13**	0,26**	0,20**	0,29**	0,27**	0,10**	0,21**	0,32**	0,14**	0,30**
1ф 3с	0,08**	0,18**	0,34**	0,23**	0,34**	0,28**	0,14**	0,20**	0,36**	0,18**	0,34**
1ф 4с	0,12**	0,20**	0,31**	0,22**	0,39**	0,35**	0,18**	0,42**	0,42**	0,21**	0,44**
фаза 1	0,12**	0,24**	0,42**	0,30**	0,47**	0,40**	0,19**	0,38**	0,50**	0,24**	0,49**
2ф 1с	0,20**	0,26**	0,41**	0,34**	0,36**	0,30**	0,23**	0,29**	0,38**	0,30**	0,45**
2ф 2с	0,07**	0,13**	0,19**	0,16**	0,16**	0,16**	0,06*	0,02**	0,19**	0,10**	0,17**
2ф 3с	0,02**	0,21**	0,33**	0,20**	0,25**	0,27**	0,09**	0,21**	0,31**	0,13**	0,34**
2ф 4с	0,14**	0,24**	0,36**	0,26**	0,36**	0,33**	0,20**	0,28**	0,40**	0,25**	0,40**
фаза 2	0,18**	0,31**	0,48**	0,37**	0,43**	0,39**	0,23**	0,30**	0,47**	0,31**	0,51**
3ф 1с	0,05*	0,15**	0,24**	0,17**	0,21**	0,21**	0,06**	0,07**	0,24**	0,11**	0,21**
3ф 2с	0,14**	0,10**	0,12**	0,16**	0,16**	0,15**	0,12**	0,02**	0,18**	0,16**	0,13**
3ф 3с	0,12**	0,24**	0,36**	0,27**	0,41**	0,38**	0,19**	0,31**	0,45**	0,24**	0,42**
3ф 4с	0,08**	0,26**	0,34**	0,24**	0,41**	0,34**	0,17**	0,35**	0,43**	0,22**	0,42**
фаза 3	0,14**	0,26**	0,38**	0,30**	0,40**	0,37**	0,18**	0,22**	0,44**	0,25**	0,40**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Table 8. Relationship of indicators reflecting signs of emotional burnout

Indicators	PA	IA	I	N	R	S	VA	FG	HR	AR	SR
1ph 1s	0.11**	0.21**	0.33**	0.25**	0.35**	0.32**	0.18**	0.29**	0.38**	0.21**	0.39**
1ph 2s	0.08**	0.13**	0.26**	0.20**	0.29**	0.27**	0.10**	0.21**	0.32**	0.14**	0.30**
1ph 3s	0.08**	0.18**	0.34**	0.23**	0.34**	0.28**	0.14**	0.20**	0.36**	0.18**	0.34**
1ph 4s	0.12**	0.20**	0.31**	0.22**	0.39**	0.35**	0.18**	0.42**	0.42**	0.21**	0.44**
Phase 1	0.12**	0.24**	0.42**	0.30**	0.47**	0.40**	0.19**	0.38**	0.50**	0.24**	0.49**
2ph 1s	0.20**	0.26**	0.41**	0.34**	0.36**	0.30**	0.23**	0.29**	0.38**	0.30**	0.45**
2ph 2s	0.07**	0.13**	0.19**	0.16**	0.16**	0.16**	0.06*	0.02**	0.19**	0.10**	0.17**
2ph 3s	0.02**	0.21**	0.33**	0.20**	0.25**	0.27**	0.09**	0.21**	0.31**	0.13**	0.34**
2ph 4s	0.14**	0.24**	0.36**	0.26**	0.36**	0.33**	0.20**	0.28**	0.40**	0.25**	0.40**
Phase 2	0.18**	0.31**	0.48**	0.37**	0.43**	0.39**	0.23**	0.30**	0.47**	0.31**	0.51**
3ph 1s	0.05*	0.15**	0.24**	0.17**	0.21**	0.21**	0.06**	0.07**	0.24**	0.11**	0.21**
3ph 2s	0.14**	0.10**	0.12**	0.16**	0.16**	0.15**	0.12**	0.02**	0.18**	0.16**	0.13**
3ph 3s	0.12**	0.24**	0.36**	0.27**	0.41**	0.38**	0.19**	0.31**	0.45**	0.24**	0.42**
3ph 4s	0.08**	0.26**	0.34**	0.24**	0.41**	0.34**	0.17**	0.35**	0.43**	0.22**	0.42**
Phase 3	0.14**	0.26**	0.38**	0.30**	0.40**	0.37**	0.18**	0.22**	0.44**	0.25**	0.40**

* Correlation is significant at 0.05 (two-way); ** Correlation is significant at 0.01 (two-way)

В связи с тем, что в выделенную 3 группу входят специалисты МЧС России, имеющие существенные негативные изменения со стороны когнитивной, эмоциональной и психофизиологической сфер и сниженные адаптационные возможности организма, что является показанием к психологической коррекции, то необходимо понять, какие именно психологические и психофизиологические проявления подлежат коррекции и восстановлению у каждого конкретного специалиста МЧС России.

В рамках определения направления коррекционного воздействия на личный состав МЧС России, входящим в 3 группу, была определена структура показателей, подлежащих коррекционному воздействию. С этой целью использовался факторный анализ, предназначенный для установления из большого числа исходных показателей узкий набор переменных, связанных между собой (IBM SPSS Statistics Version 21). Критерий Бартлетта ($p = 0,000$) характеризует оптимальную адекватность и статистически достоверные результаты имеющихся данных ($p < 0,05$), что говорит о применимости факторного анализа. Для установления числа и содержания факторов, показатели, входящие в 3 группу, подверглись анализу по методу «Главных компонент» (способу сокращения величины показателей) и вращению по методу «Варимакс», при котором полученные факторы остаются независимыми по отношению друг к другу. В результате получена матрица факторных нагрузок, где мерой включения показателя в фактор было значение факторной нагрузки более 0,5, являющимся большим (Наследов, 2013, С. 261). Получено 10 факторов, с собственным значением более 1, и объясняющие более 66% совокупной дисперсии (табл. 7).

Анализируя табл. 7, можно заключить, что содержание полученных факторов состоит из разнонаправленных свойств. Однако, анализируя структуру показателей 3 группы и наполняющих каждый фактор, можно сказать, что некоторые показатели, входящие в разные факторы, могут иметь идентичную направленность и внутреннее содержание, но при этом нагружать разные факторы. Для подтверждения данного предположения был проведен анализ корреляционных связей между всеми изучаемыми показателями, в том числе и наполняющими разные факторы (Спирмен — IBM SPSS Statistics Version 21).

По результатам проведенного корреляционного анализа изучаемые показатели распределились по 5 блокам:

1 блок — совокупность показателей, отражающих познавательные процессы (10 фактор);

2 блок — совокупность показателей, отражающих психосоматические и психовегетативные изменения (1 фактор). Однако, в данный блок входит показатель «3 фаза 4 симптом» — «психосоматические и психовегетативные нарушения» (9 фактор), поскольку отражает выявляемые изменения, а также обнаруживает следующие корреляционные связи данного показателя с показателями 1 фактора: ВН ($r = -0,38$, $p = 0,01$), ИТР ($r = -0,45$, $p = 0,01$), НД ($r = -0,46$, $p = 0,01$), А ($r = -0,51$, $p = 0,01$).

3 блок — совокупность показателей, отражающих признаки эмоционального выгорания (5, 6, 7, 9 факторы). Однако, формирование эмоционального выгорания связано со многими психологическими проявлениями, в том числе и с конфликтностью, раздражительностью и несдержанностью, что может отражаться на профессиональной деятельности (Шагарова, Хорошевская, 2012). Таким образом, 3, 4 и 8 факторы можно объединить и включить в 3 блок. Для дополнительного обоснования такого включения проанализированы корреляционные связи и получены данные, отраженные в табл. 8.

4 блок — совокупность показателей, отражающих проявления тревожных и депрессивных проявлений (показатели 1 фактора и 2 фактора, 1 фаза 4 симптом — 6 фактор). Обоснованием, определяющим включение этих показателей в данный блок, явилась взаимосвязь между ними (табл. 9).

5 блок — показатели, отражающие функциональное состояние и работоспособность (психофизиологическая сфера — ВКМ, СЗМР). Данные показатели выделены в отдельный блок в связи с тем, что сниженное функциональное состояние и работоспособность влияют на выполнение профессиональной деятельности и на ее эффективность, при этом, в свою очередь, негативные изменения в когнитивной и эмоциональной сферах влияют отрицательно на адаптационные возможности организма к воздействию неблагоприятных факторов окружающей среды. Это подтверждается и наличием корреляционных связей между изучаемыми показателями:

СЗМР: УЗ ($r = 0,21$, $p = 0,05$), 2 фаза 3 симптом ($r = -0,26$, $p = 0,01$), 2 фаза 4 симптом ($r = -0,21$, $p = 0,05$), ОФН ($r = 0,22$, $p = 0,05$);

Таблица 9. Взаимосвязь показателей, отражающих проявление тревожных и депрессивных проявлений

Показатели	Т	НД	А	ОФН	1ф 4 сим
шкала С	-0,41**	-0,53**	-0,49**	-0,43**	0,39**
шкала D	-0,54**	-0,59**	-0,59**	-0,49**	0,42**
шкала B	-0,45**	-0,48**	-0,48**	-0,45**	0,39**
шкала F	-0,42**	-0,56**	-0,52**	-0,40**	0,40**
ПТСР	-0,55**	-0,64**	-0,62**	-0,53**	0,47**
1ф 4с	-0,38**	-0,43**	-0,42**	-0,39**	1,00

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя);

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Table 9. The relationship of indicators reflecting the manifestation of anxiety and depressive manifestations

Indicators	An	ND	As	OPD	1ph 4s
scale C	-0.41**	-0.53**	-0.49**	-0.43**	0.39**
scale D	-0.54**	-0.59**	-0.59**	-0.49**	0.42**
scale B	-0.45**	-0.48**	-0.48**	-0.45**	0.39**
scale F	-0.42**	-0.56**	-0.52**	-0.40**	0.40**
PTSD	-0.55**	-0.64**	-0.62**	-0.53**	0.47**
1ph 4s	-0.38**	-0.43**	-0.42**	-0.39**	1.00

* Correlation is significant at 0.05 (two-way);

** Correlation is significant at 0.01 (two-way)

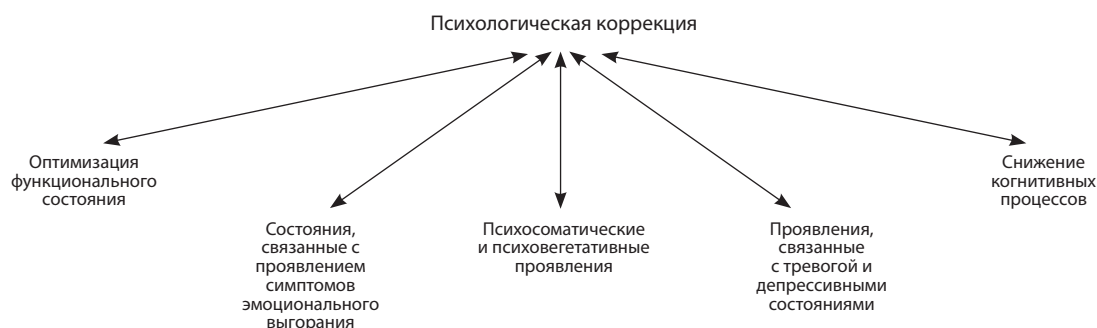

Рис. 2. Направления психологической коррекции со специалистами МЧС России, получившими 3 группу

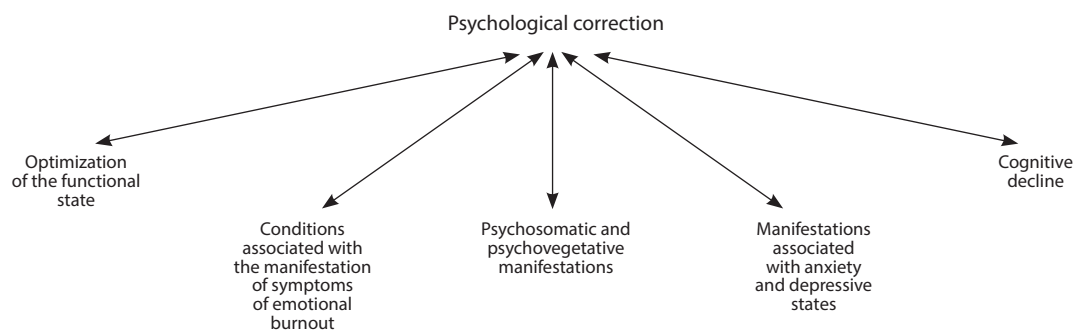

Fig. 2. Directions of psychological correction with specialists of EMERCOM of Russia, who received group 3

ВКМ: 1 фаза 4 симптом ($r = 0,10$, $p = 0,01$), А ($r = -0,08$, $p = 0,05$).

Таким образом, исходя из полученных результатов, можно выделить 5 направлений коррекционного воздействия со специалистами МЧС России, входящим в 3 группу. Направления воздействия зависят от выявленных нарушений/изменений как по отдельности, так и в сочетании друг с другом (рис. 2).

Обсуждение результатов

Полученные результаты проведенного исследования говорят о том, что специфика деятельности специалистов МЧС России влияет на их психологическое и психофизиологическое состояние. Таким образом, необходимо своевременное определение эмоционального состояния, психологической устойчивости, профессионального взаимодействия, поведения специалистов МЧС России в трудных для них ситуациях, а также других параметров. Одним из путей определения у специалистов МЧС России негативных последствий, связанных с профессиональной деятельностью, является проведение периодического мониторингового психодиагностического обследования, в рамках которого происходит определение количества и уровня выраженности изменяющихся психологических характеристик и показателей. Получены результаты, на основании которых выведены критерии, распределяющие обследуемых специалистов МЧС России на 3 группы — различия между группами заключаются в количестве и уровне выраженности изучаемых показателей: чем больше выявляется показателей, имеющих негативную направленность выра-

женности, тем ниже итоговая группа. Таким образом, 1 группа («состояние, не требующее коррекции») выставляется специалистам МЧС России, у которых или отсутствуют, или наблюдаются незначительные нарушения в когнитивной, эмоциональной, либо в психофизиологической сферах; 2 группа («психологическая профилактика») выставляется в случае выявления изменений средней степени выраженности в когнитивной, эмоциональной, психофизиологической сферах (при этом изменения возможны как в пределах одной сферы, так и по всем сферам одновременно); 3 группа («психологическая коррекция») выставляется при одновременном выявлении изменений средней и высокой степени выраженности в когнитивной, эмоциональной, психофизиологической сферах. Установлена структура и взаимосвязь между показателями, имеющими негативную выраженность и входящими в 3 группу, в результате чего данные показатели распределены по 5 блокам, которые позволяют определить направленность и содержание последующей психологической и психофизиологической коррекции. На основании полученных результатов были разработаны 5 комплексных программ коррекции: 1) программа коррекции памяти, внимания и других познавательных процессов; 2) программа коррекции психосоматических проявлений и состояний, связанных с работой вегетативной нервной системы; 3) программа коррекции состояний, связанных с наличием тревожных и депрессивных состояний; 4) программа коррекции состояний, связанных с проявлением эмоционального выгорания; 5) программа коррекции и оптимизации функционального состояния. Содержание программы для каждого специалиста МЧС России может корректироваться с учетом индивидуальных

противопоказаний к применению того или иного аппаратного метода психофизиологической коррекции.

Заключение

Своевременное определение у специалистов МЧС России негативных последствий, связанных с профессиональной деятельностью, играет важную роль, поскольку экстремальный характер их деятельности отражается на эффективном выполнении, точности и безошибочности решения поставленных задач, а также является фактором риска ухудшения профессионального здоровья. Проведенное эмпирическое исследование подтверждает необходимость своевременного проведения и выставления итоговой группы в рамках мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России, что позволяет получить за короткое время объективные данные и определить дальнейшие психопрофилактические и психокоррекционные мероприятия с каждым обследуемым специалистом МЧС России. Все это способствует дальнейшему поддержанию работоспособности и актуального (рабочего) функционального состояния, а также дальнейшему сохранению профессионального здоровья и долголетия личного состава МЧС России.

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Профессиональная деятельность специалистов МЧС России связана с неблагоприятными стресс-факторами, а также со значительными физическими и нервно-психическими нагрузками, что способствует развитию утомления, негативного функционального состояния, длительного психоэмоционального напряжения, снижению работоспособности, что определяет необходимость своевременной диагностики дезадаптивных расстройств с помощью мониторингового психодиагностического обследования.

2. Мониторинговое психодиагностическое обследование в системе МЧС России заключается в про-

ведении регулярного психологического и психофизиологического тестирования, направленного на динамическое наблюдение за психологическим состоянием специалистов МЧС России в процессе выполнения ими своих профессиональных обязанностей. При этом рекомендуется сочетать тестирование с индивидуальным собеседованием, поскольку их одновременное использование позволяет с большей эффективностью выявить характеристики, негативно влияющие на выполнение профессиональной деятельности данных специалистов.

3. Посредством использованных методов выведены критерии, на основании которых происходит распределение обследуемых специалистов МЧС России на 3 группы, определяющих необходимость и специфику психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий: 1 группа — состояние, не требующее коррекции, 2 группа — психологическая профилактика, 3 группа — психологическая коррекция. Различия между группами заключаются в количестве и уровне выраженности изучаемых показателей когнитивной, эмоциональной и психофизиологической сфер. Чем больше показателей с негативным уровнем выраженности, тем неблагоприятнее эмоциональное состояние человека и ниже выставляемая группа.

4. Полученные критерии, а также комплекс показателей, имеющих негативную выраженность и входящих в 3 группу («психологическая коррекция»), позволяют специалистам психологической службы МЧС России своевременно выявлять неблагоприятные изменения у специалистов МЧС России, связанные с профессиональной деятельностью.

5. Полученные результаты позволили разработать комплексные программы коррекции с учетом симптомокомплексов, выявленных у специалистов МЧС России. Для каждого обследуемого специалиста, вошедшего в 3 группу, программы коррекции подбираются и адаптируются в зависимости от актуального состояния, индивидуальных психологических и психофизиологических особенностей.

Литература:

- Адаптация к профессиональной деятельности. Физиология трудовой деятельности / Под ред. А.Ж. Юревича, В.С. Аверьянова, О.В. Виноградова и др. СПб.: Наука, 1993.
- Александр Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. М.: Эксмо, 2002.
- Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Щукин Б.П. Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991.
- Алехина С.В. Психологический мониторинг — инструмент развития образования // Вестник практической психологии образования. 2007. № 1. С. 70–72.
- Ашанина Е.Н., Кулаков Д.В. Теория и практика коррекции дезадаптивных нервно-психических состояний с помощью аудиовизуального воздействия и биологически обратной связи: Монография. Вып. 2. СПб.: Политехника-сервис, 2012.
- Баевский Р.М., Иванов Г.Г. Вариабельность сердечного ритма: теоретические аспекты и возможности клинического применения. М.: Институт медико-биологических проблем, ММА, 2000.
- Беляева Л.И. Психологические особенности экстремальных ситуаций правоохранительной деятельности // Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. М., 2001.
- Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.
- Бойко В.В. Энергия эмоций. СПб.: Питер, 2004.
- Большая энциклопедия психологических тестов / Сост. А.А. Карелин. М.: Эксмо, 2005.
- Вассерман Л.И., Березин М.А., Косенков Н.И. О системном подходе в оценке психической адаптации // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1994. № 3. С. 16–25.

- Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005.
- Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., Наследов А.Д. Стандартизированный опросник «профессиональное выгорание» для специалистов социэкономических профессий // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 12. Вып. 4. С. 17–27.
- Гермацкая Е.И. Психологические аспекты профессионально важных качеств пожарных-спасателей // Вестник университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2020. Т. 4, № 1. С. 96–105. doi:10.33408/2519/237X.2020.4-1.96
- Гуренкова Т.Н., Елисеева И.Н., Кузнецова Т.Ю. и др. Психология экстремальных ситуаций: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл; Издательский центр Академия, 2009.
- Дарвиш О.Б. Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности / Сибирский педагогический журнал. 2008. № 7. С. 362–370.
- Диагностика познавательных способностей. Методики и тесты: учебное пособие. М.: Академ. Проект; Альма-Матер, 2009.
- Зеер Э.Ф. Профессионально-образовательное пространство личности. Екатеринбург: Рос.гос.проф.пед.ун-т, 2002.
- Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций: учебное пособие. М.: Академ. проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005.
- Игнатова Ю.П., Макарова И.И., Яковлева К.Н., Аксенова А.В. Зрительно-моторные реакции как индикатор функционального состояния центральной нервной системы // Уральский медико-биологический журнал. 2019. № 3. С. 38–47. doi: 10.34014/2227-1848-2019-3-38-51
- Изьмова С.А., Аминов Н.А. О физиологической природе связей между эмоциональной устойчивостью и свойствами нервной системы // Вопросы психологии. 1978. № 5. С. 128–133.
- Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер, 2005.
- Искандирова А.Б. Состояния психической дезадаптации, их особенности и психотерапевтическая коррекция у спасателей МЧС России: дисс... канд. мед. наук. СПб., 2004.
- Козырева Л.В. Функциональное состояние вегетативной нервной системы у спасателей МЧС России: дисс... канд. мед. наук. СПб., 2004.
- Колобова Е.С. Особенности профессиональной деятельности диспетчеров службы спасения // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 35 (1). С. 74–78.
- Кулаков Д.В. Коррекция дезадаптивного нервно-психического состояния у сотрудников ГПС МЧС России на основе аудиовизуального воздействия и биологической обратной связи: автореф. дисс... канд. психол. наук. СПб., 2011.
- Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989.
- Леонова А.Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 2. С. 75–85.
- Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Максимова Н.Г. К проблеме профессиональной пригодности начинающих диспетчеров экстренных служб // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8, № 27. С. 128–131.
- Марчук Н.Ю., Карапетян Л.В. Анализ перспективы изучения деятельности психолога МЧС России // АНИ: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 289–292.
- Медведев В.И. Функциональные состояния работающего. Эргономика: принципы и рекомендации. М.: ВНИИТЭ, 1981.
- Меерсон Ф.Э., Пшенникова М.Г. Адаптация к стрессорным ситуациям и физическим нагрузкам. М.: Медицина, 1988.
- Методическое руководство по психодиагностическому обеспечению в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. М., 2011.
- Наенко Н.И. Психическая напряженность. М.: МГУ, 1976.
- Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности: (формы, механизмы, стратегии). Ереван, 1988.
- Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013.
- Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб.: Речь, 2008.
- Паламарчук Е.А., Михеева Е.И., Кушнир Л.А., Тимошевский А.А. Психологическое сопровождение профессиональной деятельности спасателей // Актуальные вопросы военной клинической медицины: материалы науч.-практ. интернет-конф. с междунар. участием, Минск, 5–15 февраля 2019 г. / Под ред. В.Я. Хрыщановича, В.Г. Богдана. Минск: БГМ, 2019.
- Посттравматическое стрессовое расстройство / Под ред. В.А. Солдаткина. Ростов н/Д: Изд-во РостГМУ, 2015.
- Райгородского Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. М.: Бахрах-М, 2011.
- Психическая напряженность. Фрустрация: хрестоматия / Сост. И.В. Герасимова. Владивосток: МГУ, 2001.
- Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М.: Медицина, 1960.
- Симонова Н.Н., Мастеренко А.С., Султанова Ф.Р., Губайдулина Л.М., Барабанщикова В.В. Личностная надежность спасателей МЧС и их профессиональная успешность // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 221–250. doi: 10.11621/vsp.2020.04.11
- Стрельникова Ю.Ю. Психологическая коррекция посттравматических симптомов и изменений личности у сотрудников МЧС России, принимавших участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Т. 8, № 2. С. 25–33.
- Талалаева Г.В., Кошкароев В.С. Алгоритмы формирования психологической дезадаптации у сотрудников МЧС России в зависимости от занимаемой должности и дифференцированные подходы к их коррекции // Сибирский психологический журнал. 2016. № 59. С. 149–171. doi: 10.17223/17267080/59/10

- Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001.
- Тарасова А.А., Казакова И.А. Изучение индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей личности в рамках психодиагностических мероприятий в системе МЧС России // II Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации: сборник материалов / Под ред. Ю.П. Зинченко, А.Г. Караяни, Ю.С. Шойгу. М.: ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016. С. 165–176.
- Тарасова А.А., Шойгу Ю.С. Структура профессионально важных качеств специалистов Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России // Национальный психологический журнал. 2020. № 1 (37). С. 94–106. doi: 10.11621/npj.2020.0109
- Филиппов М.М. Психофизиология функциональных состояний: Учеб. пособие. К.: МАУП, 2006.
- Черкасова М.А. Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы России: монография / Под ред. М.А. Черкасова, В.М. Поздняков. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2016.
- Шагарова И.В., Хорошевская М.М. Особенности агрессии и профессионального выгорания сотрудников и преподавателей ВУЗа // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2012. № 1. С. 43–50.
- Шевченко Т.И., Макарова Н.В., Бохан Т.Г. Стрессоустойчивость специалистов опасных профессий МЧС России // Вестник Томского государственного университета. 2013. Т. 369. С. 164–167.
- Шленков А.В., Малыгина Е.А., Москаленко Г.В. Влияние негативных факторов профессиональной деятельности на индивидуально-личностные особенности пожарных и спасателей // Пожаровзрывобезопасность. 2017. Т. 26, № 10. С. 61–68. doi: 6610.18322/PVB. 2017. 26.10.61-68
- Яхин К.К., Менделевич Д.М. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний. Клиническая и медицинская психология: практическое руководство. М., 1998.
- Beaton, R., Murphy, S., Johnson, C., Pike, K., Corneil, W. (1999). Coping responses and posttraumatic stress symptomatology in urban fire service personnel. *Journal of Traumatic Stress*, 12 (2), 293–308.
- Burish, M. (1993). In search of theory: some rumination on the nature and etiology of burnout. In W.B. Shaufeli, C. Maslach, T. Marec (Eds.), *Professional burnout: Recent developments in the theory and research* (pp. 75–93). Washington: Taylor and Francis.
- Malik, M., Camm, A.J. (1993). Components of heart rate variability. What they really mean and what we really measure. *American Journal of Cardiology*, 72, 821–822.
- Maslach, C., Jackson, S. (1981). The Measurement of Experienced Burnout. *Journal of Occupational Behavior*, 2, 99–113.
- Pines, A.M., Aronson, E. (1988). *Career Burnout: Causes and Cures*. New York: Free Press.

References:

- Adaptation to professional activity. Physiology of labor activity (1993). In A. Zh. Yurevits, V.S. Averyanov, O.V. Vinogradov (Eds.). St. Petersburg: Nauka. (in Russ.).
- Alexander, F. (2002). *Psychosomatic medicine. Principles and practical application*. Moscow: Eksmo. (in Russ.).
- Aleksandrovsky, Yu.A., Lobastov, O.S., Spivak, L.I., Shchukin, B.P. (1991) *Psychogenies in extreme conditions*. Moscow: Meditsina. (in Russ.).
- Alyokhina, S.V. (2007). Psychological monitoring a tool for the development of education. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya (Bulletin of practical psychology of education)*, 1, 70–72. (in Russ.).
- Ashanina, E.N., Kulakov, D.V. (2012). Theory and practice of correction of maladaptive neuro-psychological states by audio-visual methods and biofeedback. Monograph (2). St. Petersburg: Polytechnika-servis. (in Russ.).
- Baevsky, R.M., Ivanov, G.G. (2000). Heart rate Variability: theoretical aspects and possibilities of clinical application. Moscow: Institut mediko-biologicheskikh problem. (in Russ.).
- Belyaeva, L.I. (2001). Psychological features of extreme situations of law enforcement activity. In A.M. Stolyarenko (Eds.), *Applied legal psychology*. Moscow. (in Russ.).
- Berezin, F.B. (1988). *Psychical and psychophysiological adaptation of a person*. Leningrad: Nauka. (in Russ.).
- Boyko, V.V. (2004). Energy of emotions. In V.V. Boyko (Eds.), St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
- Big encyclopedia of psychological tests (2005). In A.A. Karelin (Eds.), Moscow: Eksmo. (in Russ.).
- Wasserman, L.I., Berebin, M.A., Kosenkov, N.I. (1994). On the system approach to assessing mental adaptation. *Obozreniye psikhologii i med. psikhol. im. V.M. Bekhtereva (Review of psychiatry and medical psychology named after V. M. Bekhterev)*, 3, 16–25. (in Russ.).
- Vodopyanova, N.E. (2005). Burnout Syndrome: diagnostics and prevention. In N.E. Vodopyanova, E.S. Starchenkova (Eds.), St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
- Vodopyanova, N.E., Starchenkova, E.S., Nasledov, A.D. (2013). Standardized questionnaire “professional burnout” for specialists of socioeconomic professions. *Vestnik SPbGU (Vestnik SPbGU)*, (12) 4, 17–27. (in Russ.).
- Germatskaya, E.I. (2020). Psychological aspects of professionally important qualities of firefighters-rescuers. *Vestnik Universiteta grazhdanskoy zashchity MChS Belarusi (Bulletin of the University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Belarus)*, (4) 1, 96–105. (in Russ.). doi:10.33408/2519/237X.2020.4-1.96
- Gurenkova, T.N., Eliseeva, I.N., Kuznetsova, T.Yu., etc. (2009). Psychology of extreme situations: textbook.manual for students. higher. studies.institutions. In Yu.S. Shoigu (Eds.), Moscow: Smysl; Izdatelskiy tsentr Akademiya. (in Russ.).
- Darvish, O.B. (2008). Psychological stability as a basic characteristic of personality. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal (Siberian Pedagogical Journal)*, 7, 362–370. (in Russ.).
- Diagnosics of cognitive abilities. Methods and tests: textbook. Manual (2009). Moscow: Akadem. Prospekt: Alma-Mater. (in Russ.).
- Zeer, E.F. (2002). Professional and educational space of personality. Yekaterinburg: Ros.gos. prof.ped.un-t. (in Russ.).

- Zeer, E.F. (2005). Psychology of professional destructions: textbook. the allowance. In E.F. Zeer, E.E. Simanuk (Eds.), Moscow: Acad. Prospect; Yekaterinburg: Delovaya kniga. (in Russ.).
- Ignatova, Yu.P., Makarova, I.I., Yakovleva, K.N., Aksenova, A.V. (2019). Visual-motor reactions as an indicator of the functional state of the Central nervous system. *Uralskiy mediko-biologicheskii zhurnal (Ural medical and biological journal)*, 3, 38–47. doi: 10.34014/2227-1848-2019-3-38-51 (in Russ.).
- Izyumova, S.A., Aminov, N.A. (1978). On the physiological nature of connections between emotional stability and properties of the nervous system. *Voprosy psikhologii (Question of psychology)*, 5, 128–133. (in Russ.).
- Ilyin, E.P. (2005). Psychophysiology of human States. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
- Iskandirova, A.B. (2004). Sostoyaniya psikhicheskoy dezadaptatsii, ikh osobennosti i psikhoterapevticheskaya korrektsiya u spasateley MChS Rossii : Diss... kand. med. nauk. (States of mental maladjustment, their features and psychotherapeutic correction among rescuers of EMERCOM of Russia: dissertation). Ph. D. (Medicine). St. Petersburg. (in Russ.).
- Kozyreva, L.V. (2004). Funktsionalnoye sostoyaniye vegetativnoy nervnoy sistemy u spasateley MChS Rossii: Diss... kand. med. nauk. (Functional state of the autonomic nervous system in rescuers of the EMERCOM of Russia: dissertation). Ph. D. (Medicine). St. Petersburg. (in Russ.).
- Kolobova, E.S. (2014). Features of professional activity of dispatchers of the rescue service. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya (Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application)*, (35) 1, 74–78. (in Russ.).
- Kulakov, D.V. (2011). Korrektsiya dezadaptivnogo nervno-psikhicheskogo sostoyaniya u sotrudnikov GPS MChS Rossii na osnove audiovizualnogo vozdeystviya i biologicheskoy obratnoy svyazi: avtoref. diss... kand. psikh. nauk. (Correction of maladaptive neuro-psychological state of State Fire Service employees EMERCOM of Russia by audiovisual methods and biofeedback: abstract of the dissertation). Ph. D. (Psychology). St. Petersburg. (in Russ.).
- Lebedev, V.I. (1989). Personality in extreme conditions. Moscow: Politizdat. (in Russ.).
- Leonova, A.B. (2004). Comprehensive strategy for the analysis of occupational stress: from diagnosis to prevention and correction. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, (25) 2, 75–85. (in Russ.).
- Leonova, A.B. (1984). Psychodiagnostics of functional states of a person. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (in Russ.).
- Maksutova, N.G. (2007). On the problem of professional suitability of novice dispatchers of emergency services. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena (Izvestia of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University)*, (8) 27, 128–131 (in Russ.).
- Marchuk, N.Yu., Karapetyan, L.V. (2017). Analysis and prospects of study of activity EMERCOM psychologist. ANI: pedagogika i psikhologiya (ANI: pedagogy and psychology), 6 (1), 18, 289–292. (in Russ.).
- Medvedev, V.I. (1981). Functional States of the working person. Ergonomics: principles and recommendations. Moscow: VNIITE. (in Russ.).
- Meerson, F.E., Pshennikova, M.G. (1988). Adaptation to stressful situations and physical loads. Moscow: Meditsina. (in Russ.).
- Methodological guide to psychodiagnostic support in EMERCOM of Russia (2011). Moscow. (in Russ.).
- Naenko, N.I. (1976). Mental tension. Moscow: MGU. (in Russ.).
- Nalchajyan, A.A. (1988). Socio-psychological adaptation of the individual: (forms, mechanisms, strategies). Yerevan. (in Russ.).
- Nasledov, A.D. (2013). IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis. St. Petersburg: Piter. (in Russ.).
- Nasledov, A.D. (2008). Mathematical methods of psychological research. Data analysis and interpretation. Textbook. St. Petersburg.: Rech. (in Russ.).
- Palamarchuk, E.A., Mikheeva, E.I., Kushnir, L.A., Timoshevsky, A.A. (2019). Psychological support of professional activity of rescuers. In V.Ya. Hrytsanovich, V.G. Bogdan (Eds.), Actual issues of military clinical medicine: materials of scientific and practical research. internet conference with internat. Moscow, Minsk, February 5–15 (pp. 18–22). Minsk: BGM. (in Russ.).
- Posttraumatic stress disorder (2015). In V.A. Soldatkin (Eds.), sbou HPE Rostsmu of the Ministry of health of Russia. Rostov n/D: Izd-vo RostGMU. (in Russ.).
- Practical psychodiagnostics. Methods and tests: textbook (2001). In D.Ya. Raigorodsky (Eds.), Samara: BAKhRAKh M. (in Russ.).
- Mental tension. Frustration: textbook (2001). In I.V. Gerasimova (Eds.). Vladivostok: MGU. (in Russ.).
- Selye, G. (1960). Essays on adaptation syndrome. In G. Selye. (Eds.), Moscow: Meditsina. (in Russ.).
- Simonova, N.N., Nesterenko, A.S., Sultanova, F.R., Gubaidullina, L.M., Barabanshchikova, V.V. (2020). Personal reliability of rescuers of the Ministry of Emergency Situations and their professional success. *Vestnik Moskovskogo Universiteta (Bulletin of the Moscow University)*, (14) 4, 221–250. (in Russ.). doi: 10.11621/vsp. 20. 04. 11
- Strelnikova, U.U. (2015). Psychological correction of post-traumatic symptoms and personality changes in employees of the EMERCOM of Russia who took part in the elimination of the consequences of emergency situations. *Vestnik YuUrGU (Vestnik of South Ural State University)*, (8) 2, 25–33. (in Russ.).
- Talalaeva, G.V., Koshkarov, V.S. (2016). Algorithms for the formation of psychological maladaptation in employees of the EMERCOM of Russia depending on the held position and differentiated approaches to their correction. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, 59, 149–171. doi: 10.17223/17267080/59/10 (in Russ.).
- Tarabrina, N.V. (2001). Practicum on the psychology of post-traumatic stress. St. Petersburg. (in Russ.).
- Tarasova, A.A., Kazakova, I.A. (2016). Study of individual psychological and psychophysiological features of the individual in the framework of psychodiagnostic measures in the EMERCOM of Russia. In Y.P. Zinchenko, A.G. Karayani. Yu.S. Shoigu (Eds.), II all-Russian Congress of psychologists of power structures of the Russian Federation. The collection of materials (pp. 165–176). Moscow: FKU TsEPP MChS Rossii. (in Russ.).
- Tarasova, A.A., Shoigu, Yu.S. (2020). Significant job skills of the Russian EMERCOM SISSV experts. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, (1) 37, 94–106. doi: 10.11621/npj.2020.0109 (in Russ.).
- Filippov, M.M. (2006). Psychophysiology of functional states: textbook. manual. Kiyev: MAUP. (in Russ.).

- Cherkasova, M.A. (2016). Psychological monitoring of professional burnout of employees of the penitentiary system of Russia. In M.A. Cherkasova, V.M. Pozdnyakov (Eds.), *Feder. penitentiary Service: Monograph*. Vologda: VIPE FSIN Rossii. (in Russ.).
- Shagarova, I.V., Khoroshevskaya, M.M. (2012). Features of aggression and professional burnout of university employees and teachers. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Psikhologiya" (Bulletin of the Omsk University. Series "Psychology")*, 1, 43–50. (in Russ.).
- Shevchenko, T.I., Makarova, N.V., Bohan, T.G. (2013). Stress resistance of specialists of dangerous professions of the Ministry of Emergency Situations of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tomsk State University)*, 369, 164–167. (in Russ.).
- Shlenkov, A.V., Malygina, E.A., Moskalenko, G.V. (2017). The influence of negative factors of professional activity on the individual and personal characteristics of firefighters and rescuers. *Pozharovzryvbezopasnost (Fire and Explosion Safety)*, (26) 10, 61–68. (in Russ.). doi: 6610.18322/PVB. 2017. 26.10.61-68
- Yakhin, K.K., Mendelevich, D.M. (1998). Clinical questionnaire for identifying and evaluating neurotic conditions. *Clinical and medical psychology: practical guide*. Moscow. (in Russ.).
- Beaton, R., Murphy, S., Johnson, C., Pike, K., Corneil, W. (1999). Coping responses and posttraumatic stress symptomatology in urban fire service personnel. *Journal of Traumatic Stress*, 12 (2), 293–308.
- Burish, M. (1993). In search of theory: some rumination on the nature and etiology of burnout. In W.B. Shaufeli, C. Maslach, T. Marec (Eds.), *Professional burnout: Recent developments in the theory and research*. (pp. 75–93). Washington: Taylor and Francis.
- Malik, M., Camm, A.J. (1993). Components of heart rate variability. What they really mean and what we really measure. *American Journal of Cardiology*, 72, 821–822.
- Maslach, C., Jackson, S. (1981). The Measurement of Experienced Burnout. *Journal of Occupational Behavior*, 2, 99–113.
- Pines, A.M., Aronson, E. (1988). *Career Burnout: Causes and Cures*. New York: Free Press, 25–48.

Оригинальная статья

УДК 159.9.07, 159.91, 159.98
doi: 10.11621/npj.2021.0307

Эргономическое обеспечение проектирования и внедрения прибора контроля бодрствования железнодорожного машиниста

Н.А. Михайлова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3268-4094

А.Ю. Николаев, Центр передовых технологий управления персоналом и профессионального обучения
ОАО «РЖД», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9877-0470

О.Г. Носкова*, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2428-7096

*Для контактов: nog4813@mail.ru

Актуальность темы. Статья посвящена проблеме контроля функционального состояния оператора, эта тема была и остается важной, в частности, в контексте обеспечения безопасности перевозочного процесса на железнодорожном транспорте.

Цель исследования. Анализ проектирования и итогов внедрения в 1996 г. автоматизированной телемеханической системы контроля бодрствования железнодорожных машинистов (ТСКБМ), основанной на регистрации электродермальной активности — ЭДА (кожно-гальванической реакции).

Гипотеза исследования. Выбранный способ контроля состояния бодрствования и алгоритм действий оператора в случае диагностики нежелательных характеристик состояния при использовании ТСКБМ может создавать для машинистов дополнительные стрессовые состояния, что может негативно отражаться на профессиональной деятельности.

Проведение исследования и использованные методы. В работе выполнен анализ литературных данных, а также проведено пилотное исследование: психологический анализ деятельности современных железнодорожных машинистов разных типов, анализ технической документации, метод беседы с инженерами железнодорожного профиля, метод структурированного интервью с группой машинистов-классников, повышающих квалификацию (8 человек).

Результаты исследования. Рассмотрены современные автоматические системы контроля бодрствования операторов, дано описание ТСКБМ, обсуждены психофизиологические основы ее применения, представлены данные эмпирического анализа, доказывающие справедливость гипотезы о том, что использование ТСКБМ в работе машинистов электропоезда действительно создает дополнительные проблемные ситуации и стрессовые состояния, сделан вывод о необходимости более развернутых эмпирических исследований. В итоге представлены позитивные и негативные стороны применения ТСКБМ, даны конкретные рекомендации по ее использованию и соответствующей подготовке машинистов.

Заключение. Анализ применения ТСКБМ для авторов статьи служит примером важности применения инженерно-психологических и эргономических положений в проектировании и внедрении в практику новых автоматизированных технических средств контроля функциональных состояний на основе учета их влияния на одновременное осуществление оператором его основной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: уровень бодрствования, железнодорожные машинисты, способы контроля функционального состояния, электродермальная активность, инженерная психология, эргономика, анализ деятельности

Для цитирования: Михайлова Н.А., Николаев А.Ю., Носкова О.Г. Эргономическое обеспечение проектирования и внедрения прибора контроля бодрствования железнодорожного машиниста // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 87–95. doi: 10.11621/npj.2021.0307

Поступила 6 июля 2021 / Принята к публикации: 16 августа 2021

Ergonomic design and implementation of a wakefulness control device for a railway train driver

Natalia A. Mikhailova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3268-4094

Artur Yu. Nikolaev, the Center for Advanced Technologies of Personnel Management and Professional Training of JSC "Russian Railways", Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9877-0470

Olga G. Noskova*, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2428-7096

*Corresponding author: nog4813@mail.ru

Relevance. The article is devoted to the problem of monitoring the functional state of the operator, this topic has been and remains important, in particular, in the context of ensuring the safety of railway transport.

Purpose of the study. Analysis of the design and implementation of an automated telemechanical system for monitoring the wakefulness of railway drivers (TSMWRD), introduced in 1996, based on the registration of electrodermal activity (galvanic skin reaction).

Research objective. The selected method of monitoring the state of wakefulness and the algorithm of the operator's actions in the event of diagnosing undesirable characteristics of the state during use (TSMWRD) can create additional stress conditions for drivers and increase the risk of accidents and violations of the rules.

Procedure and research methods. The research used the analysis of literature data. A qualitative empirical study was also carried out. It included a psychological analysis of the activities of modern railway drivers of various types, analysis of technical documentation, a method of conversation with train drivers, a method of structured interview with a group of class train drivers who are improving their qualifications (8 people).

Results. Modern automatic systems for monitoring the wakefulness of operators are considered, a description of the TSMWRD is given, the psychophysiological foundations of its application are discussed. The data of an empirical study are presented, proving the validity of the hypothesis that the use of the TSMWRD in the work of electric train drivers really creates additional problem situations and stressful conditions. As a result, the positive and negative aspects of the use of TSMWRD are presented, specific recommendations are given on its use and the appropriate training of drivers.

Conclusion. The analysis of the use of TSMWRD serves as an example of the importance of using engineering-psychological and ergonomic provisions in the design and implementation of new automated technical means of monitoring functional states in practice. Their implementation should be based on taking into account their influence on the operator's simultaneous performance of his main professional activity.

Key words: level of wakefulness, train drivers, state control methods, electrodermal activity, engineering psychology, ergonomics, activity modeling

For citation: Mikhailova, N.A., Nikolaev, A.Yu., Noskova, O.G. (2021). Ergonomic design and implementation of a wakefulness control device for a railway train driver. *National Psychological Journal*, [Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal], 3(43), 87–95. doi: 10.11621/npj.2021.0307

Received July 6, 2021 / Accepted for publication August 16, 2021

Введение

В настоящее время задача поддержания оптимального функционального состояния операторов остается актуальной. Сниженная работоспособность машиниста может провоцировать аварии, а также ухудшение здоровья работников. Для непрерывной диагностики функционального состояния оператора разработаны автоматизированные системы контроля состояния. Основной задачей таких систем является обеспечение оптимального состояния машиниста в течение всей смены. Эти системы применяются для контроля бодрствования машинистов электропоездов, метрополитена, водителей автобусов, грузовых автомобилей и др. по всему миру (Елякин, 2016). За 2019 год на российских железных дорогах было допущено 20 652 экстренных торможения из-за срабатывания локомотивных устройств безопасности (Мониторинг..., 2019). Автоматическое экстренное

торможение поезда может вызывать аварийные ситуации, с этим связана необходимость пересмотра форм вмешательства автоматических систем в управление поездом.

В данной статье будут представлены результаты анализа эргономического обеспечения проектирования и внедрения телемеханической системы контроля бодрствования машиниста (ТСКБМ).

Цель исследования состояла в определении особенностей ТСКБМ, ее достоинств и возможных ограничений в контексте профессиональной деятельности машинистов разного профиля.

Гипотеза исследования

Телемеханическая система контроля бодрствования машиниста может быть причиной развития дополнительных стрессовых состояний у машинистов.

Наталья Александровна Михайлова —

студентка кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-3268-4094

Natalia A. Mikhailova —

Student at the Department for Occupational Psychology and Engineering Psychology, Faculty of Psychology Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-3268-4094

Артур Юрьевич Николаев —

и. о. начальника Центра передовых технологий управления персоналом и профессионального обучения ОАО «РЖД»

ORCID: 0000-0002-9877-0470

Artur Yu. Nikolaev —

Acting Chief at the Center for Advanced Technologies of Personnel Management and Professional Training of JSC “Russian Railways”

ORCID: 0000-0002-9877-0470

Ольга Геннадьевна Носкова —

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0003-1856-9978

Olga G. Noskova —

Doctor of Psychology, Professor at the Department for Occupational Psychology and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0003-1856-9978

Эргономические принципы проектирования сложных систем

Основным принципом проектирования сложных технических систем является учёт профессиональных особенностей труда оператора: исследование структуры и последовательности профессионально регламентированных действий оператора (Психология труда..., 2015). Известный американский эргономист Д. Мейстер еще в середине 1970-х гг. отмечал, что нельзя рассматривать поведение работника вне системы «человек-машина» (Мейстер, 1979). Одной из опасных ошибок в проектировании техники является отсутствие анализа функционирования эргатической системы в целом, зачастую учитываются только её отдельные компоненты. В таких случаях внедрение новой технологии, нового прибора нередко не облегчает профессиональную деятельность оператора, а наоборот — усложняет и снижает надежность системы.

Автоматические системы контроля бодрствования оператора

Существует много вариантов автоматических систем контроля функционального состояния оператора. Нами будут рассмотрены те системы, которые можно использовать для непрерывной оценки функционального состояния в течение продолжительной смены машинистов, выделим основные из них (Деметтиенко, 2010; Zepf et al., 2020):

- 1) оценка речи, речевая диалоговая система;
- 2) оценка вербального и невербального поведения на основе видеоизображения;
- 3) отслеживание изменений диаметра зрачка оператора;
- 4) психофизиологические показатели: электрическая активность сердца, частота дыхательных движений, температурные показатели, электродермальная активность (ЭДА), электроэнцефалограмма (ЭЭГ), уровень насыщенности кислородом крови.

В каждой из данных групп методов можно выделить положительные и отрицательные стороны: различия в надежности, удобности эксплуатации, сложности в разработке и применении, поэтому крайне важно использовать различные группы методов для получения надежных и достоверных результатов. В 2002 г. в Великобритании было решено ввести автоматизированную систему непрерывной оценки функционального состояния оператора на железных дорогах. Основными показателями выступали — ЭЭГ, движения головы, опускание век, сужение зрачка, закрытие глаз, частота моргания, время реакции, слежение за глазодвигательной активностью работника (Whitlock, 2002). Автор упоминает также оценку электродермальной активности — систему «ТСКБМ», разработанную в России. В статье отмечалось, что данная система на 2002 год казалась одной из самых перспективных, при этом автор отмечал, что одним из основных критериев приемлемости для

использования любого прибора контроля бодрствования является учёт индивидуальных особенностей машиниста, что отсутствует в ТСКБМ.

Электродермальная активность в оценке уровня бодрствования

В литературе существует множество разногласий по поводу надежности и универсальности использования регистрации кожно-гальванической реакции или электродермальной активности (ЭДА), исследованы половые различия в показателях электрической активности кожи (Vanables et al., 1996); отмечается большое количество артефактов (Sakai et al., 1992; Безденежных и др., 2001). Несмотря на данные ограничения, оценка ЭДА используется как в научных, так и в практических целях. Основным применением ЭДА можно считать оценку ориентировочной реакции (Соколов, 1958), стрессовых состояний, эмоций респондента. Ориентировочная реакция (рефлекс) возникает при восприятии человеком ситуации как неожиданной, новой и значимой. Р. Линн выделил основные компоненты ориентировочной реакции: расширение зрачков, изменение дыхания, расширение сосудов головы и сужение сосудов конечностей, а также увеличение кожной проводимости (Безденежных и др., 2001). Особенностью ориентировочного рефлекса является его закономерное угасание при периодическом повторении стимула (обычно после 10–15 предъявлений) (Соколов, 1958). При угасании ориентировочного рефлекса человек переходит в состояние оперативного покоя, но это не означает, что он засыпает или находится в состоянии релаксации, или потери сознания. Можно говорить о том, что с помощью метода ЭДА осуществляется не столько диагностика уровня бодрствования машиниста, сколько оценка субъективной значимости рабочей ситуации оператором. Примером может служить работа итальянских исследователей, регистрировавших с помощью ЭДА реакцию симпатической нервной системы водителей, обусловленную сложными событиями во время вождения автомобиля (Zontone et al., 2020). Авторы установили точность применения метода ЭДА для оценки эмоционального состояния водителей (их субъективного восприятия рабочей ситуации как сложной и новой) — в 91,3%. Они подчеркивали необходимость регистрации ЭДА на обеих руках в дополнении к ЭЭГ, иначе количество артефактов невозможно отследить. В других публикациях с помощью ЭДА авторы сравнивали уровень стресса при ручном и автоматизированном управлении (Bernardini et al., 2020), при движении автомобиля по круговому маршруту и по обычному перекрестку (Distefano et al., 2020). Данные исследования говорят о возможности использования метода ЭДА для оценки уровня стресса у респондентов.

Итак, ЭДА, как один из компонентов ориентировочного рефлекса, считается в большей мере индикатором эмоционально значимой ситуации для субъекта деятельности, нежели показателем уровня его бодрствования и бдительности.

Возможность определения уровня бодрствования с помощью ЭДА была продемонстрирована в работе В.В. Дементиенко, генерального директора компании «НЕЙРОКОМ» (именно данная компания является разработчиком ТСКБМ) (Дементиенко и др., 1999). В исследовании приняли участие 107 испытуемых (55 женщин и 52 мужчин), в возрасте от 16 до 69 лет. Экспериментальная схема исследования состояла в следующем. На первом этапе экспериментаторы активировали испытуемых с помощью громких звуков, разговоров, заданий на счёт. На втором этапе все респонденты делились на 2 группы. Первой давали установку на поддержание уровня активности (можно было читать, разговаривать, играть в компьютерные игры) в условиях освещенной комнаты; второй — установку на понижение уровня бодрствования в затемненной комнате (выполнение монотонных заданий на счет, на нажатие кнопки). Через 15 минут экспериментатор менял установки групп. Такие повторения проходили 12 раз.

Методами оценки уровня бодрствования в данном эксперименте выступали ЭДА и ЭЭГ. Авторы выявили отличия в параметрах ЭДА при состоянии бодрствования и при переходе к состоянию дремоты. Наиболее отличающимся параметром между уровнями бодрствования выступал интервал между импульсами ЭДА. На основе полученных данных экспериментаторы сделали предположение о том, что интервалы между импульсами ЭДА более чем в 2 минуты соответствуют состоянию релаксации испытуемого (или состояния сниженного уровня бодрствования). На точность оценки функционального состояния, по мнению авторов, помимо начального состояния испытуемых влияют половые и прочие индивидуальные различия и особенности положения электродов (на одной или на обеих руках). Данное исследование стало основой для разработки ТСКБМ.

Описание системы ТСКБМ

С 1996 г. на локомотивах и электропоездах в России и ряда других стран (Бугаёв и др., 2017) была установлена ТСКБМ, созданная компанией «НЕЙРОКОМ» (Дементиенко, 2010; Бугаёв и др., 2017). ТСКБМ предназначена для контроля и диагностики уровня бодрствования машиниста по условной шкале. При переходе машиниста из состояния активного бодрствования в состояние расслабления, дремотного состояния или при потере сознания и т.п. ТСКБМ автоматически приводит в действие экстренное торможение состава (Елякин, 2016; Инструкция..., 2016). В основе работы ТСКБМ лежит диагностика уровня электрического сопротивления кожи оператора. Для регистрации ЭДА используются два электрода, размещенных на браслете, который надевается на запястье руки оператора (рис. 1 и 2), сигналы от них передаются на блок обработки информации.

ТСКБМ использует параметр времени (интервал) между импульсами ЭДА. Разработчики данной системы утверждают, что признаками снижения уровня

Рис. 1. Носимая часть телемеханической системы контроля бодрствования машиниста на руке

Fig. 1. A wearable part of the telemechanical system for monitoring the driver's wakefulness on the arm

бодрствования оператора являются: кратковременное повышение проводимости кожи с последующим возвратом на первоначальный уровень и превышение 60-секундного интервала между соседними реакциями ЭДА (Техническая..., 2014). Измерения происходят каждые 52 секунды (Елякин, 2016). Если ТСКБМ установлена на локомотив или электропоезд, то её использование является обязательным для всех машинистов, ведущих состав на протяжении всей смены.

Проверка уровня бодрствования машиниста на основе показаний от ТСКБМ производится следующим образом:

1. Система фиксирует снижение «уровня бодрствования» машиниста.

2. На мониторе машиниста появляется световой сигнал «Внимание» (отображается как мигающий желтый треугольник — с информационной строкой «ТСКБМ — Проверка»). Световой сигнал сопровождается также звуковым сигналом — громким свистком.

3. Машинист должен в течение $7 \pm 0,5$ с после светового и звукового сигнала нажать на специальную «рукоятку бдительности» (РБС), при этом длительность нажатия не должна быть меньше и не должна превышать период времени $2 \pm 0,5$ с, иначе ТСКБМ не воспримет данный ответ. Отметим также, что РБС всегда располагается таким образом, что машинисту приходится вставать с кресла для её нажатия.

4. Если оператор не выполнил пункт 3 в течение $7 \pm 0,5$ с, то происходит автоматическое экстренное торможение поезда, которое уже нельзя предотвратить (Инструкция..., 2016).

Рис. 2. Расположение электродов на носимой части телемеханической системы контроля бодрствования машиниста

Fig. 2. The location of the electrodes on the wearable part of the telemechanical system for monitoring the driver's wakefulness

Если ТСКБМ не установлена на данный электропоезд или неисправна, то проводятся периодические проверки бдительности, не связанные с реальными показателями состояния оператора. Информация о работе ТСКБМ фиксируется в течение всей смены на электронной карте, таким образом, выключение ТСКБМ, срабатывания автостопного торможения или иные ошибки машиниста при работе с ТСКБМ расцениваются как грубое нарушение им регламента.

В докторской диссертации В.В. Дементиенко отмечает высокую надежность прибора ТСКБМ в техническом плане, или низкую вероятность сбоев системы при правильной эксплуатации (Дементиенко, 2010). Однако сам же автор отмечает, что правильность диагностики состояния машиниста способом оценки ЭДА зависит от индивидуальных особенностей обследуемого человека. Так, частота ложных тревог (таких случаев, при которых система фиксирует потерю надлежащего уровня бодрствования машиниста, в то время, когда сам оператор находится в оптимальном функциональном состоянии) составляет 1–2 события в час (Дементиенко, 2010, С. 264). Это означает, что за 12-часовую рабочую смену может произойти до 24 ложных срабатываний, автор отмечает, что такая частота ложных тревог «не является критичной» и не может приводить к опасным последствиям. Мы же считаем, что довольно частое срабатывание системы, во-первых, снижает уровень доверия машиниста к ТСКБМ в целом, и, во-вторых, с высокой вероятностью может быть помехой для выполнения его должностных обязанностей.

При подготовке по профессии «машинист» работу ТСКБМ курсанты рассматривают в курсе «Системы обеспечения безопасности движения», однако в тренажеры (типа ЭД4М) система ТСКБМ пока не встроена, однако правильная работа с ней является важным навыком, который должен быть сформирован уже в ходе обучения. Будущий машинист знакомится с ТСКБМ на практике в депо, либо работая в составе локомотивной бригады в роли помощника машиниста. Однако практическое знакомство с системой ТСКБМ крайне важно начинать в безопасных условиях, например, на тренажере, так как ошибка машиниста в работе с данной системой в реальных условиях может привести к аварийной ситуации. Ошибки в первую очередь могут быть связаны с неправильной субъективной оценкой машинистом временных интервалов (отмеченных выше). Субъективно воспринимаемые временные интервалы могут отличаться от объективных (Шиффман, 2003).

На современных железных дорогах по структуре деятельности машиниста выделяется следующие основные виды движения: пассажирское движение (поезда дальнего следования), грузовое, маневровое и пригородное. Работа машинистов на пригородных поездах осуществляется при движении на большой скорости в условиях жестко регламентированного расписания, предусматривающего частые остановки, когда интервалы между остановками электропоезда составляют от 2 до 4 минут. Машинистам крайне важно быстро принимать решения, отвлечение машини-

ста на дополнительные задачи может стать причиной аварийных ситуаций. Предположительно типичным функциональным состоянием машинистов пригородных поездов является состояние умеренного стресса, состояние мобилизации активности. Управление маневровым локомотивом чаще используется на сортировочных горках при формировании поезда из разных вагонов, либо на территории депо, здесь работа машиниста достаточно изменчива по дням недели, времени дня, текущей производственной ситуации. Для машиниста *грузовых* поездов характерна монотонная езда с невысокими скоростями и редкими, иногда длительными остановками; именно при этом виде железнодорожного движения контроль бодрствования оператора является особенно важной задачей для предотвращения засыпания машиниста.

Методы исследования

В нашей работе использовался метод структурированного интервью, анализ литературы и технической документации. В рамках интервью респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Работаете ли Вы в данный момент с ТСКБМ? Если нет — был ли у Вас опыт работы с данной системой?
2. Оцените, пожалуйста, насколько Вы считаете, что ТСКБМ полезна в работе машиниста?
3. В среднем, сколько происходит срабатываний ТСКБМ в час?
4. Как Вы считаете, в каких ситуациях ТСКБМ может мешать в работе машиниста?

Описание исследования

В нашей работе проверялась гипотеза о том, что ТСКБМ может являться причиной развития дополнительных стрессовых состояний у машиниста. Выборка нашего исследования включала 8 машинистов электропоезда, со средним стажем в должности машиниста — 3 года. Все респонденты выразили свое согласие с проведением аудиозаписи всей беседы. Интервью проводилось анонимно в закрытом кабинете.

Результаты интервью

Оказалось, что ТСКБМ установлена не на всех пригородных поездах. Один из респондентов отметил: «В каждом депо прописаны свои законы, свои инструкции. В другом депо есть ТСКБМ». Тема обсуждения заинтересовала респондентов, они активно приводили примеры из своего опыта, высказывали свое мнение. Оценивая полезность применения ТСКБМ, все респонденты сообщили, что считают нецелесообразным применение этой системы в пригородном сообщении. Один из респондентов указал: «Я считаю, ну вот на электричке — она не нужна совсем. Потому что... она там сделана, чтобы ты не уснул, а мы останавливаемся каждые 2–3 минуты. Зачем оно мне?

<...> Не успею заснуть даже». При этом три машиниста не исключали полезности применения этой системы контроля бодрствования на поездах дальнего следования или грузовых перевозках, где риск засыпания довольно высок. Результаты данного интервью, проведенного в рамках пилотного исследования, показывают особенности функционального состояния машинистов электропоезда, для которого типичны состояния оперативной напряженности, а не состояния, располагающего к засыпанию и релаксации, свойственные машинистам грузовых поездов.

На вопрос № 3 про количество срабатываний ТСКБМ за час мы не получили от респондентов точного ответа. Приведем примеры ответов респондентов на данный вопрос: «Мне кажется, она вообще какая-то... она своей жизнью живет», «Срабатывание за час..., опять же по-разному, иногда ни одного, иногда сразу три, например».

Наибольший интерес у обследуемых вызвал вопрос № 4. Все респонденты ответили, что при подъезде к платформе срабатывание ТСКБМ особенно мешает в работе; в этом случае машинисту важно следить за ситуацией на платформе; контролировать значения приборов и управлять тормозной системой. Четверо машинистов отметили, что «проезд платформы» является грубейшей ошибкой, и эту ошибку провоцирует работа с ТСКБМ. Респонденты указали, что ТСКБМ мешает им сосредоточиться на управлении электропоездом и в пути следования. Один машинист указал, что проверки ТСКБМ вызывают у него раздражение.

Таким образом, можно говорить о том, что выдвинутая гипотеза имеет реальные основания и может быть эмпирически подтверждена при увеличении количественного состава выборки респондентов. Действительно, ТСКБМ может стать причиной развития дополнительных, профессионально не оправданных стрессовых состояний у машиниста.

ТСКБМ как вторичная зондирующая задача

В целях оценки функций внимания оператора Д. Канеман (психолог, лауреат Нобелевской премии) разработал методику вторичной зондирующей задачи (Канеман, 2006). Главная идея состояла в том, что при выполнении человеком основной и дополнительной задачи можно «поймать» момент истощения ресурса внимания, когда эффективность выполнения зондовой задачи снижается, а эффективность выполнения основной остается на заданном уровне. Такая методика может быть использована для оценки работоспособности оператора. Д. Канеман в своих экспериментах показал, что введение дополнительной задачи закономерно ведет к понижению ее выполнения при одновременном осуществлении основной деятельности, таковы закономерности работы человеческого сознания.

Мы не можем рассматривать работу с РБС как зондовую (дополнительную) задачу, так как при срабатывании звукового и светового сигнала первоначально «зондовая» задача становится для машиниста глав-

ной, ибо ее невыполнение приводит к автостоппному торможению поезда. Заложенный проектировщиком ТСКБМ алгоритм действий с РБС меняет приоритеты, при этом текущие профессиональные обязанности оказываются второстепенными и точность их выполнения неизбежно снижается. Отсюда следует вывод о том, что крайне важно минимизировать дополнительные задачи, совмещенные действия, одинаково требующие сознательного контроля оператора, в частности, машиниста электропоезда. Работа с РБС требует контроля длительности нажатия с точностью $2 \pm 0,5$ с, этот интервал не отражается на приборной панели, но должен субъективно контролироваться оператором, что отвлекает его от других сознательно контролируемых действий.

На основе проделанного нами анализа выделим преимущества и недостатки применения ТСКБМ для оценки функционального состояния железнодорожных машинистов.

К *преимуществам* ТСКБМ можно отнести следующее:

1. Наличие данной системы обращает внимание машиниста на его уровень бодрствования.
2. Данная система может указывать на снижение уровня внимания машиниста к новизне рабочей обстановки, повышает его моторную активность, что способствует поддержанию работоспособности в условиях монотонии в течение смены, что особенно актуально для машинистов грузовых поездов.
3. ТСКБМ позволяет уменьшить количество проездов на запрещающий сигнал по причине засыпания машиниста (Дементенко, 2010).

К основным *недостаткам* применения ТСКБМ на российских железных дорогах относятся следующие моменты:

1. Оценка ЭДА говорит в первую очередь о субъективной значимости рабочей ситуации для оператора, а не о снижении уровня его бодрствования. Возможны ситуации закономерного угасания ориентировочной реакции (и ЭДА как ее компонента) при сохранении бодрствования. Отсюда — закономерное недоверие машинистов к этой системе. Необходимы дополнительные исследования, которые могли бы доказать возможность оценки уровня бодрствования оператора в рабочих условиях исключительно с помощью ЭДА. Оценка функционального состояния оператора важно проводить на всех уровнях: физиологическом, психологическом и поведенческом. ТСКБМ же использует только один уровень (физиологический). Мировая практика контроля состояния бодрствования отдает предпочтение поведенческим показателям снижения бодрствования (фиксируется количество морганий, длительность закрытых глаз и пр.).

2. ТСКБМ не учитывает индивидуальных особенностей машинистов. Британские исследователи отмечают, что возможность регистрировать и запоминать физиологические показатели является одним из центральных критериев приемлемости использования прибора (Whitlock, 2002).

3. Большое количество артефактов при регистрации ЭДА, частые ложные срабатывания ТСКБМ, во-

первых, снижают доверие машиниста к системе в целом, во-вторых, работа машиниста с ТСКБМ отвлекает оператора от основной актуальной рабочей задачи.

4. ТСКБМ способна автоматически экстренно останавливать поезд, что может приводить к авариям. Использование ТСКБМ на пригородных электропоездах меняет приоритеты, обесценивает профессионально заданные цели действий, так как неправильный или несвоевременный ответ машиниста на сигналы этой системы оказывается более важной задачей по сравнению с управлением движением электропоезда, ибо связан с риском его автоторможения. В мировой практике принято положение о том, что приборы контроля бодрствования не должны отвлекать машиниста от основной работы, требование «ответа» прибору контроля работоспособности для подтверждения своего уровня бдительности — не допустимо (Whitlock, 2002, С. 84).

5. Возможны технические сбои работы ТСКБМ.

6. ТСКБМ является причиной возникновения дополнительных не обоснованных объективной рабочей ситуацией стрессовых реакций у машинистов, особенно машинистов электропоездов.

Рекомендации

К общим рекомендациям по использованию ТСКБМ можно отнести следующее:

1. Состояние бодрствования работника важно для практики не само по себе, но как предполагаемое необходимое условие выполнения им профессиональных когнитивных задач на требуемом уровне. В свою очередь, рабочие функции машинистов зависят не только от общего уровня активации организма (уровня бодрствования), но от работы его сознания, которая проявляется в бдительности, произвольном и послепроизвольном внимании, и зависит также от личностно-волевой саморегуляции, мотивации и профессиональной подготовки.

2. Природа ЭДА неспецифична, характеристики ЭДА могут отображать: а) изменение уровня бодрствования (сон — переходное состояние — бодрствование); б) изменение степени субъективной значимости сигналов, эмоциональных реакций субъекта деятельности на сложившуюся ситуацию, уровня эмоционального (профессионального) стресса. Случаи (а) и (б) могут проявляться изолированно, или в разных сочетаниях. Так, сниженная ЭДА может отображать угашение ориентировочной реакции на новизну обстановки, рабочей ситуации, но при сохранении как требуемого уровня бодрствования, так и заданных характеристик бдительности (это случаи «ложной тревоги»). Высокий уровень ЭДА может быть

Литература:

- Безденежных Б.Н., Греченко Т.Н., Шевелева И.А. Психофизиология: Учебник / Под ред. Ю.И. Александрова. 2-е изд. СПб.: «Питер», 2001.
- Бугаёв А.С., Герус С.В., Дементьенко В.В., Дорохов В.Б., Миргородский В.И., Шахнарович В.М. Телемеханическая система контроля бодрствования машиниста // Бюллетень Объединенного ученого совета ОАО «РЖД». 2017. № 2. С. 21–41.
- Дементьенко В.В. Физические принципы построения систем безопасного мониторинга состояния человека-оператора: дисс... д-ра технич. наук. Москва, 2010.

индикатором эмоционального стресса, вредного для профессиональной деятельности машиниста. Итак, для контроля необходимого уровня бодрствования важно использовать более валидные, по сравнению с ЭДА, однозначно интерпретируемые индикаторы.

3. Необходимо провести дополнительные исследования эффективности применения системы ТСКБМ на железнодорожном транспорте, такие как: теоретический анализ возможности использования показателя электрической активности кожи для оценки работоспособности оператора; исследования в условиях реальной деятельности с учётом индивидуальных особенностей машинистов, а также видов движения, принятых на железнодорожном транспорте и др.

4. Рекомендуется пересмотреть практику использования ТСКБМ для контроля бодрствования машинистов пригородных электропоездов, так как их рабочий график предполагает разгон поезда и его торможение у платформы через каждые 2–4 минуты в течение всей рабочей смены. Временной режим срабатывания ТСКБМ никак не учитывает реальную временную структуру деятельности машиниста, и действия с ТСКБМ неизбежно создают для машинистов пригородных поездов новые проблемные, стрессовые ситуации.

5. При использовании ТСКБМ на грузовых и маневровых поездах необходимо пересмотреть практику использования ТСКБМ с учетом особенностей вида движения, принятого на железной дороге.

6. На период действия ТСКБМ предлагается более основательное ее освоение машинистами; в подготовке машинистов важно предусмотреть обучение работе с ТСКБМ в практическом блоке обучения, в частности, ввести специальные упражнения по субъективной оценке малых интервалов времени.

7. Рекомендуется использовать системно-деятельностный подход в эргономическом моделировании задач и действий по их выполнению при внедрении любых новых технических устройств, в частности, предназначенных для контроля состояния машиниста.

Заключение

Материалы настоящей статьи могут служить иллюстрацией важности возрождения и развития психолого-эргономической службы в промышленности и на транспорте, а также усиления психолого-эргономической подготовки специалистов в области проектирования, внедрения и эксплуатации нового оборудования, а также специалистов по охране труда и технике безопасности.

- Дементенко В.В., Дорохов В.Б., Корнеева Л.Г., Марков А.Г., Шахнарович В.М. Особенности электродермальной активности при изменении уровня бодрствования человека // Журнал высшей нервной деятельности. 1999. Т. 49, № 6. С. 926–935.
- Елякин С.В. Локомотивные системы безопасности движения: учебное пособие. М.: ФГБОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2016.
- Инструкция по эксплуатации локомотивных устройств безопасности № Л230. М.: Проектно-конструкторское бюро локомотивного хозяйства — филиал ОАО «РЖД». 2016.
- Канеман Д. Внимание и усилие. М.: «Смысл», 2006.
- Мейстер Д. Эргономические основы разработки сложных систем. М.: «МИР». 1979.
- Мониторинг результатов расшифровки скоростемерных лент и электронных носителей информации параметров движения за 11 месяцев 2019 года № ОИ-1788. М.: Филиал ОАО «РЖД» Проектно-конструкторское бюро локомотивного хозяйства, 2019.
- Психология труда, инженерная психология и эргономика. Учебник / Под ред. Е.А. Климова, О.Г. Носковой, Г.Н. Солнцевой. М.: Юрайт, 2015.
- Соколов Е.Н. Восприятие и условный рефлекс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.
- Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5 изд. М.: «Питер», 2003.
- Bernardini, R., Affanni, A., Del Linz, L., Piras, A., Rinaldo, R., Zontone, P. (2020). Stress Evaluation in Simulated Autonomous and Manual Driving through the Analysis of Skin Potential Response and Electrocardiogram Signals. *Sensors* 9 (2494), 1–19.
- Distefano, N., Leonardi, S., Pulvirenti, G., Romano, R., Merat, N., Boer, E., Woolridge, E. (2020). Physiological and driving behaviour changes associated to different road intersections. *European Transport*, 77, 17–25.
- Sakai, L.M., Baker, L.A., Dawson, M.E. (1992). Electrodermallability. Individual differences affecting perceptual speed. *Psychophysiology*, 29 (2), 207.
- Venables, P.H., Mitchell, D.A. (1996). The effects of age, sex and time of testing on skin conductance activity. *Biological Psychology*, 43 (2), 87–101.
- Whitlock, A. (2002). Driver vigilance devices: systems review. Rail Safety and Standards Board, Quintec.
- Zepf, S., Hernandez, J., Schmitt, A., Minker, W., Picard, W.R. (2020). Driver Emotion Recognition for Intelligent Vehicles: A Survey. *ACM Computing Surveys*, 53 (3), 64–94.
- Zontone, P., Affanni, A., Bernardini, R., Piras, A. (2020). Car Driver's Sympathetic Reaction Detection Through Electrodermal Activity and Electrocardiogram Measurements. *IEEE transactions on biomedical engineering*, 67 (12), 3413–3424.

References:

- Bezdenzhnykh, B.N., Grechenko, T.N., Sheveleva, I.A. Psychophysiology: Textbook (2001). In Yu.I. Alexandrov. 2nd ed. St. Petersburg: "Piter".
- Bugaev, A.S., Gerus, S.V., Dementienko, V.V., Dorokhov, V.B., Mirgorodsky, V.I., Shakhnarovich, V.M. (2017). Telemechanical system for monitoring the driver's wakefulness. *Byulleten' Ob'yedinennogo uchenogo soveta OAO "RZHD"*. (Bulletin of the Joint Scientific Council of JSC "Russian Railways"), 2, 21–41. (in Russ.).
- Dementienko, V.V. (2010). Fizicheskiye printsipy postroyeniya sistem bezopasnogo monitoringa sostoyaniya cheloveka-operatora: diss... d-ra tekhnich. nauk. (Physical principles of constructing systems for safe monitoring of the state of a human operator) Doctoral dissertation. (Tech. sciences). Moscow. (in Russ.).
- Dementienko, V.V., Dorokhov, V.B., Korneeva, L.G., Markov, A.G., Shakhnarovich, V.M. (1999). Features of electrodermal activity with changes in the level of wakefulness of a person. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti (Journal of Higher Nervous Activity)*, 49 (6), 926–935. (in Russ.).
- Elyakin, S.V. (2016). Locomotive traffic safety systems: a tutorial. Moscow: FGBOU "Uchebno-metodicheskiy tsentr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte". (in Russ.).
- Operating instructions for locomotive safety devices, L230. Moscow: Proyektno-konstruktorskoye byuro lokomotivnogo khozyaystva — filial OAO "RZHD". (in Russ.).
- Kahneman, D. (2006). Attention and Effort. Moscow: "Smysl". (in Russ.).
- Meister, D. (1979). Ergonomic foundations of complex systems development. Moscow: "MIR". (in Russ.).
- Monitoring of the results of decoding of speed measuring tapes and electronic data carriers of motion parameters for 11 months of 2019 No. ОИ-1788. (2019). Moscow: Filial OAO "RZHD" Proyektno-konstruktorskoye byuro lokomotivnogo khozyaystva. (in Russ.).
- Psychology of Work, Engineering Psychology and Ergonomics. Textbook (2015). In E.A. Klimov, O.G. Noskova, G.N. Solntseva (Eds.), Moscow: "Yurayt". (in Russ.).
- Sokolov, E.N. (1958). Perception and conditioned reflex. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (in Russ.).
- Shiffman, H.R. (2003). Feeling and perception. 5. ed. Moscow: "Piter". (in Russ.).
- Bernardini, R., Affanni, A., Del Linz, L., Piras, A., Rinaldo, R., Zontone, P. (2020). Stress Evaluation in Simulated Autonomous and Manual Driving through the Analysis of Skin Potential Response and Electrocardiogram Signals. *Sensors* 9 (2494), 1–19.
- Distefano, N., Leonardi, S., Pulvirenti, G., Romano, R., Merat, N., Boer, E., Woolridge, E. (2020). Physiological and driving behaviour changes associated to different road intersections. *European Transport*, 77, 17–25.
- Sakai, L.M., Baker, L.A., Dawson, M.E. (1992). Electrodermallability. Individual differences affecting perceptual speed. *Psychophysiology*, 29 (2), 207.
- Venables, P.H., Mitchell, D.A. (1996). The effects of age, sex and time of testing on skin conductance activity. *Biological Psychology*, 43 (2), 87–101.
- Whitlock, A. (2002). Driver vigilance devices: systems review. Rail Safety and Standards Board, Quintec.
- Zepf, S., Hernandez, J., Schmitt, A., Minker, W., Picard, W.R. (2020). Driver Emotion Recognition for Intelligent Vehicles: A Survey. *ACM Computing Surveys*, 53 (3), 64–94.
- Zontone, P., Affanni, A., Bernardini, R., Piras, A. (2020). Car Driver's Sympathetic Reaction Detection Through Electrodermal Activity and Electrocardiogram Measurements. *IEEE transactions on biomedical engineering*, 67 (12), 3413–3424.

Оригинальная статья

УДК 159.9.072.43
doi: 10.11621/npj.2021.0308

Феномен самозванца в профессиональной среде: роль мотивации и перфекционизма

М.С. Шевелева*, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия
ORCID: 0000-0002-8713-1323

А.А. Золотарева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5724-2882

Н.А. Руднова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия
ORCID: 0000-0003-2063-2892

*Для контактов: marineshevelevoy@yandex.ru

Актуальность. Феномен самозванца описывает людей с высокими результатами деятельности, которые, несмотря на объективные признаки успеха, не могут принять собственные достижения и испытывают постоянный страх перед тем, что окружающие узнают, что они не настолько хороши, как о них думают. Современные специалисты отмечают тесные связи между феноменом самозванца, перфекционизмом и профессиональной мотивацией, однако до сих пор не было проведено ни одного эмпирического исследования этих связей.

Цель. Целью настоящего исследования стало изучение мотивации и перфекционизма как потенциальных предикторов феномена самозванца в профессиональной среде.

Описание хода исследования. В кросс-секционном исследовании приняли участие 320 взрослых работающих русскоязычных респондентов. Все участники исследования заполнили анкету, содержащую шкалу феномена самозванца П. Кланс, краткую почти совершенную шкалу Р. Слейни и опросник профессиональной мотивации Е.Н. Осина и др.

Результаты исследования. Результаты множественного регрессионного анализа показали, что дезадаптивный перфекционизм и профессиональная амотивация позитивно предсказывали феномен самозванца у взрослых работающих русскоязычных респондентов.

Заключение. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в диагностической и консультационной работе с сотрудниками, демонстрирующими негативный перфекционизм и профессиональную амотивацию. В этом случае превентивные мероприятия, направленные на коррекцию отношения сотрудников к своим профессиональным обязанностям, могут предотвратить развитие не только феномена самозванца, но и многих связанных с ним негативных психологических и организационных изменений.

Ключевые слова: феномен самозванца, перфекционизм, профессиональная мотивация, профессиональная среда, предикторы

Информация о грантах и благодарностях. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00743.

Для цитирования: Шевелева М.С., Золотарева А.А., Руднова Н.А. Феномен самозванца в профессиональной среде: роль мотивации и перфекционизма // Национальный психологический журнал. 2021. № 3 (43). С. 96–104. doi: 10.11621/npj.2021.0308

Поступила 5 августа 2021 / Принята к публикации 26 августа 2021

The imposter phenomenon in the work context: the role of motivation and perfectionism

Marina S. Sheveleva*, National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia
ORCID: 0000-0002-8713-1323

Alena A. Zolotareva, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5724-2882

Natalia A. Rudnova, National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia
ORCID: 0000-0003-2063-2892

*Corresponding author: marineshevelevoy@yandex.ru

Background. The imposter phenomenon is the term used to describe high-performing individuals who fail to internalize their success in spite of their high achievements and experience constant fear that they will be found as frauds by their peers. The close links between the imposter phenomenon, perfectionism and professional motivation are often referred to, though no empirical studies of the nature of these links have been conducted.

Objective. The objective of this research is to study motivation and perfectionism as potential predictors of the imposter phenomenon in the work context.

Design. 320 working Russian respondents took part in this cross-sectional study. They filled out the questionnaire containing three scales: The Clance Impostor Phenomenon Scale, The Short Almost Perfect Scale (R. Slaney), The Scale of Professional Motivation (E. Osin, T. Ivanova, T. Gordeeva).

Results. The results of the multiple regression analysis indicate that maladaptive perfectionism and professional amotivation could be regarded as positive predictors of the imposter phenomenon in working Russian adults.

Conclusion. The results of the current study could be used in diagnostics and counselling of employees with maladaptive perfectionism and professional amotivation. Preventive measures aimed at adjusting employees' attitudes to their professional obligations could prevent not only the development of the imposter phenomenon but a range of the related negative psychological and organizational outcomes.

Keywords: the imposter phenomenon, perfectionism, professional motivation, work context, predictors

Information about grants and acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00743.

For citation: Sheveleva, M.S., Zolotareva, A. A., Rudnova, N.A. (2021). The imposter phenomenon in the work context: the role of motivation and perfectionism, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 3 (43), 96–104. doi: 10.11621/npj.2021.0308

Received August 5, 2021 / Accepted for publication August 26 2021

Введение

Феномен самозванца описывает людей с высокими результатами деятельности, которые, несмотря на объективные признаки успеха, не могут принять собственные достижения и испытывают постоянный страх перед тем, что окружающие узнают, что они не настолько хороши, как о них думают (Matthews, Clance, 1985). Они испытывают сложности с тем, чтобы верно соотнести собственные знания, компетентность и результаты деятельности (Bravata et al., 2020), а также считают, что в первую очередь достигают успеха за счет внешних факторов: удачи, помощи других лиц, сложившихся обстоятельств, личного обаяния, нужных знакомств (Clance, Imes, 1978). Как правило, после получения сложного задания люди с выраженным феноменом самозванца проявляют сильное беспокойство и с особым усердием выполняют это задание. При этом даже общественное признание успеха не приносит им облегчения и не ведет к повышению самооценки. Это так называемый «цикл самозванца»

или «ловушка самозванца», когда успешно выполненное задание приводит к усилению тревоги по поводу возможного разоблачения в будущем, осознанию необходимости прилагать еще больше усилий, чтобы разоблачение не произошло, и, как следствие, нарастанию тревоги, неудовлетворенности, стресса (Neureiter, Traut-Mattausch, 2016b).

Очевидно, что феномен самозванца оказывает негативное воздействие на субъективное благополучие человека (Vergauwe et al., 2015). В ряде исследований было показано, что он коррелирует с депрессией, тревогой, низкой самооценкой, а также отрицательно сказывается на психическом здоровье в целом (McGregor et al., 2008; Sonnak, Towell, 2001; Schubert, Bowker, 2019).

Систематических исследований распространенности феномена не существует, но, по некоторым данным, этому феномену в разной мере подвержены более 40% работающего населения (Sonnak, Towell, 2001; Bernard et al., 2002). При этом специалисты отмечают критическую нехватку исследований феномена самозванца в связи с профессиональными характери-

Марина Сергеевна Шевелева —

кандидат психологических наук, доцент Департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь)

ORCID: 0000-0002-8713-1323

Marina S. Sheveleva —

PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics (Perm)

ORCID: 0000-0002-8713-1323

Алена Анатольевна Золотарева —

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, старший преподаватель департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-5724-2882

Alena A. Zolotareva —

PhD in Psychology, Senior Researcher at the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, Senior Lecturer at the Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-5724-2882

Наталья Александровна Руднова —

кандидат психологических наук, научный сотрудник Департамента иностранных языков, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь)

ORCID: 0000-0003-2063-2892

Natalia A. Rudnova —

PhD in Psychology, Researcher at the Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics (Perm)

ORCID: 0000-0003-2063-2892

ками сотрудников (Bravata et al., 2020; Feenstra et al., 2020; Vergauwe et al., 2015).

Известно, что сотрудники с феноменом самозванца испытывают высокий уровень стресса (Bechtoldt, 2015), склонны к прокрастинации (Rohrman et al., 2016) и профессиональному выгоранию (Crawford et al., 2016). Подобные эмпирически подтвержденные связи феномена самозванца с многочисленными неблагоприятными для трудовой деятельности факторами служат основанием для дальнейшего изучения проблемы и выявления возможностей снижения уровня его выраженности.

Установлено, что профессиональное благополучие, которое снижается под влиянием феномена самозванца, во многом зависит также от особенностей профессиональной мотивации (Осин и др., 2013). Лица с феноменом самозванца боятся неудачи, но при этом остаются амбициозными (Schubert, 2013), не удовлетворены собственной компетентностью (Vaughn et al., 2020), работой и карьерой (Sharma, 2018), но не желают продвигаться по карьерной лестнице и занимать руководящие позиции (Neureiter, Traut-Mattausch, 2016a). В основе подобной противоречивости мотивов может лежать фрустрированность потребностей, которые, согласно теории самодетерминации, являются базовыми для профессиональной деятельности — потребность в автономности, в компетентности и в связанности с другими людьми (Осин и др., 2013). В зависимости от степени удовлетворения базовых потребностей может быть выражен один из шести видов профессиональной мотивации: внутренняя, интегрированная, идентифицированная, интроецированная, экстерналиная мотивация и амотивация. Указанные виды мотивации описывают континуум от максимального удовлетворения потребностей в автономии, компетентности и связанности с другими людьми (Внутренняя мотивация) до минимального (Амотивация). Выявление связи мотивации и феномена самозванца и установление прогностической роли мотивации расширит представление о феномене, новом для отечественной психологии, а также позволит в дальнейшем разработать и использовать на практике инструменты для его снижения.

Характеристикой, также снижающей профессиональное благополучие, является перфекционизм (Pannhause et al., 2020). В ряде исследований выявлены схожие проявления перфекционизма и феномена самозванца: склонность устанавливать недостижимые цели, страх неудачи и неудовлетворение от выполнения задач (Lee et al., 2020). Подтверждено, что повышение уровня депрессии, вызванного несоответствием стандартов, которые человек предъявляет к себе и своей деятельности, связано еще и с высоким уровнем феномена самозванца (Wang et al., 2019). В связи с этим, стоит уточнить, будет ли мотивация, наряду с показателями перфекционизма, выступать фактором риска для феномена самозванца, поскольку известно, что перфекционистам, предъявляющим высокие требования к себе, свойственна высокая автономия, а тем, кто склонен к самокритике — низкая (Moore et al., 2018).

Поскольку при теоретически очевидных связях между феноменом самозванца, перфекционизмом и профессиональной мотивацией до сих пор не было проведено ни одного эмпирического исследования, которое бы установило характер и направление этих связей, целью настоящей работы стало изучение мотивации и перфекционизма как потенциальных предикторов феномена самозванца в профессиональной среде.

Методика

Участники исследования. В исследовании приняли участие 320 взрослых работающих русскоязычных респондентов, в том числе 140 (43,8%) мужчин и 180 (56,2%) женщин в возрасте от 20 до 68 лет ($M = 38,57$, $SD = 9,80$) со стажем работы от полугода до 46 лет ($M = 16,63$, $SD = 9,60$). Распределение по уровню образования было следующим: 16 (5%) респондентов отметили среднее общее образование, 44 (13,7%) — среднее профессиональное образование, 16 (5%) — незаконченное высшее образование, 212 (66,3%) — высшее образование, 28 (8,7%) — два или более высших образований и 4 (1,3%) — ученую степень кандидата или доктора наук.

Методики. Анкета содержала блок с вопросами социально-демографического характера, а также следующие диагностические инструменты:

Шкала феномена самозванца (The Clance Impostor Phenomenon Scale, CIPS) П. Кланс в адаптации М.С. Шевелевой, Д.С. Корниенко и Т.М. Пермяковой включает 20 тестовых пунктов, которые респондент должен оценить по шкале Лайкерта от 1 («Никогда»), до 5 («Очень часто»). Опросник может выявлять выраженность как общего показателя феномена самозванца, так и трех его компонентов: обмана (например, «Иногда я опасаясь, что другие обнаружат, скольких знаний и способностей я на самом деле лишен»), обесценивания (например, «Я часто сравниваю свои способности со способностями людей вокруг меня и думаю, что они, возможно, умнее меня») и удачи (например, «Временами я чувствую, что своим успехом обязан какой-то удаче»). В настоящем исследовании был использован общий показатель феномена самозванца — неспособность присваивать собственные достижения (Шевелева и др., 2021).

Краткая почти совершенная шкала (The Short Almost Perfect Scale, SAPS) Р. Слейни в адаптации К. Ванга, Т.М. Пермяковой и М.С. Шевелевой содержит 8 тестовых пунктов, которые респондент должен оценить по шкале Лайкерта от 1 («Абсолютно не согласен») до 7 («Абсолютно согласен»). Методика включает две шкалы, которые оценивают перфекционистские тенденции соответственно: стандарты — уровень требований, которые человек предъявляет к себе (например, «У меня высокие ожидания в отношении себя») и расхождение — соответствие предъявляемых требований полученным результатам (например, «Мои лучшие достижения никогда не бывают достаточно хороши») (Rice et al., 2014; Wang et al., 2016). Данная

методика была выбрана для диагностики перфекционизма, поскольку выявляет не типы, а его показатели, что позволяет изучить перфекционизм более детально. На основании стандартов и расхождения в дальнейших исследованиях можно будет разделить выборку не на две группы (адаптивные и дезадаптивные перфекционисты), а на три, включая группу не перфекционистов. Опросник SAPS краткий, поэтому удобен в использовании и при этом демонстрирует приемлемую для подобных шкал одномоментную надежность (табл. 1).

Опросник профессиональной мотивации Е.Н. Осина, Т.Ю. Ивановой и Т.О. Гордеевой разработан на основе модели шкал саморегуляции Р. Райана и Дж. Коннелла. Опросник содержит 20 тестовых пунктов, каждый из которых является ответом на вопрос «Почему вы работаете в этой организации?». Респондент должен дать ответ по шкале от 1 («Полностью не согласен») до 5 («Полностью согласен»). Опросник включает 6 шкал: Внутреннюю, свидетельствующую об удовлетворении трудовой деятельностью; Интегрированную, когда цели и ценности труда соответствуют и другим сферам жизни; Идентифицированную, при которой присвоены ценности и цели, стоящие за профессиональной деятельностью; Интроецированную, кото-

Таблица 1. Описательная статистика для показателей профессиональной мотивации, перфекционизма и феномена самозванца

Переменная	M	SD	Диапазон	α
Стандарты	4,26	0,81	1–6	0,61
Расхождение	3,56	0,90	1,25–5,75	0,67
Феномен самозванца	2,62	0,66	1–4,8	0,91
Внутренняя мотивация	3,39	1,08	1–5	0,93
Интегрированная мотивация	3,26	1,04	1–5	0,88
Идентифицированная мотивация	3,27	1,02	1–5	0,83
Интроецированная мотивация	2,66	0,89	1–5	0,66
Экстернальная мотивация	3,01	1,07	1–5	0,83
Амотивация	2,46	0,97	1–5	0,70

Примечание. α = коэффициент α -Кронбаха.

Table 1. Descriptive statistics for professional motivation, perfectionism and imposter phenomenon indicators

Variable	M	SD	Range	α
Standards	4.26	0.81	1–6	0.61
Discrepancy	3.56	0.90	1.25– 5.75	0.67
Impostor phenomenon	2.62	0.66	1–4.8	0.91
Internal motivation	3.39	1.08	1–5	0.93
Integrated motivation	3.26	1.04	1–5	0.88
Identified motivation	3.27	1.02	1–5	0.83
Introjected motivation	2.66	0.89	1–5	0.66
External motivation	3.01	1.07	1–5	0.83
Amotivation	2.46	0.97	1–5	0.70

Note. α = Cronbach's alpha.

Таблица 2. Результаты множественного регрессионного анализа

Модель	B	SE	β	t	p
Стандарты	0,06	0,05	0,07	1,23	0,219
Расхождение	0,33	0,04	0,45	8,05	< 0,001
Внутренняя мотивация	–0,04	0,06	–0,06	–0,64	0,523
Интегрированная мотивация	0,02	0,07	0,02	0,22	0,829
Идентифицированная мотивация	0,01	0,06	0,01	0,12	0,908
Интроецированная мотивация	0,02	0,04	0,03	0,58	0,564
Экстернальная мотивация	0,06	0,04	0,10	1,47	0,141
Амотивация	0,10	0,04	0,14	2,37	0,018

Примечание. Полу жирным начертанием обозначены статистически значимые предикторы.

Table 2. Results of multiple regression analyses

Model	B	SE	β	t	p
Standards	0.06	0.05	0.07	1.23	0.219
Discrepancy	0.33	0.04	0.45	8.05	< 0.001
Internal motivation	–0.04	0.06	–0.06	–0.64	0.523
Integrated motivation	0.02	0.07	0.02	0.22	0.829
Identified motivation	0.01	0.06	0.01	0.12	0.908
Introjected motivation	0.02	0.04	0.03	0.58	0.564
External motivation	0.06	0.04	0.10	1.47	0.141
Amotivation	0.10	0.04	0.14	2.37	0.018

Note. Statistically significant predictors are highlighted in bold.

рая зависит от присвоенных внешних принципов и правил; Экстернальную мотивацию, при которой поведение регламентировано наказаниями или поощрениями и Амотивацию — полное безразличие и к процессу, и к результату, и к условиям труда (Осин и др., 2013).

Результаты

В табл. 1 представлена описательная статистика для всех переменных, использованных в настоящем исследовании. Коэффициенты α -Кронбаха варьируются в пределах значений от 0,61 до 0,91, что свидетельствует в пользу приемлемой внутренней согласованности шкал профессиональной мотивации, перфекционизма и феномена самозванца.

Далее нами были оценены факторы риска для феномена самозванца в профессиональной среде. В табл. 2 представлены результаты множественного регрессионного анализа. Оцениваемая модель объясняла 33,7% дисперсии феномена самозванца и являлась статистически значимой ($F = (8, 311) = 19,723, p < 0,001$). В данной модели расхождение ($\beta = 0,45, p < 0,001$) и амотивация ($\beta = 0,14, p = 0,018$) выступили позитивными предикторами феномена самозванца.

Обсуждение результатов

Результаты настоящего исследования указали на то, что расхождение и амотивация являются позитивными предикторами, или факторами риска для феномена самозванца в профессиональной среде. Можно предположить, что лица, для которых характерен феномен самозванца, предъявляют к себе достаточно высокие требования и часто бывают разочарованы в полученном результате. Они не удовлетворены своим уровнем компетентности, не обладают достаточным уровнем автономности и зависят от мнения окружающих, поэтому во многом мотивированы скорее внешними стимулами, чем собственным интересом.

Параметр расхождения, фиксирующий ощущение несоответствия собственным высоким стандартам, отражает негативную грань перфекционизма (Flett et al., 2016). В ранее проведенном исследовании связь данного показателя дезадаптивного перфекционизма с феноменом самозванца также была установлена (Wang et al., 2019). На основании имеющихся данных можно предположить, что именно дезадаптивный перфекционизм служит основой для формирования феномена самозванца. Подобную гипотезу косвенно подтверждают имеющиеся данные о том, что и другие параметры перфекционизма, такие как сомнения в собственных действиях, обеспокоенность ошибками и социально предписываемый перфекционизм, традиционно характеризующие чрезмерное, или негативное стремление к совершенству, достоверно предсказывают высокие показатели феномена самозванца (Pannhause et al., 2020). Перспективой дальнейшего исследования может стать проверка заявленной выше гипотезы и выявление групповых различий по показателю феномена самозванца у лиц с адаптивным, дезадаптивным перфекционизмом и у лиц, не являющихся перфекционистами.

Еще одним статистически значимым предиктором феномена самозванца оказалась профессиональная амотивация. В исследованиях показано, что феномен самозванца позитивно связан с контролируемой профессиональной мотивацией и негативно — с автономной профессиональной мотивацией (Vaughn et al., 2020). Тот факт, что в настоящем исследовании из всех показателей мотивации на фоне перфекционизма предсказывает феномен самозванца только амотивация, можно проинтерпретировать следующим образом: при значительном расхождении предъявляемых требований и результатов феномен самозванца может возникнуть только при отсутствии какого-то ни было интереса к выполняемой профессиональной

деятельности из-за фрустрированности потребностей в автономности, компетентности и связанности с другими людьми. С другой стороны, позитивное предсказание амотивацией может указывать еще и на влияние побочных психологических характеристик, в частности, чувства усталости, эмоционального выгорания или профессиональной апатии сотрудников (Золотарева, 2020; Clark et al., 2021; Schmulian et al., 2020). Хотя полученные результаты в некоторой степени соответствуют имеющимся данным о низкой автономной мотивации «самозванцев» и достаточно высоком уровне контролируемой мотивации, в состав которой входит и амотивация, особенности мотивационной системы лиц с выраженным феноменом самозванца нуждаются в дополнительных эмпирических испытаниях.

В заключение необходимо отметить ограничения настоящего исследования. Первое ограничение касается его кросс-секционного характера, тогда как для оценки динамики феномена самозванца и его связей с перфекционизмом и профессиональной мотивацией более уместным и научно обоснованным был бы лонгитюдный дизайн исследования (Carguana et al., 2015). Второе ограничение заключается в том, что все психологические характеристики были измерены с помощью методов самоотчета, хотя информацию можно было бы взять из более точных и объективных источников (например, из оценки участия сотрудников в профессиональных конкурсах, информации о системах дополнительного вознаграждения и т.д.).

Заключение

Несмотря на то, что обнаруженные в настоящем исследовании закономерности нуждаются в дальнейших эмпирических испытаниях и интерпретациях, мы предполагаем, что знание о предикторах феномена самозванца может быть использовано в рамках диагностической и консультационной работы с сотрудниками, демонстрирующими негативный перфекционизм и профессиональную амотивацию. В этом случае превентивные мероприятия, направленные на коррекцию отношения сотрудников к своим профессиональным обязанностям, могут предотвратить развитие не только феномена самозванца, но и многих связанных с ним негативных психологических и организационных изменений. В настоящее время специалисты активно разрабатывают обучающие программы для сотрудников с феноменом самозванца, в которые также могут быть интегрированы сведения о личностных и мотивационных характеристиках персонала (Zanchetta et al., 2020).

Литература:

- Золотарева А.А. Адаптация шкалы профессиональной апатии Г. Шмидта // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 2. С. 115–126. doi: 10.31857/S020595920007904-0
- Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций // Организационная психология. 2013. Т. 3, № 1. С. 8–29.

- Шевелева М.С., Корниенко Д.С., Пермякова Т.М. Шкала феномена самозванца: психометрические характеристики русскоязычной версии // *Психологический журнал*. 2021. Т. 42, № 1. С. 133–143. doi: 10.31857/S020595920013343-3
- Bechtoldt, M.N. (2015). Wanted: Self-doubting employees — Managers scoring positively on impostorism favor insecure employees in task delegation. *Personality and Individual Differences*, 86, 482–486. doi: 10.1016/j.paid.2015.07.002
- Bernard, N.S., Dollinger, S.J., & Ramaniah, N.V. (2002). Applying the big five personality factors to the impostor phenomenon. *Journal of Personality Assessment*, 78 (2), 321–333. doi: 10.1207/S15327752JPA7802_07
- Bravata, D.M., Watts, S.A., Keefer, A.L., Madhusudhan, D.K., Taylor, K.T., Clark, D.M., Nelson, R.S., Cokley, K.O., & Hagg, H.K. (2020). Prevalence, predictors, and treatment of impostor syndrome: A systematic review. *Journal of General Internal Medicine*, 35 (4), 1252–1275. doi: 10.1007/s11606-019-05364-1
- Caruana, E.J., Roman, M., Hernández-Sánchez, J., & Solli, P. (2015). Longitudinal studies. *Journal of Thoracic Disease*, 7 (11), e537–e540. doi: 10.3978/j.issn.2072-1439.2015.10.63
- Clance, P.R., & Imes, S.A. (1978). The impostor phenomenon in high achieving women: Dynamics and therapeutic intervention. *Psychotherapy: Theory, Research & Practice*, 15 (3), 241–247. doi: 10.1037/h0086006
- Clark, P., Holden, C., Russell, M., & Downs, H. (2021). The impostor phenomenon in mental health professionals: Relationships among compassion fatigue, burnout, and compassion satisfaction. *Contemporary Family Therapy*. doi: 10.1007/s10591-021-09580-y
- Crawford, W.S., Shanine, K.K., Whitman, M.V., & Kacmar, K.M. (2016). Examining the impostor phenomenon and work-family conflict. *Journal of Managerial Psychology*, 31 (2), 375–390. doi: 10.1108/JMP-12-2013-0409
- Dudău, D.P. (2014). The relation between perfectionism and impostor phenomenon. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 127, 129–133. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.03.226
- Feenstra, S., Begeny, C.T., Ryan, M.K., Rink, F.A., Stoker, J.I., & Jordan, J. (2020). Contextualizing the impostor “syndrome”. *Frontiers in Psychology*, 11, 575024. doi: 10.3389/fpsyg.2020.575024
- Flett, G.L., Mara, C.A., Hewitt, P.L., Sirois, F., & Molnar, D.S. (2016). How should discrepancy be assessed in perfectionism research? A psychometric analysis and proposed refinement of the Almost Perfect Scale-Revised. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 34 (7), 718–732. doi: 10.1177/0734282916651382
- Lee, H., Anderson, C.B., Yates, M.S., Chang, S., & Chakraverty, D. (2020). Insights into the complexity of the impostor phenomenon among trainees and professionals in STEM and medicine. *Current Psychology*. doi: 10.1007/s12144-020-01089-1
- Matthews, G., & Clance, P.R. (1985). Treatment of the impostor phenomenon in psychotherapy clients. *Psychotherapy in Private Practice*, 3 (1), 71–81. doi: 10.1300/J294v03n01_09
- McGregor, L.N., Gee, D.E., & Posey, K.E. (2008). I feel like a fraud and it depresses me: The relation between the impostor phenomenon and depression. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 36 (1), 43–48. doi: 10.2224/sbp.2008.36.1.43
- Moore, E., Holding, A.C., Hope, N.H., Harvey, B., Powers, T.A., Zuroff, D., & Koestner, R. (2018). Perfectionism and the pursuit of personal goals: A self-determination theory analysis. *Motivation and Emotion*, 42 (1), 37–49. <https://doi.org/10.1007/s11031-017-9654-2>
- Neureiter, M., & Traut-Mattausch, E. (2016a). An inner barrier to career development: Preconditions of the impostor phenomenon and consequences for career development. *Frontiers in psychology*, 7, 48. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00048
- Neureiter, M., & Traut-Mattausch, E. (2016b). Inspecting the dangers of feeling like a fake: An empirical investigation of the impostor phenomenon in the world of work. *Frontiers in psychology*, 7, 1445. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01445
- Pannhausen, S., Klug, K., & Rohrmann, S. (2020). Never good enough: The relation between the impostor phenomenon and multidimensional perfectionism. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*. Advance online publication. doi: 10.1007/s12144-020-00613-7
- Rice, K.G., Richardson, C.M.E., & Tueller, S. (2014). The short form of the revised almost perfect scale. *Journal of Personality Assessment*, 96 (3), 368–379. doi: 10.1080/00223891.2013.838172
- Rohrmann, S., Bechtoldt, M.N., & Leonhardt, M. (2016). Validation of the impostor phenomenon among managers. *Frontiers in psychology*, 7, 821. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00821
- Schubert, N. (2013). The impostor phenomenon: Insecurity cloaked in success: Master of Arts in Psychology. Ottawa.
- Schubert, N., & Bowker, A. (2019). Examining the impostor phenomenon in relation to self-esteem level and self-esteem instability. *Current Psychology*, 38 (3), 749–755. doi: 10.1007/s12144-017-9650-4
- Schmilian, D.L., Redgen, W., & Fleming, J. (2020). Impostor syndrome and compassion fatigue among graduate allied health students: A pilot study. *Focus on Health Professional Education: A Multi-Professional Journal*, 21 (3), 1–14.
- Sharma, S. (2018). Impostor phenomenon, career satisfaction and perceived career success of research scholars: Testing the mediator role of career optimism. *Pacific Business Review International*, 10 (9), 182–187.
- Sonnak, C., & Towell, T. (2001). The impostor phenomenon in British university students: Relationships between self-esteem, mental health, parental rearing style and socioeconomic status. *Personality and individual differences*, 31 (6), 863–874. doi: 10.1016/S0191-8869(00)00184-7
- Vaughn, A.R., Taasobshirazi, G., & Johnson, M.L. (2020). Impostor phenomenon and motivation: Women in higher education. *Studies in Higher Education*, 45, 780–795. doi: 10.1080/03075079.2019.1568976
- Vergauwe, J., Wille, B., Feys, M., De Fruyt, F., & Anseel, F. (2015). Fear of being exposed: The trait-relatedness of the impostor phenomenon and its relevance in the work context. *Journal of Business and Psychology*, 30 (3), 565–581. doi: 10.1007/s10869-014-9382-5
- Wang, K.T., Permyakova, T.M., Sheveleva, M.S. (2016). Assessing perfectionism in Russia: Classifying perfectionists with the Short Almost Perfect Scale. *Personality and Individual Differences*, 92, 174–179. doi: 10.1016/j.paid.2015.12.044
- Wang, K.T., Sheveleva, M.S., & Permyakova, T.M. (2019). Impostor syndrome among Russian students: The link between perfectionism and psychological distress. *Personality and Individual Differences*, 143, 1–6. doi: 10.1016/j.paid.2019.02.005
- Zanchetta, M., Junker, S., Wolf, A.M., & Traut-Mattausch, E. (2020). “Overcoming the fear that haunts your success” — The effectiveness of interventions for reducing the impostor phenomenon. *Frontiers in Psychology*, 11, 405. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00405

References:

- Bechtoldt, M.N. (2015). Wanted: Self-doubting employees — Managers scoring positively on impostorism favor insecure employees in task delegation. *Personality and Individual Differences*, 86, 482–486. doi: 10.1016/j.paid.2015.07.002
- Bernard, N.S., Dollinger, S.J., & Ramaniah, N.V. (2002). Applying the big five personality factors to the impostor phenomenon. *Journal of Personality Assessment*, 78 (2), 321–333. doi: 10.1207/S15327752JPA7802_07
- Bravata, D.M., Watts, S.A., Keefer, A.L., Madhusudhan, D.K., Taylor, K.T., Clark, D.M., Nelson, R.S., Cokley, K.O., & Hagg, H.K. (2020). Prevalence, predictors, and treatment of impostor syndrome: A systematic review. *Journal of General Internal Medicine*, 35 (4), 1252–1275. doi: 10.1007/s11606-019-05364-1
- Caruana, E.J., Roman, M., Hernández-Sánchez, J., & Solli, P. (2015). Longitudinal studies. *Journal of Thoracic Disease*, 7 (11), e537–e540. doi: 10.3978/j.issn.2072-1439.2015.10.63
- Clance, P.R., & Imes, S.A. (1978). The impostor phenomenon in high achieving women: Dynamics and therapeutic intervention. *Psychotherapy: Theory, Research & Practice*, 15 (3), 241–247. doi: 10.1037/h0086006
- Clark, P., Holden, C., Russell, M., & Downs, H. (2021). The impostor phenomenon in mental health professionals: Relationships among compassion fatigue, burnout, and compassion satisfaction. *Contemporary Family Therapy*. doi: 10.1007/s10591-021-09580-y
- Crawford, W.S., Shanine, K.K., Whitman, M.V., & Kacmar, K.M. (2016). Examining the impostor phenomenon and work-family conflict. *Journal of Managerial Psychology*, 31 (2), 375–390. doi: 10.1108/JMP-12-2013-0409
- Dudău, D.P. (2014). The relation between perfectionism and impostor phenomenon. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 127, 129–133. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.03.226
- Feenstra, S., Begeny, C.T., Ryan, M.K., Rink, F.A., Stoker, J.L., & Jordan, J. (2020). Contextualizing the impostor “syndrome”. *Frontiers in Psychology*, 11, 575024. doi: 10.3389/fpsyg.2020.575024
- Flett, G.L., Mara, C.A., Hewitt, P.L., Sirois, F., & Molnar, D.S. (2016). How should discrepancy be assessed in perfectionism research? A psychometric analysis and proposed refinement of the Almost Perfect Scale-Revised. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 34 (7), 718–732. doi: 10.1177/0734282916651382
- Lee, H., Anderson, C.B., Yates, M.S., Chang, S., & Chakraverty, D. (2020). Insights into the complexity of the impostor phenomenon among trainees and professionals in STEM and medicine. *Current Psychology*. doi: 10.1007/s12144-020-01089-1
- Matthews, G., & Clance, P.R. (1985). Treatment of the impostor phenomenon in psychotherapy clients. *Psychotherapy in Private Practice*, 3 (1), 71–81. doi: 10.1300/J294v03n01_09
- McGregor, L.N., Gee, D.E., & Posey, K.E. (2008). I feel like a fraud and it depresses me: The relation between the impostor phenomenon and depression. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 36 (1), 43–48. doi: 10.2224/sbp.2008.36.1.43
- Moore, E., Holding, A.C., Hope, N.H., Harvey, B., Powers, T.A., Zuroff, D., & Koestner, R. (2018). Perfectionism and the pursuit of personal goals: A self-determination theory analysis. *Motivation and Emotion*, 42 (1), 37–49. <https://doi.org/10.1007/s11031-017-9654-2>
- Neureiter, M., & Traut-Mattausch, E. (2016a). An inner barrier to career development: Preconditions of the impostor phenomenon and consequences for career development. *Frontiers in psychology*, 7, 48. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00048
- Neureiter, M., & Traut-Mattausch, E. (2016b). Inspecting the dangers of feeling like a fake: An empirical investigation of the impostor phenomenon in the world of work. *Frontiers in psychology*, 7, 1445. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01445
- Osin E.N., Ivanova T.Yu., & Gordeeva T.O. (2013). Autonomous and controlled professional motivation predict subjective well-being in Russian employees. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational Psychology)*, 3 (1), 8–29. (in Russ.).
- Pannhausen, S., Klug, K., & Rohrmann, S. (2020). Never good enough: The relation between the impostor phenomenon and multidimensional perfectionism. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*. Advance online publication. doi: 10.1007/s12144-020-00613-7
- Rice, K.G., Richardson, C.M.E., & Tueller, S. (2014). The short form of the revised almost perfect scale. *Journal of Personality Assessment*, 96 (3), 368–379. doi: 10.1080/00223891.2013.838172
- Rohrmann, S., Bechtoldt, M.N., & Leonhardt, M. (2016). Validation of the impostor phenomenon among managers. *Frontiers in psychology*, 7, 821. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00821
- Schmulian, D.L., Redgen, W., & Fleming, J. (2020). Impostor syndrome and compassion fatigue among graduate allied health students: A pilot study. *Focus on Health Professional Education: A Multi-Professional Journal*, 21 (3), 1–14.
- Schubert, N. (2013). The impostor phenomenon: Insecurity cloaked in success: Master of Arts in Psychology. Ottawa.
- Schubert, N., & Bowker, A. (2019). Examining the impostor phenomenon in relation to self-esteem level and self-esteem instability. *Current Psychology*, 38 (3), 749–755. doi: 10.1007/s12144-017-9650-4
- Sharma, S. (2018). Impostor phenomenon, career satisfaction and perceived career success of research scholars: Testing the mediator role of career optimism. *Pacific Business Review International*, 10 (9), 182–187.
- Sheveleva M.S., Kornienko D.S., Permyakova T.M. (2021). Clance impostor phenomenon scale: psychometric properties of the Russian version. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 42 (1). 133–143. doi: 10.31857/S020595920013343-3 (in Russ.).
- Sonnak, C., & Towell, T. (2001). The impostor phenomenon in British university students: Relationships between self-esteem, mental health, parental rearing style and socioeconomic status. *Personality and individual differences*, 31 (6), 863–874. doi: 10.1016/S0191-8869(00)00184-7
- Vaughn, A.R., Taasoobshirazi, G., & Johnson, M.L. (2020). Impostor phenomenon and motivation: Women in higher education. *Studies in Higher Education*, 45, 780–795. doi: 10.1080/03075079.2019.1568976
- Vergauwe, J., Wille, B., Feys, M., De Fruyt, F., & Anseel, F. (2015). Fear of being exposed: The trait-relatedness of the impostor phenomenon and its relevance in the work context. *Journal of Business and Psychology*, 30 (3), 565–581. doi: 10.1007/s10869-014-9382-5

- Wang, K.T., Permyakova, T.M., Sheveleva, M.S. (2016). Assessing perfectionism in Russia: Classifying perfectionists with the Short Almost Perfect Scale. *Personality and Individual Differences*, 92, 174–179. doi: 10.1016/j.paid.2015.12.044
- Wang, K.T., Sheveleva, M.S., & Permyakova, T.M. (2019). Imposter syndrome among Russian students: The link between perfectionism and psychological distress. *Personality and Individual Differences*, 143, 1–6. doi: 10.1016/j.paid.2019.02.005
- Zanchetta, M., Junker, S., Wolf, A.-M., & Traut-Mattausch, E. (2020). “Overcoming the fear that haunts your success” — The effectiveness of interventions for reducing the impostor phenomenon. *Frontiers in Psychology*, 11, 405. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00405
- Zolotareva A.A. (2020). Adaptation of G. Schmidt’s scale for job apathy. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 41 (2), 115–126. doi: 10.31857/S020595920007904-0 (in Russ.).